

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ

Annotation

Книга американского исследователя Генри Чарльза Ли (1825-1909), основанная на обширном документальном материале, рассказывает о возникновении и деятельности инквизиции в Средние века. На страницах издания предстают живо описанные знаменитые процессы над Яном Гусом, Савонаролой, Жанной д'Арк, гроссмейстером тамплиеров Жаком де Молэ, `Синей Бородой` – Жилем де Рэ и др. Для широкого круга читателей.

- [Генри Чарльз Ли](#)
 -
 - [ИНКВИЗИЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ЗЕМЛЯХ](#)
 - [Глава 1. ЛАНГЕДОК](#)
 - [Глава 2. ФРАНЦИЯ](#)
 - [Глава 3. ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ](#)
 - [Глава 4. ИТАЛИЯ](#)
 - [Глава 5. СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ](#)
 - [Глава 6. ГЕРМАНИЯ](#)
 - [Глава 7. ЧЕХИЯ](#)
 - [Глава 8. ГУСИТЫ](#)
-

Генри Чарльз Ли

История инквизиции. том 2

Книга состоит из трех томов:

«Происхождение и устройство»

«Инквизиция в различных христианских землях»

«Частные случаи инквизиционной деятельности»

ИНКВИЗИЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Глава 1. ЛАНГЕДОК

Людам, явившимся в Лангедок, чтобы заложить основы инквизиции, приходилось в новых условиях применять свою власть, размер и пределы которой не были определены. Значительную часть населения составляли катары и вальденцы; католики не внушали доверия: в течение более чем двадцати лет борьбы против крестоносцев католики и катары действовали совместно, защищая земли своих предков. Городские магистраты, если сами не были еретиками, то всегда были веротерпимы и всегда стояли на страже прав и привилегий своих городов. Почти повсюду дворяне и могущественные сеньоры открыто или тайно исповедовали ересь. Самого Раймунда Тулузского ставили наравне с еретиками. Инквизиция, как символ ненавистного чужого господства, не могла найти опоры ни в одном сословии Лангедока.

Часть Лангедока, оставленная Раймунду победителями-крестоносцами, была изнурена огромными податями, наложенными на графа после мира 1229 г. Трудно было собирать контрибуцию с населения, разоренного двадцатилетней войной.

Правда, инквизиция была с радостью встречена Церковью; но за последние пятьдесят лет нигде в христианском мире ее влияние не пало так низко, как в Лангедоке. Сама Церковь была заражена ересью. Поэтому Григорий IX установил в 1233 г., что один епископ, пригласив нескольких аббатов, мог отлучать духовных лиц от Церкви и выдавать их светской власти для сожжения. Иннокентий IV в 1245 г. приказал своему легату в Лангедоке следить, чтобы ни один человек, подозреваемый в ереси, не был избран или посвящен в епископы. Священники, желавшие помогать инквизиции, часто вызывали такую ненависть, что им невозможно было оставаться в своих приходах. Около 1246 г. Иннокентий IV отметил, что прелаты не оказывают содействие инквизиции, и грозил им за это своим гневом. Между белым духовенством и нищенствующими орденами существовал естественный антагонизм, который еще более увеличился благодаря инквизиторам; последние желали наложить свои руки на епископов и следили за ними во всем, что касалось их обязанности распространения веры.

Папа Иннокентий III и крестоносцы, убивающие еретиков. Миниатюра нач.14 в.

Работе инквизиции мешало также отсутствие мест заключения для подсудимых и осужденных. Епископы, на которых была возложена обязанность давать тюрьмы для многочисленных арестованных, уклонялись от этого. В конце концов Людовик Святой построил тюрьмы. Граф Раймунд по договору 1229 г. обязался уплачивать вознаграждение за поимку каждого еретика, и инквизиция следила за выполнением этого условия и даже сама платила эти деньги, но среди дворян и горожан преследуемые находили защитников, и не редки были случаи убийства преследователей.

Однако к этому времени основанный в 1215 г. Доминиканский орден был готов к истреблению еретиков, продолжавшемуся под его руководством в течение ста лет, после того как в 1239 г. папа передал в его ведение инквизицию. Назначение первых инквизиторов состоялось в 1233 г. «Брат Понс де С.-Жиль был сделан приором в Тулузе и энергично и успешно боролся против еретиков; ему помогали в этом брат Петр Селла Тулузский и брат Гильем Арно из Монпелье, которых Его Святейшество папа назначил инквизиторами в епархиях Тулузы и Кагора. Брат Арно Катала, бывший в то время в тулузском монастыре, был также назначен инквизитором легатом – архиепископом Виеннским». Это единственный документ об учреждении святого трибунала.

Вначале юрисдикция инквизиции еще была подчинена суду епископа, но немного спустя инквизиторы оставили Тулузу, перенесли свою деятельность в другое место и стали действовать вполне самостоятельно. Нигде не упоминается, чтобы епископ Керси вмешался в Кагоре в их приговор, когда они осудили умерших, трупы которых вырыли и сожгли. В то же время Арно Катала и Гильем Пелиссон производили розыски в Альби, соединившись с третьим инквизитором, Гильемом де Ломбер.

В Тулузе в отсутствие инквизиторов приор, Понс де С.-Жиль, принял на себя их обязанности. Он взял себе помощником одного монаха, и вдвоем они подвергли пытке, осудили и послали на костер Арно Сансье, который до последней минуты утверждал, что он – истинный католик.

Еретик, который отказывался отречься от своей веры, сжигался. Однако до этого времени верующий, если он исповедовал свое католичество, обычно избегал смертной казни, так как было трудно доказать его виновность. Монахи, опытные в диспутах, знакомые с каноническим и с гражданским правом, были особенно пригодны для раскрытия тайного неверия. Они замучивали свои жертвы до смерти, чтобы распространять страх не только между виновными, но и невинными.

Ревность преследователей росла по мере того, как страх и ненависть преследуемых принимали угрожающий характер. Уже в 1233 г. были убиты толпой два доминиканца, посланные в Корд на розыски еретиков.

14 июня 1234 г. в Альби вспыхнуло восстание. Арнольд Катала приказал епископскому судье вырыть останки одного еретика, осужденного инквизицией. Судья отказался. Тогда Арнольд приказал это своим помощникам, которых народ прогнал с кладбища. Арнольд пошел на кладбище сам; на площади огромная толпа бросилась на него и кричала: «Убьем его!» Но к нему подоспела помощь и его увели в синод под крики разъяренной толпы. Все жители города действовали единодушно. Арнольд наложил на возмущившийся город отлучение, которое он же вскоре снял добровольно; но его преемник, брат Феррер навел на виновный город суд Божий и массу граждан заточил в тюрьму и многих сжег. В Нарбонне возникли более серьезные волнения, хотя туда еще и не были посланы настоящие инквизиторы. В марте 1234 г.

доминиканский приор произвел по собственному почину розыск и заключил в тюрьму одного гражданина. Ремесленники предместья, образовавшие в 1219 г. лигу взаимной защиты, силой освободили заключенного. Консулы Нарбонны, представляя много доказательств произвола инквизиторского суда, пытались организовать федерацию городов Лангедока против инквизиции. Приор доминиканцев по приказанию своего провинциала произвел многочисленные аресты горожан. В декабре граждане обратились с жалобой к папе, королю Якову Арагонскому и легату и добились приостановки преследования. Но в 1235 г. народ опять восстал против доминиканцев, изгнал монахов из города, осадил монастырь и уничтожил все протоколы дел, возбужденных против еретиков. Архиепископ ограничил действие инквизиции предместьем. Кровавая война вспыхнула между городом и предместьем и длилась до 1237 г. В марте 1238 г. был заключен мир. Церковь торжествовала и наложила на многих мятежников год службы в Палестине или против мавров в Испании.

В Тулузе открытое возмущение против инквизиции вспыхнуло позднее, чем в других местах. Партия Церкви старалась представить графа Раймунда как главного противника святого трибунала. Для него же очень важно было не допустить разрушение своих городов и уделов, но еще важнее было не навлечь страшного клейма покровителя ереси.

Он всегда был в ссоре со своими прелатами. Его так часто и надолго отлучали от Церкви, что всякий епископ, не задумываясь, предавал его анафеме. В 1232 г. Григорий IX приказал ему энергично преследовать еретиков. Папский легат созвал прелатов Лангедока и вызвал Раймунда на суд короля Людовика, обвиняя в небрежном исполнении обязательств преследовать еретиков, данных в 1229 г. Вследствие этой меры в феврале 1234 г. граф издал суровые указы против еретиков. Но это не имело успеха, как не имело успеха и распоряжение Григория IX, чтобы отныне епископы реже отлучали графа от Церкви: менее чем в течение одного года, по чисто светским мотивам, Раймунда два раза вновь отлучали от Церкви. Папа более настойчиво, чем прежде, требовал уничтожения ереси; несомненно, Раймунд проявил послушание, так как желал добиться от Рима восстановления Провансальского маркизата. В этом его энергично поддерживал король Людовик, сын которого, Альфонс, был наследником Раймунда; благодаря этому в конце 1234 г. граф получил

аудиенцию у папы. Они расстались в самых лучших отношениях; граф вернулся в Тулузу любимым сыном Церкви, готовым выполнить все ее приказания.

У себя в городе граф нашел положение дел очень серьезным., На Пасху 1235 г. доминиканцы объявили, что всякий, кто добровольно покается, получит прощение; кающиеся еретики явились во множестве. Этот успех придал новую энергию приору Понсу де С.-Жиль, который начал арестовывать всех, кто не принес добровольного раскаяния.

Действия инквизиции вызывали общее возмущение. Бывали случаи освобождения толпой арестованных. Представители Раймунда, вигье и бальи всегда оказывали помощь инквизиции, когда требовалось вмешательство светской власти при арестах, конфискациях и кострах. Прибыв в Тулузу, граф просил инквизиторов на время приостановить строгости. Его не послушали. Тогда он пожаловался папскому легату на инквизитора Петра Селлу, которого считал главным виновником беспорядков в Тулузе. Инквизитор был отправлен в Кагор, предпринял охоту за еретиками. Но и без Селлы преследование продолжалось все так же сильно, и все так же росло народное недовольство.

Инквизитор Гильем Арно возбудил дело против двенадцати видных граждан Тулузы. Они отказались явиться на суд и грозили прибегнуть к насилью, если Арно не прекратит преследования. С одобрения графа Раймунда от него потребовали или сложить с себя обязанности инквизитора, или удалиться из города. Но доминиканцы решили, чтобы он энергично продолжал свое дело. Тогда консулы силою изгнали его из города. Арно отправился в Каркассон и послал в Тулузу приору Св. Стефана и священникам приказание возобновить от его имени сделанные им раньше вызовы в суд; это приказание было исполнено; тогда консулы изгнали из города приора и священников и торжественно объявили, что всякий, кто осмелится возобновлять преследования, будет предан смерти, а кто будет слушаться приказаний инквизитора, будет лишен свободы, а имущество его будет конфисковано. В другом объявлении, сделанном от имени самого Раймунда, консулы запрещали давать или продавать что-либо епископу, доминиканцам и каноникам Св. Стефана. Но Арно прислал из Каркассона приору письмо. Так как никто не смел вызвать к нему отказавшихся явиться на суд граждан, то он приказал двум монахам потребовать от возмутившихся личной явки к нему в Каркассон для

того, чтобы они дали ответ в своих ложных верованиях; два других монаха должны были сопровождать их в качестве свидетелей. Четверо монахов, выбранных приором, выполнили поручение. Удовлетворение требований фанатиков-доминиканцев равнялось самоубийству; и консулы изгнали их из города 5 или 6 ноября 1235 г. Это событие привлекло симпатии всех верных на сторону монахов.

Упорный инквизитор Гильем за нарушение неприкосновенности духовенства предал анафеме 10 ноября 1235 г. консулов. Тулузским францисканцам было поручено обнародовать это отлучение; они послушались и были также изгнаны из города, так что возмущившийся город фактически остался без духовенства. Последовали новые отлучения от Церкви; на этот раз отлучен был и граф Раймунд. Папа 28 апреля 1236 г. направил грозное послание Раймунду и заявил, что граф ответствен за действия консулов; он не только не искоренил ереси, но даже открыто покровительствует еретикам, сделал из своих земель убежище для всех, кто бежал от преследования, и благодаря этому ересь с каждым днем распространяется все шире и часты стали случаи совращения католиков, а тех из духовных лиц, которые стараются остановить зло, безнаказанно оскорбляют и даже убивают. Графу было решительно приказано отправиться в Св. Землю в марте 1237 г.

Одновременно с посланием к Раймунду было отправлено послание и к легату. Последнему предлагалось заставить графа оправдать себя и предпринять крестовый поход. Папа запретил Фридриху II требовать от Раймунда феодальной службы ввиду того, что он отлучен от Церкви, и за то, что он, в сущности, еретик. Император ответил, что, пока Раймунд будет владеть в империи уделом, отлучение от Церкви не может освободить его как вассала от своих обязанностей по отношению к сюзерену. Короля Людовика папа заставлял поторопиться с бракосочетанием его сына Альфонса с дочерью Раймунда, Жанной. Графу под угрозой нового вторжения крестоносцев в Лангедок пришлось уступить. Он по приглашению легата смиренно явился в Каркассон и вступил в переговоры с епископом и инквизиторами. Граф обещал снова водворить епископа, монахов и духовенство в Тулузе 4 сентября; с ними вместе вернулся и Гильем Арно.

Он еще отсутствовал, когда в Тулузе обратился Раймунд Гро, в течение более чем двадцати лет бывший совершенным еретиком и главным вождем катаров. Он открыл все, что узнал за время своего

общения с катарами; потребовалось несколько дней, чтобы записать все имена и факты. Был составлен длинный перечень дворян и видных граждан; в некоторых случаях ренегат подтвердил старые подозрения, а также указал на существование ереси там, где ее никто и не думал искать.

Никто не смел оспаривать истинности обвинений, предъявленных Раймундом Гро. Многие еретики бежали. Другие отреклись от ереси и прибавили новые разоблачения к данным их бывшим главой. Составили длинный список имен лиц, принявших еретикацию на смертном одре; масса трупов была вырыта и сожжена; масса конфискаций была произведена после этого.

Летописец повествует, рисуя картину гибели и падения еретической общины: «Имена их не внесены в Книгу Живота; тела их сожжены на земле, а души их горят в вечном огне ада!» Одним приговором, вынесенным 19 февраля 1238 г., были сразу осуждены к пожизненному тюремному заключению более чем двадцать кающихся.

Инквизиция разбила оппозицию светских властей. Уничтожив ересь в Тулузе, инквизиторы устраивали суды по всем городам, на которые распространялась их юрисдикция. Еретики были вынуждены покинуть земли графа Раймунда и искать убежища за границей. В Тулузе снова вспыхнули беспорядки. 24 июля 1237 г. инквизитор еще раз отлучил от Церкви вигье и консулов за то, что они не арестовали и не сожгли еретиков, осужденных заочно. Тогда Раймунд решил сделать все возможное, чтобы освободиться самому и освободить своих подданных от чересчур жестокого гнета доминиканцев.

13 мая 1238 г. по просьбе Раймунда деятельность инквизиционного суда была приостановлена на три месяца; граф воспользовался этой отсрочкой, чтобы представить папе свои объяснения. Он собрал веские доказательства, так как Григорий предписал епископу продлить приостановку до приезда нового легата, которому было поручено расследовать все, в чем упрекали доминиканцев, и он должен был решить, подлежало ли ходатайство Раймунда удовлетворению и следовало ли передать юрисдикции епископа все дела по обвинению в ереси. Но прелат, облеченный полной властью против инквизиторов, прибыл только в 1239 г. До конца 1241 г. инквизиция совершенно бездействовала. Еретики стали питать надежду, что вернутся времена, когда они безбоязненно жили под властью князей-еретиков. Страна

была полна рыцарей и баронов, более или менее открыто исповедовавших ересь и живших под постоянным страхом близкого преследования. Здесь нашли также пристанище сеньоры, изгнанные за ересь; другие, обращенные силой, тайно горели желанием исповедовать свою гонимую веру и вернуть свои отнятые земли; кающиеся, уставшие носить свои кресты, мечтали об отмщении за продолжительное унижение. Беглецы и еретические наставники скрывались в глуши лесов и в горах. Не было ни одной семьи, которая не хотела бы отомстить за своих родных, павших на поле битвы или сожженных на костре. Недостаток тюрем не позволял прибегнуть к заключению всех в тюрьму, и мало зажигалось костров. Неожиданно в 1240 г. вспыхнуло восстание, поднятое Тренкавелем, сыном виконта Безье, обманом захваченного Симоном де Монфор. Тренкавель привел из Каталонии целую армию рыцарей и изгнанных дворян. Вассалы и подданные встретили его с энтузиазмом. Граф Раймунд, двоюродный брат Тренкавеля, держался крайне осторожно. Восстание вначале было удачно. Тренкавель осадил Каркассон; предместье сдалось тотчас же. Но слабое королевское войско под командованием Жана де Бомон сразу подавило восстание, а последовавшие за этим репрессии совершенно уничтожили немногочисленное дворянство страны.

Основатель инквизиции Григорий IX перед смертью в августе 1241 г. вернул инквизиции свободу действий. Его преемник, Целестин IV, был папой только двенадцать дней (с 20 сентября по 8 октября), а затем около двух лет папский престол оставался незанятым до избрания папой 28 июня 1243 г. Иннокентия IV. В эту эпоху политика Раймунда была направлена к тому, чтобы поддерживать добрые отношения с папством. Граф добивался от папы Григория снятия четырех отлучений и одной индульгенции за крестовый поход, а затем разрешения вступить в брак с Санчо, дочерью и наследницей графа Прованского. Всецело поглощенный проектами восстановления своего могущества, граф заключил союз с Иаковом I Арагонским, чтобы защищать Св. Престол и католическую веру против еретиков. Поэтому он не мог оказать сопротивление возрождению преследования. Замешанный в восстании Тренкавеля и вызванный на суд королем Людовиком, он был вынужден 14 марта обязаться изгнать из своих земель еретиков и врагов короля и немедленно захватить замок Монсегюр, последнее убежище ереси.

Вопросы религии и политики соединяли тогда тесные связи. Большие затруднения встречала инквизиция в своей борьбе против ереси и горячего патриотизма лангедокцев. Но поражение восстания нанесло еретикам непоправимый урон.

За поражением Тренкавеля последовала реакция. Была уничтожена инквизицией независимость сеньоров, и так постепенно авторитет короны и Церкви распространился на всю страну. Инквизиторы вновь энергично принялись за дело. Петр Селла во время объезда своей области Керси за период с Рождественского поста 1241 г. до Вознесения 1242 г. вынес семьсот двадцать четыре приговора.

Четыремстам двадцати семи из этих кающихся было приказано совершить паломничество в Компостелло. Сто восемь были посланы в Кэнтербери после паломничества в Компостелло. Двое только были посланы в Рим. Семьдесят девять были обязаны принять участие в крестовом походе сроком от одного до восьми лет. На остальных были наложены более легкие паломничества.

Все осуждения были сделаны с поразительной быстротой в течение шести месяцев: за четыре недели были записаны признания и вынесены приговоры по делу о двухстах девятнадцати лицах в Гурдоне, в Монтобане за одну неделю было вынесено двести пятьдесят четыре приговора, т. е. в среднем по сорок два приговора в рабочий день. Двести девятнадцать осужденных было в маленьком городке Гурдоне, восемьдесят четыре в Монкюке. Многие из осужденных были действительно еретиками, но большинство было хорошими католиками. Например, один священник сознался, что он пошел раз с еретиками в виноградник, читал их книги и съел с ними несколько груш. Ему запретили отправление священнических обязанностей и послали в паломничество в Компостелло, а оттуда в Рим. Один гражданин видел, как три еретика вошли в дом больного и, как он слышал впоследствии, совершили над ним обряд еретикации; сам обвиняемый ничего об этом не знал; но тем не менее его присудили совершить паломничество. Один человек за то, что передал письмо одного еретика другому, был осужден на три паломничества. Таже епитимья была наложена на врача, перевязавшего руку еретику, и на женщину, пообедавшую раз с еретиком, и на одного мужчину за то, что однажды посетил еретика. Среди вальденцев было много хороших врачей, и два человека, позвавшие их к больным женам или детям,

были осуждены. Один гражданин, бывший в гостях у еретиков, искупил свой грех вступлением в монастырь; но и ему были предписаны многочисленные дальние паломничества; год он должен был носить желтый крест. Одного послали в паломничество за то, что двенадцатилетним ребенком он был раз в гостях у еретиков; другого за то, что принял свою мать-вальденку и подарил ей аршин сукна. Такими наказаниями добровольно кающихся, явившихся в течение срока милосердия, давали понять народу, что прежней многолетней веротерпимости больше не будет. Соседские отношения между католиками, катарами и вальденцами считались грехом.

Каждый мог оказаться виновным в глазах таких фанатиков, как Петр Селла и Гильем Арно. Еретиков ждали пожизненное тюремное заключение, конфискация имущества или сожжение на костре, а в лучшем случае отправка в крестовый поход. Но и католиков, если они избегали более суровых наказаний, если их освобождали от унижительного ношения желтых крестов, осуждали на дальние и трудные паломничества. За инквизиторами оставалась пустыня, почти лишенная населения. Когда отец или мать отправлялись на месяцы или даже на целые годы на поклонение отдаленным святыням, то их дети оставались дома, осужденные на голодную смерть; жатва на корню была добычей первого пришельца; все плоды долгой трудовой жизни были утрачены, конфискованы, сведены на нет. Таковы приговоры Петра Селлы, вынесенные за срок милосердия. Год или два позднее Нарбоннский собор был вынужден запретить инквизиторам на время осуждение к тюремному заключению: число людей, приходивших целыми толпами просить прощения по истечении срока милосердия, было так велико, что не хватало денег на содержание их в тюрьмах; в этой гористой стране не хватало камня для постройки тюрем! Часто случалось, что жители, предупрежденные вовремя, объединялись для отпора инквизитору.

В 1232 г. два катарских епископа и много других наставников, видя, что угнетение и преследование растут постоянно, решили, что необходима крепость, которая могла бы служить убежищем. Владелец неприступного замка Монсегюр Раймунд де Перейль в течение сорока лет принимал и укрывал всех гонимых сектантов; ему была вверена казна катарской общины.

Эта крепость в руках людей, потерявших всякую надежду, была в глазах Церкви проклятым местом, откуда снова могла выступить ересь и захватить всю страну. 14 марта 1241 г. одним из условий прощения графу Раймунду за его сношения с Тренкавелем стал захват им Монсегюра. Он в том же году сделал вид, что осаждает замок. Осаждала замок и французская армия после подавления восстания, но взять его ей не удалось.

Накануне Вознесенья 1242 г. в Авиньонэ, маленьком городке милях в двенадцати от Тулузы, рыцарями и их слугами из Монсегюра были убиты инквизиторы Гильем Арно, Этьен де С.-Тибери и семь их помощников. Это убийство сильно повредило графу Раймунду. Незадолго перед этим, 14 марта 1241 г., он поклялся направить все силы на преследование ереси. Он побуждал епископов применить в деле уничтожения ереси их законную власть, обещал им свою поддержку и обязывался исполнять закон о конфискациях и смертной казни. Он даже соглашался допустить монахов к исполнению обязанностей инквизиторов, но при условии, чтобы они действовали без всякого контроля своих орденов и своих провинциалов. Один из его бальи грозил даже в церкви в Мойсаке конфисковать имущество и арестовать всякого, кто подчинится наказаниям, наложенным инквизиторами, не признанными графом. Поэтому Раймунда считали причастным к убийству в Авиньонэ. События в Авиньонэ были грозным предзнаменованием восстания, которое вскоре подняли против графа некоторые из его вассалов.

Раймунд задумывал в это время огромный союз, чтобы отнять у Капетингов их завоевания на юге Франции в начале XIII в. К нему должны были присоединиться короли Англии, Кастилии и Арагона и граф де ла Марш. Все позволяло ему надеяться, что он вернет себе свои прежние владения. Но король Людовик победами над англичанами и гасконцами под Тайльбургом и Сентом 19 и 23 июля лишил Раймунда всякой надежды на постороннюю помощь. 22 декабря, лишенный союзников и покинутый почти всеми своими вассалами, Раймунд сложил оружие. Чтобы добиться мира, он соглашался уничтожить ересь и наказать убийц в Авиньонэ.

Король Людовик от всех лиц мужского пола старше пятнадцати лет потребовал присягу в том, что они будут помогать Церкви в ее борьбе против ереси и будут поддерживать короля против Раймунда, если

последний снова восстанет. Инквизиция получила полную возможность потребовать от Юга подчинения католической Церкви. Тщетно на соборе в Безье 20 апреля 1243 г. Раймунд призывал епископов своих владений: Тулузы, Ажана, Кагора, Альби и Родеза взять в свои руки дело инквизиции и обещал им поддержку светской власти. Папа приказал доминиканцам исполнить их обязанности инквизиторов, хотя бы их всех убили, как в Авиньонэ.

Папа Иннокентий IV приказал всем прелатам страны помогать инквизиторам и поддерживать их. Он грозил гневом и мщением всем, кто будет небрежно относиться к этим обязанностям, Доминиканцев он призывал задушить возродившуюся ересь. Еще тяжелей отразилось на ереси окончательное примирение Раймунда с папством. Осенью 1243 г. граф получил аудиенцию у папы в Риме. 2 декабря были сняты с Раймунда все тяготевшие над ним отлучения. 1 января 1244 г. этот акт был объявлен королю Людовику и прелатам королевства. 7 января папский легат получил приказание засвидетельствовать графу отеческую любовь папы и не давать его в обиду. Однако особое отлучение, наложенное на Раймунда как на покровителя еретиков после резни в Авиньонэ инквизиторами Феррером и Гильемом Раймундом, было снято папской буллой только 16 мая 1244 г. Булла 18 марта 1244 г. милостиво разрешала графу Раймунду в течение пяти лет не отвечать ни на одно папское послание, которое вызывало бы его на суд за пределами его владений. Другой буллой от 27 апреля 1245 г. граф, его семейство и его земли брались под особое покровительство Св. Престола; булла 12 мая 1245 г. объявляла, что ни один уполномоченный папы без особого на то полномочия не имеет права отлучать Раймунда от Церкви или накладывать на него какое-либо наказание. Булла от 21 апреля 1245 г. ограничивала даже инквизиторов. Раймунд окончательно перешел на сторону католической Церкви. В это время Нарбоннский собор и выработал жестокие меры, направленные на искоренение ереси.

До тех пор, пока в руках еретиков оставался Монсегюр, нельзя было уничтожить их тайную и могущественную организацию. И как только успокоилось волнение, вызванное восстанием 1242 г., был поднят крестовый поход, но не Раймундом, а архиепископом Нарбонны, епископом Альби, сенешалем Каркассона и другими дворянами. Но многие бальи графа Раймунда поддерживали еретиков. В замок

стекались деньги, провиант, оружие и запасы. Осада началась весной 1243 г. Нападение велось с неослабной энергией; осажденные защищались со стойкостью людей, лишенных надежды. Женщины помогали мужчинам; епископ катаров возбуждал храбрость обещанием вечного блаженства. Осажденным симпатизировали даже враги, и благодаря этому они могли поддерживать сношения со своими друзьями вне замка и узнавать планы осаждавших. Перед Рождеством 1243 г. удалось даже провезти безопасно через всю линию осаждающих ценности, собранные в Монсегюре, и переслать их в Савартес. Осажденные поддерживали сношения с графом Раймундом, который подкреплял их обещаниями, что, если Монсегюр продержится до Пасхи 1244 г., то он явится к ним на выручку со вспомогательной армией Фридриха II. Но все это было тщетно. Осада продолжалась почти целый год; ночью 1 марта 1244 г. пастухи провели крестоносцев по тропинкам через крутые скалы. Более замок не мог держаться; гарнизон должен был сдаться на заре. Все совершенные еретики должны были быть выданы архиепископу, остальным сохранялась жизнь. Удалось спустить по веревкам со стены несколько еретиков, которые спаслись. После капитуляции епископ быстро начал отбирать признания. У подошвы скалы зажгли костры. Совершенным было приказано отречься; они отказались, и их бросили в огонь, в котором погибло двести пять мужчин и женщин. Остальным пленникам обещали сохранить жизнь. Однако в течение многих месяцев инквизиторы Феррер и Дюран вели допросы, стараясь собрать показания против еретиков ближних и дальних, живых и мертвых. Все, начиная от престарелого Раймунда де Перейль до десятилетнего ребенка, должны были раскрыть все известные им случаи еретикации. Были составлены бесконечно длинные списки, в которые были внесены имена всех тех, кто в течение тридцати или сорока лет присутствовал на еретических проповедях по всей стране. Тщательно разыскивали и записывали всех, кто доставлял провиант осажденным в Монсегюре. Инквизиции теперь была известна вся сеть ереси, раскинувшаяся над страной более чем за время одного поколения. Это сулило много вырытых трупов, много выгодных конфискаций; это давало в руки инквизиторов неотразимое оружие для ловли жертв и уличения их в ереси. Что касается способов, какими были добыты эти разоблачения, то пытка не была еще введена; пленникам обещали сохранить жизнь, но только пожизненно в тюрьме.

Удалось сломить самое твердое упорство. Так, например, даже Раймунд де Перейль, твердо перенесший все превратности крестовых походов против альбигойцев и твердо державшийся до последнего момента, выдал всех, кто выказывал поклонение перед наставником катаров. Инквизиция могла беспрепятственно ловить еретиков; король и граф могли вмешиваться и производить конфискации, и земли Южной Франции постепенно переходили благодаря этому в руки католиков и пришельцев. Число верующих, которые отреклись от своих убеждений на условии даже пожизненной тюрьмы, было огромно, так как Нарбоннский собор около этого времени просил инквизиторов приостановить суд ввиду недостатка материалов для постройки тюрем. Невозможно было разместить толпы еретиков, которые постоянно приходили и просили прощения по истечении срока милосердия; в декабре 1234 г. Иннокентий IV издал даже указ о продлении этого срока.

Среди населения ересь была очень распространена и инквизиторы находили себе широкое поле действия и помимо этих тысяч добровольно кающихся. Всякий кающийся должен был назвать всех, кого он видел исполнявшим еретические обряды, или о ком он знал, что он подвергся еретикации на смертном одре. Благодаря этому представлялась возможность вызывать на суд тех, кто не являлся добровольно, а покойников вырывали из могил и кости их сжигали.

Но все же боялись еще возможности отпора, и собор в Безье в 1246 г. разрешает инквизиторам не посещать лично тех местностей, где им могла бы грозить опасность; а в 1247 г. Иннокентий разрешил инквизиторам вызывать к себе далеко живущих обвиняемых, чтобы во время пути не попасть в засаду.

Только за два года, 1245 и 1246, инквизиторы посетили шестьсот населенных мест, почти половину Лангедока, и провели внушительное число допросов: двести тридцать в Авиньонэ, сто в Фанжо, четыреста двадцать в Мас-С.-Пуэль. Было произведено приблизительно от восьми до десяти тысяч допросов. Тем не менее в 1245 г. епископы Лангедока жаловались на чрезмерную мягкость инквизиции, утверждали, что ересь постоянно растет, и требовали от инквизиторов более энергичной работы. В том же году Иннокентий IV повелел инквизиторам Лангедока производить суд только в случаях очевидной ереси и по преступлениям, влекущим легкое наказание; рассмотрение же дел серьезных, караемых

тюрьмой, крестами, дальними паломничествами и конфискацией, должно быть приостановлено до издания правил открывающимся под его председательством собором в Лионе. Но в действительности эти правила были выработаны на соборе в Безье в 1246 г., который издал новый судебный кодекс для инквизиции.

Граф Раймунд в 1247 г. приказал своим служащим силой приводить на проповеди монахов жителей всех городов и деревень. В 1249 г. в Берлеже, близ Ажана, он приказал сжечь восемьдесят верующих, которые в его присутствии сознались в своих заблуждениях, превзойдя даже обычную жестокость инквизиторов.

Он даже жаловался в начале 1248 г. Иннокентию IV, что инквизиция якобы небрежно вела свое дело: живые и мертвые еретики оставались безнаказанными; из-за границы прибывали новые, так что страна, недавно совершенно очищенная от ереси, снова была заражена ею.

Умер граф Раймунд 27 сентября 1249 г. С ним кончалась история дома, который с эпохи Каролингов достойно занимал место в роду других известных домов. Пала последняя преграда, которая защищала народ Лангедока против захватчиков-французов. Скипетр Юга переходил в руки Альфонса де Пуатье, мужа наследницы Раймунда Жанны, жадного политика, ревность которого к католичеству основывалась на том, что преследования влекли за собой выгодные конфискации. Раймунд неохотно и только в крайних случаях прибегал к конфискациям; Альфонс искал их. Он дал крупную сумму на покрытие издержек инквизиции и на покупку дров для костров. Немного позднее он напоминал епископам, чтобы они оказывали более действенную помощь инквизиторам. Его политика в отношении инквизиции оставалась без перемены в течение всех двадцати лет его власти. В декабре 1268 г. он потребовал от инквизиторов немедленно очистить его владения от всякой ереси.

Участь Лангедока была решена. В будущем катаров ждали облава, как на зверя, тюрьма или костер. Однако еретическая церковь упорно сопротивлялась. Число ее единомышленников значительно поредело: многие бежали в Ломбардию, где после смерти Фридриха II, благодаря гражданским войнам и взаимной борьбе местных тиранов, они находили убежище от преследования инквизиции. Много осталось их в Лангедоке, проповедуя среди католиков и не имея определенного места

жительства; шпионы инквизиции постоянно выслеживали их, но крестьяне выдавали их редко. Несмотря на систематическое и неумолимое двадцатилетнее преследование, число верующих катаров было еще очень велико. Их вера поддерживалась посещениями странствующих наставников и сношениями с Ломбардией. Около 1313 г. был осужден катарский проповедник, совершивший четыре раза апостольское путешествие в Ломбардию.

Ересь продолжала быть крупным социальным фактором, и инквизиция деятельно и успешно преследовала ее. Совершенствовалась организация инквизиции, которую тщательно пересмотрел в 1254 г. собор в Альби. Были учреждены постоянные судилища и точно определены границы инквизиторских областей. Для Прованса и земель к востоку от Роны центральным пунктом был сделан Марсель, эту область окончательно передали францисканцам. Остальные зараженные области были оставлены за доминиканцами, судилища которых находились в Тулузе, Каркассоне и Нарбонне. Одно время еретики искали убежища в Северной Франции. В 1255 г. Александр IV уполномочил особой буллой провинциала и инквизиторов Парижа преследовать беглецов даже в землях графа Тулузского. В эту эпоху должность инквизиторов неусыпно охранялась от вмешательства всяких других властей. Вначале инквизиция была подчинена контролю папских легатов, но впоследствии она сделалась независимой. Когда в 1257 г. епископ Авиньонский, легат Зон, пожелал в силу своего легатского полномочия взять на себя дело инквизиции, Александр IV предоставил ему действовать по своему усмотрению в пределах своей епархии, но запретил ему вмешиваться вне этих пределов в дела инквизиции. Людовик Святой и князя Альфонс де Пуатье и Карл Анжуйский предоставляли все силы государства в распоряжение инквизиции и принимали на себя ее расходы. Инквизиция сама была для себя законом.

Последнее открытое сопротивление произошло в 1255 г. После падения Монсегюра изгнанные и лишенные звания рыцари, как и еретики, старались найти где-либо в горах крепость, в которой они могли бы чувствовать себя в безопасности. Они овладели замком Керибус в Пиренеях. В начале весны 1255 г. это последнее их убежище было осаждено королевским сенешалем Каркассона. Крепость пала в конце августа, и изгнанникам остались только пещеры и леса. В этой

дикой местности густые кустарники служили прекрасным убежищем, и была предпринята попытка вырубить все колючие кустарники, в которых скрывались изгнанники и еретики.

Инквизиция, достигшая тогда полного могущества, стала нападать на самых высокопоставленных лиц. Самым могущественным вассалом домов Тулузы и Арагона был граф де Фуа Рожер Бернар II Великий. Семейство его было совершенно еретическое. Когда в 1229 г. он покорился, то клятвенно обещал преследовать ересь в своих владениях; но, по-видимому, он не особенно энергично выполнял клятву. В 1237 г. он поручил своему сыну, в то время виконту де Кастельбо в Арагоне, учредить в его землях инквизицию, результатом чего были многочисленные осуждения еретиков. Сын последнего, Рожер IV, нанес окончательный удар восстанию 1242 г., отдавшись под сюзеренное покровительство короля и выступив против Раймунда, после того как войсками Людовика Святого были разбиты англичане и гасконцы. У него были некоторые недоразумения инквизицией, но в 1248 г. Иннокентий IV в булле превозносит его преданность Церкви. В 1261 г. Рожер IV издал указ не допускать к какой-либо должности тех, кто был осужден на ношение крестов, кто был заподозрен в ереси или чей отец был осужден за что-либо подобное.

Но инквизиция не могла простить де Фуа патриотизма и былой веротерпимости. Кроме того, если бы можно было доказать ересь Рожера Бернара Великого, то арест его огромного наследства имел бы большое политическое значение и доставил бы хорошую поживу. В 1263 г., двадцать два года спустя после смерти Рожера Бернара Великого, был начат процесс против его памяти. Еще был жив верный слуга старого графа бальи Мазера Раймунд Бернар де Фласкан, постоянно бывший при своем господине во время его последней болезни. Брат Понс, инквизитор каркассонский, отправился в Мазер и пытался принудить старого бальи присягнуть, что умирающий граф подвергся еретикации. Попытки и допросы длились тридцать два дня, после чего Понс повез его в Каркассон. Перед этим путешествием бальи дали день покоя в монастыре в Больбонне. Он воспользовался этим и 26 ноября 1263 г. составил нотариальный акт, подписанный в качестве свидетелей двумя аббатами и многими монахами; в этом акте он описывает, как его пытали, и торжественно заявляет, что покойный граф умер добрым католиком. К этому он прибавил, что, если под

жестокой пыткой он скажет несогласное с изложенным в этом акте, его слова будут ложью, а сам он будет изменником веры.

Благодаря стойкости старого бальи, мужеству нотариуса и свидетелей добрая память старого графа осталась незапятнанной. Его сын, Рожер Бернар III, несмотря на папское расположение и на многочисленные доказательства своей приверженности католической церкви, постоянно был преследуем инквизиторами; они не раз во главе вооруженных отрядов приходили опустошать его земли под предлогом розыска еретиков и в своей свите приводили его личных врагов, так что его области были почти совершенно разорены. Вследствие этого он отдавал себя и свои владения под защиту Св. Престола. В феврале 1285 г. он умер. В 1292 г. против его памяти поднял дело каркассонский инквизитор; но оно не дало результатов; в 1297 г. инквизиция выдала сыну обвиненного, Рожеру Бернару IV, удостоверение в том, что обвинение было ложно. В течение следующих двадцати лет действий инквизиции в Лангедоке еретики встречались все реже и реже, но оставался еще неисчерпаемый список покойников. Вырытие их тел из могил производило на толпу сильное впечатление, а конфискации, сопровождавшие это, радостно приветствовались набожными князьями и широко содействовали переходу в другие руки земельной собственности, что было очень важно в политическом отношении.

В 1271 г. умерли, не оставив детей, Жанна и Альфонс. Линия Раймунда прекратилась, и страна окончательно перешла к французской короне. Когда 8 октября 1271 г. королевский сенешаль в Каркассоне обнародовал указ о новом правлении, все замки и деревни, которые проходили по делам ереси, были безвозмездно отписаны на короля.

Постоянно указы или законы, исходившие от трона, нарушали старинные привилегии, ослабляли местные юрисдикции, давали всей стране свод законов, предоставляя короне одновременно и законодательную и исполнительную власть. Росло главенство королевской власти, и народ инстинктивно искал в ней защиты от инквизиторской тирании, делавшейся все тяжелее и невыносимее. Население Альби и Каркассона, доведенное до отчаяния жестокостью инквизиторов Жана Галанда и Жана Вигурё, представило в 1280 г. все свои жалобы королю Филиппу Смелому. После непродолжительного расследования их просьбы о вмешательстве были оставлены без последствия, как «лишенные основания». Оппозиция шла не от

еретиков, а от добрых католиков, от городских магистратов, от горожан. Конфискация имущества грозила всякому, если инквизитор находил нужным отыскать в своих списках доказательства, что один из его предков был еретиком. Все усилия горожан направляются против этих списков. Не найдя защиты у короля, консулы Каркассона при содействии некоторых духовных лиц устроили в 1283 или 1284 г. заговор, чтобы уничтожить книги инквизиции, содержавшие разоблачения и признания. Во главе заговора были городские консулы, архидьякон Санчо Морлана, епископский судья Гильем Брюне, другие служащие епископа и много белого духовенства. Бернар Гаррик, бывший раньше совершенным еретиком, а после обращения сделавшийся служителем инквизиции, согласился выдать списки за двести турецких ливров. По всей вероятности, Бернар открыл заговор своим начальникам и погубил заговорщиков. Теперь вся община была во власти инквизиции; 13 сентября 1285 г. инквизиторы привели к королевскому канцлеру Бернара Гаррика, который повторил данные им показания, и представитель короля заключил, что Каркассон – гнездо еретиков, заслуживающее самого сурового наказания. В отчаянии граждане обратились к Гонорию IV. В ответ папа выразил сожаление, что население Каркассона всеми силами ставит преграды деятельности инквизиции; он приказал наказывать всех непокорных без различия положения и звания.

Новый каркассонский инквизитор, Николай д'Аббевиль, действовал так же жестоко и произвольно, как его предшественники. Выведенное из терпения население послало жалобу королю, и инквизитор тотчас же заключил в тюрьму нотариуса, написавшего ее. Население послало к королю депутацию, которая на этот раз была принята королем. 13 мая 1291 г. Филипп послал письмо своему сенешалю в Каркассоне, указывая на то, какие несправедливости терпят от инквизиции невинные. В заявлении короля усмотрели нарушение верховных прав инквизиции; и поэтому в сентябре 1292 г. каркассонский инквизитор Гильем де С.-Сен приказал всем подведомственным ему священникам в продолжение трех недель по воскресным и праздничным дням произносить с амвона отлучение от Церкви всех тех граждан, которые будут мешать деятельности инквизиции, и всех тех нотариусов, которые будут составлять акты отречения ее жертв от своих показаний.

Угнетенное население Лангедока ждало от короля поддержки; но уже в 1293 г. сенешаль Каркассона предлагал нарбоннскому виконту помогать в своем городе инквизиторам. Однако в конце 1295 г. вышел указ, которым запрещалось во всем королевстве арестовывать всякого подданного по требованию монаха, какого бы он ни был ордена, и какое бы служебное положение он ни занимал, если сенешаль или бальи округа не согласятся на арест и если требующий ареста не будет действовать по указанию папы. В тех случаях, когда опасались побега обвиняемого, его надлежало задержать, но не выдавать инквизиции до решения суда. Все арестованные раньше с несоблюдением настоящего указа должны быть немедленно освобождены. В 1296 г. король запретил всякие аресты, за исключением тех случаев, где подозрение в ереси настолько сильно, что нельзя откладывать преследования.

Подобный порядок отнимал у инквизиции всякую реальную власть. Отказывая инквизиторам в помощи своих чиновников, он нигде прямо не говорит о святом трибунале. Король, несомненно, понимал, насколько могущественным оружием в руках папства является инквизиция, так как Церковь имела полную свободу уничтожить ересь по своему усмотрению. Папа Бонифаций VIII дал королю ясное предостережение и в октябре 1297 г. приказал инквизиторам Каркассона начать преследование против нескольких сановников Безье, которых папа подозревал в ереси: они не обращали внимания на отлучение от Церкви, наложенное на них за введение налога на духовенство.

В Декреталии, опубликованном Бонифацием 3 марта 1298 г., папа включил канон, требующий безусловного повиновения всех светских чиновников приказанием инквизиторов. Всякое сопротивление каралось отлучением от Церкви; упорство в течение целого года влекло обвинение в ереси. Это было ответом на введение французским королем нового законодательства. Филиппу в это время не было выгодно начинать спор. В сентябре он разослал папский канон своим представителям и предписал им заключать в тюрьму всех обвиняемых по указанию инквизиторов и наказывать всех осужденных ими. Дружеские отношения между королем и папой продолжались до 1300 г., когда вспыхнула еще более ожесточенная ссора. Борьба продолжалась до ареста Бонифация в Ананьи 8 сентября 1303 г.

Участь населения Лангедока при подобной переменной политике была ужасна. Каркассонский инквизитор, Николай д'Аббевиль, человек непреклонной суровости, начал с 1298 г. применять свою неограниченную власть. Помощником был у него Фульк де С.-Жорж, приор монастыря в Альби; фактически он имел еще второго помощника – епископа Бернара де Кастанэ, который любил играть роль инквизитора. К своему усердию они присоединяли еще фанатизм и алчность, так как епископы Альби по особому соглашению с Людовиком Святым получали половину из конфискации. В течение нескольких лет до этого в Каркассоне не было инквизиции; действия ее возобновились, когда между папой и королем состоялось перемирие. Граждане послали к Бонифацию VIII депутацию с Эмериком Кастелем во главе и со многими францисканцами среди ее членов. Бонифаций выслушал их жалобы и согласился послать епископа Виченцы с поручением произвести расследование и донести ему; но папский представитель потребовал десять тысяч флоринов для начала дела. Однако Эмерик отказался платить. Бонифаций, узнав об этом отказе, вскричал: «Мы знаем, откуда набрались они храбрости; но, клянусь Богом, все короли христианского мира не спасут от костра жителей Каркассона, а в особенности отца этого Эмерика Кастеля!»

Дело было проиграно. Большинство граждан чувствовало страшное нравственное утомление от тяготевшего почти на всем населении отлучения от Церкви. Благосостояние города падало. Бесплезность всякого сопротивления была очевидна, и городским должностным лицам в присутствии епископов Альби и Безье, тулузского инквизитора, королевских чиновников, различных аббатов и многих знатных людей инквизитор Николай д'Аббевиль изложил условия, на которых он соглашался снять отлучение. Люди, явно исповедовавшие ересь или признанные еретиками на основании улики, должны были подвергнуться законной каре; на остальных же будут наложены духовные наказания по усмотрению епископов и аббата из Фонфруа; они не подвергнутся ни конфискации имущества, ни телесному, ни унижительному наказанию. Население просило сорок восемь часов для размышления и на другой уже день отказалось принять эти условия. Прошло шесть месяцев, и положение граждан делалось с каждым днем все хуже. 8 октября консулы просили от имени города отпущения грехов. Епитимья, наложенная на город, состояла в

обязательстве выстроить часовню в честь Св. Людовика; часовня была выстроена в 1300 г. и обошлась в девяносто турецких ливров. Консулы от имени города тайно отреклись от ереси. На двенадцать наиболее виновных граждан были наложены духовные наказания; это были четыре бывших консула, четыре советника, два адвоката и два нотариуса. Участь этих несчастных была очень тяжела. Например, один из виновников беспорядков, Гильем Гаррик, только после двадцатидвухлетнего заключения в каркассонской тюрьме в 1321 г. предстал перед судом. Принимая во внимание продолжительное предварительное заключение, ему предоставили выбор между крестовым походом и изгнанием. Несколько лет спустя текст соглашения консула и инквизиции попал в руки Бернара Делисье, установившего, что консулы принесли от имени всего города признание в том, что город оказывал помощь явным еретикам; консулы от имени всех граждан отреклись от ереси, и таким образом все граждане лишались права на занятие общественных должностей, а в случае новых беспорядков становились еретиками-рецидивистами. Это открытие вызвало в городе такое брожение, что инквизитор Жофруа д'Абли был вынужден 10 августа 1303 г. торжественно объявить, что он совершенно не думает воспользоваться этим оружием против граждан. Тем не менее, когда в 1305 г. прибыл в Каркассон король Филипп, соглашение было объявлено незаконным; сенешаль, устраненный от должности за то, что приложил свою печать под этим актом, сознался, что получил за это от Николая д'Аббевиля тысячу турецких ливров.

В 1299 г. собор в Безье заявил, что в стране снова появились совершенные еретики, и приказывал тщательно разыскивать их. В Альби, между тем, епископ Бернар по обыкновению находился в неладах со своей паствой. Он призвал на помощь себе Николая д'Аббевиля и Бертрана де Клермона. В конце 1299 г. в городе были арестованы двадцать пять наиболее богатых и уважаемых граждан, которые стояли выше всякого подозрения в ереси, усердно посещали обедню и строго соблюдали все религиозные обряды. Дело было разобрано с необыкновенной быстротой. Видя, как эти люди, сперва отрицавшие свою связь с еретиками, были вынуждены сознаться и назвать своих единоверцев, современники полагали, что широко была применена пытка. Отречение от ереси спасало несчастных от костра, но все они были приговорены к пожизненному заключению в тюрьме в

оковах. Много других осталось в тюрьме на неопределенное время в ожидании суда.

Преследования в Альби вызвали всеобщий ужас. Жертвы инквизиции все без исключения пользовались репутацией добрых католиков. Только их богатство обратило на них внимание преследователей. Все были убеждены, что инквизиторы не остановятся ни перед чем, если можно угрозами или пыткой вырвать показания против богатых граждан. Говорили даже, что списки инквизиции основаны на вымышленных показаниях. Несколько лет перед этим (в 1286 г.) доминиканец Жан Мартин попросил нарбоннского архиепископа рассмотреть списки и положить конец этой несправедливости. Следствие установило, что списки действительно были подложны; особенно много было неправильно включено в них покойников. Брат Мартин настаивал, чтобы епископ уничтожил все списки и отстранил инквизиторов от их обязанностей. Архиепископ написал в этом духе в Рим, а в ожидании ответа секвестровал некоторые книги. Во время этой бури каркассонский и тулузский инквизиторы, Николай д'Аббевиль и Петр де Мульсеон, видя, что их легко могут уличить в подлоге, захватив с собой списки, удалились в безопасное убежище в Пруиль. Здесь они принялись переписывать протоколы, опуская внесенные ими компрометирующие их ложные показания, которые они ловко вклеили в крышки переплетов старых фолиантов, т. е. скрыли их до поры до времени, а не уничтожили.

В 1300 г. инквизиция возбудила дело против умершего в 1278 г. отца именитого гражданина Каркассона Эмерика Кастеля – Кастеля Фабри, богача, известного своим благочестием и благотворительностью. В защиту памяти покойного выступили местные францисканцы и поручили это своему лектору Бернару Делисье. Дело Кастеля Фабри вызвало конфликт между инквизицией и лектором каркассонских францисканцев. Бернар Делисье был человек не заурядный. Принятый в орден в 1288 г., он был назначен лектором, т. е. профессором, что свидетельствует о том, как высоко ценили его знания, так как нищенствующие монахи весьма внимательно относились к выбору лиц, которым поручали эти должности. Его влияние на всех, с кем он общался, было велико; он был стоек в своих религиозных убеждениях; он не требовал веротерпимости и горячо желал уничтожения ереси, но опыт и наблюдение убедили его, что в

руках доминиканцев инквизиция является только орудием гнета и вымогательства; он думал, что переданная францисканцам инквизиция, освободившись от своих недостатков, принесет пользу. Во всем Лангедоке орден францисканцев оставался верным врагом доминиканской инквизиции. Францисканцы уже в 1291 г. пытались вмешаться в Каркассоне в дела инквизиции. В 1298 г. они поддержали жалобу, поданную Бонифацию VIII жителями Каркассона. Пока был жив Бернар, францисканские монастыри были центром оппозиции. Во время беспорядков в Каркассоне Фульк де С.-Жорж со сторонниками явился в францисканский монастырь с требованием на суд противников инквизиции. Инквизиторы обвиняли Бернара в том, что он устраивает обструкцию инквизиции.

Удар, нанесенный мнимым еретикам Альби в декабре 1299 г. и в первых месяцах; 1300 г., не мог пройти незамеченным. В 1301 г. Филипп послал в Лангедок двух своих чиновников, облеченных неограниченной властью, для расследования злоупотреблений инквизиции: Жана де Пекиньи, известного своей честностью и рассудительностью, и Ричарда Непвё.

Чиновники основались в Тулузе, где Фульк де С.-Жорж был инквизитором до 29 сентября 1300 г. В короткое время они собрали против него большое число свидетельских показаний; его обвиняли не только в том, что он пыткой вымогал деньги у невинных, но и что подвергал аресту женщин, добродетель которых сломить другим путем ему не удавалось.

Несколько граждан согласились нотариальным актом преследовать епископа Альби и Николая д'Аббевиля перед королевским судом. Следствием этого процесса было секвестирование имущества епископа и огромный штраф в двадцать тысяч ливров в пользу короля.

Чиновники пригласили к себе в помощь Бернара Делисье, который посоветовал Пекиньи оставить инквизицию в покое, так как опыт показал ему, что против нее ничего нельзя сделать. Однако он согласился, по совету Пекиньи, сопровождать депутацию, посланную жителями Альби к королю просить его вмешательства. Бернар настоятельно просил короля начать следствие, на время которого инквизиторы были бы устранены от должности или доминиканцы до окончательного решения Св. Престола не назначались бы инквизиторами. Королевская комиссия выслушала Пекиньи и

инквизитора Фулька и вынесла благоприятное для Пекиньи заключение. Король отрешил инквизитора от должности и 8 декабря 1301 г. написал епископу, тулузскому инквизитору и сенешалю Тулузы и Альби, что крики и мольбы подданных убедили его в справедливости обвинений, возводимых на Фулька. Этот инквизитор давил население лихоимством и притеснениями; он открывал свое судопроизводство жестокими пытками; если это не давало желательных результатов, то он подкупал свидетелей и склонял их к ложной присяге; его поступки посеяли повсюду такой страх, что можно было ожидать восстания, если не принять немедленно мер к устранению этих злоупотреблений. Филипп не удовлетворился тем, что избавился от Фулька. Он передал королевскую тюрьму, построенную в Тулузе для инквизиции, под наблюдение лица, выбранного совместно епископом и инквизитором; в случае несогласия между ними назначение делал сенешаль. Инквизитор лишался права арестовывать по своему произволу; он должен был посоветоваться с епископом; если они не приходили к соглашению, то вопрос решался по большинству голосов собранием из представителей епископии и францисканских и доминиканских монастырей. Только один сенешаль мог произвести арест. Освобождение от ареста под залог должно было решаться в том же порядке, как и аресты. «Мы не можем перенести,- писал король,- чтобы жизнь наших подданных, зависела от усмотрения одного человека, который, если даже им не руководит алчность, может быть недостаточно осведомленным». На время инквизиция была парализована: аресты, происходившие раньше почти ежедневно, прекратились. В течение 1302 г. эти постановления были внесены в Собрание Указов. Король пытался восстановить епископскую власть, узурпированную инквизиторами.

Но для Альби этот указ принес мало пользы, так как в нем епископ действовал в качестве инквизитора. Граждане Альби еще томились в тюрьме каркассонской инквизиции. К королю была послана многочисленная депутация, сопровождаемая двумя францисканцами, а также Бернар Делисье. Филипп обещал депутации в скором будущем лично прибыть в Лангедок для приведения дел в порядок.

Но это не могло успокоить население. Не было оно успокоено и отрешением от должности Николая д'Аббевиля, так как преемником его в Каркассоне стал Жофруа д'Абли, отличавшийся не меньшей жестокостью. Новый инквизитор привез с собою королевские грамоты,

помеченные 1 января 1303 г.; в этих грамотах предписывалось всем должностным лицам оказывать полное повиновение новому инквизитору.

Альбигойские узники все еще томились в тюрьме, по предложению Бернара Делисье для расследования дела на месте летом 1303 г. Пекиньи прибыл в Каркассон. Во время следствия он нашел формально составленный в 1299 г. договор между Николаем д'Аббевилем и консулами Каркассона. Бернар Делисье сообщил народу его содержание; вспыхнули беспорядки, толпа разрушила дома старых консулов и всех, кого считала сторонниками инквизиции. Доминиканская церковь была осквернена и монахам нанесены оскорбления. Пекиньи, по совету Бернара, собрал во францисканском монастыре восемьдесят ловких ремесленников, готовых в случае надобности взять силой тюрьмы инквизиции. Но Жофруа д'Абли уступил, и в августе 1303 г. Пекиньи перевел альбигойских узников из тюрем инквизиции в королевские тюрьмы.

Но инквизитор Жофруа д'Абли вызвал Пекиньи к себе на суд и предъявил ему обвинение в препятствии инквизиции; Пекиньи не явился на суд и был 29 сентября отлучен от Церкви. Это отлучение было переслано в Париж и провозглашено там доминиканцами. Консулы и население Альби умоляли короля, чтобы он не отзывал от них Пекиньи и Непвё, которые сделали так много доброго для гонимых и в которых была вся надежда населения. Власть Пекиньи была парализована до тех пор, пока не будет снято с него отлучение, а снять его мог только папа или лицо, его наложившее. Доминиканцы объявили ложными показания озлобленных инквизиторов.

Избранный на папский престол 21 октября 1303 г. Бенедикт XI, будучи доминиканцем, был расположен к инквизиции. Чтобы не потерять и того немногочисленного, чего добились с таким трудом, Пекиньи обратился с жалобой к папе; 29 октября он писал из Парижа городам Лангедока, требуя от них поддержки, так как преследованию он подвергся, защищая их дело. Благодаря энергии Бернара Делисье три города - Каркассон, Альби и Корд - заключили союз, согласились дать три тысячи ливров и обязались оказывать денежную помощь, если понадобится, и в продолжение всего процесса в защиту Пекиньи, которого он добился в Риме.

Пекиньи отправился в Италию. Король и городские советы Каркассона и Альби дали ему своих уполномоченных для защиты его дела перед папой. Его противником был тулузский инквизитор, Гильом де Мориер, посланный инквизицией в Рим. Бенедикт XI приказал министру – главе францисканцев Аквитании под угрозой лишения сана арестовать без предварительного извещения Бернара Делисье и послать его в Рим, как покровителя еретиков и как еретика. Вигье и королевский судья Альби, старавшиеся оказать помощь Пекиньи, – также были упомянуты папой как покровители еретика. В июне 1304 г. Бернара отлучили от Церкви, так как он медлил явиться на вызов папы; но министр снял с Бернара отлучение, и провинциальный капитул ордена в Альби подтвердил свое решение. Только смерть папы-доминиканца Бенедикта в июле 1304 г. спасла монахов-францисканцев от преследования за их сопротивление. В день годовщины своего отлучения, 29 сентября 1304 г., умер близ Аbruццо Пекиньи. Как находившийся год под отлучением за obstruction инквизиции, он считался еретиком, но был похоронен на освященной земле. Инквизитор Жофруа д'Абли потребовал, чтобы кости его были вырыты и сожжены. Новый папа-француз Климент V передал дело Пекиньи на рассмотрение комиссии трех кардиналов, они 23 июля 1308 г. признали, что отлучение было незаслуженное и несправедливое. Это было полное оправдание всего, что говорилось и делалось против инквизиции. Тщетно инквизитор Жофруа пытался обжаловать это решение. Климент отказал представителям инквизиции выслушать их и заявил: «Это все ложь! Никогда страна не хотела бунтовать! Только действия инквизиции одни довели ее до бедствия». Один из кардиналов объявил Жофруа, что в течение пяти-десяти лет поступки инквизиторов постепенно доводили население до отчаяния, так как на все попытки ввести реформу инквизиторы отвечали новыми злодеяниями.

Филипп Красивый сдержал свое обещание посетить южные провинции и облегчить бедствия, на которые давно жаловались его подданные. На Рождество 1303 г. он явился в Тулузу. Огромные толпы людей сбежались из Альби и Каркассона навстречу королю, громко требуя справедливости и покровительства. Пекиньи ходатайствовал за них перед королем. Представителем инквизиторов был доминиканский провинциал Гильем Пьер. Королевский духовник, доминиканский монах Николай, настраивал Филиппа в пользу инквизиции; но Бернар

Делисье обвинил его в продаже фламандцам всех тайн королевского совета.

Филипп выслушал инквизиторов и их противников. В изданном затем королевском эдикте от 13 января 1304 г. было сказано, что король прибыл в Лангедок, дабы успокоить страну, возбужденную деятельностью инквизиции. Королевские чиновники в сопровождении инквизиторов должны навестить узников инквизиции; тюрьмы должны хорошо охраняться, но заключенные не должны терпеть в них страданий. Не рассмотренные еще дела заключенных будут окончены под совместным наблюдением епископов и инквизиторов. Отныне подобная совместная деятельность должна быть повсюду за исключением Альби, где епископ, вследствие падающих на него подозрений, будет замещен. Королевским чиновникам было официально приказано помогать всеми способами по первому требованию инквизиторов и епископским судьям, а также охранять от всякого оскорбления и насилия личность, церкви и жилища доминиканцев.

В Альби больше не оказалось еретиков, не надо было начинать новых преследований. Однако, ограничив реформу подведением инквизиции под надзор епископов, король вызвал разочарование. Когда Филипп посетил Каркассон, его просили навестить заключенных, преследование которых было главной причиной волнений; он отказался и послал вместо себя своего брата Людовика. Видный гражданин Каркассона Элиас Патрис прямо заявил королю, что если он не произведет немедленного суда над инквизицией, то город будет вынужден искать себе другого сюзерена. Филипп прогнал его. Граждане опасались, что король лишит их своего покровительства и выдаст инквизиции; они заявили, что, если не найдут другого сюзерена, который защищал бы их, они сожгут город и будут искать себе места где-либо дальше. Отношения между южными провинциями и королем были так натянуты, что король решил мстить. Суд, собравшийся в Каркассоне, заседал в течение лета 1305 г. и, согласно предписаниям короля, широко применял пытки. В Альби, не приставшем к заговору, не было произведено расследования, но ему пришлось дать взятку в тысячу ливров сенешалю. Город Лиму был замешан в заговоре и должен был заплатить штраф; его лишили вольностей, и сорок его граждан было повешено. Восемь консулов Каркассона с Патрисом во

главе и семь других граждан были повешены; город лишили автономии и наложили на него огромный штраф в шестьдесят тысяч ливров.

Королевское казначейство собрало богатую жатву штрафов со всех тех, кого можно было обвинить в соучастии бунтовщикам. С этого времени Филипп не вмешивался в дела инквизиции, а только понуждал своих представителей неуклонно применять все законы, направленные против еретиков, и наблюдать за тем, чтобы потомки осужденных не занимали никаких должностей. Избрание 5 июня 1305 г. папой Климента V породило новые надежды на обуздание инквизиции в Лангедоке. Бертран де Гот, кардинал-архиепископ Бордоский, гасконец по происхождению, знал бедствия и нужды Лангедока. Когда слух о его избрании на папский престол достиг Альби, то Бернар Делисье организовал посольство, которое от имени города просило папу вмешаться в дела инквизиции. Когда Климент посетил Тулузу, то к нему были приведены жены заключенных, которые нарисовали ему ужасную картину своих бедствий. Сетования подобного рода доходили до него с момента его избрания, и их поддерживали два доминиканца, желавшие уничтожения злоупотреблений инквизиции. Жофруа д'Абли с такой поспешностью прибыл из Каркассона, чтобы защищать себя, что не оставил даже никого вместо себя заместителем, и лишь из Лиона 29 сентября 1305 г. послал Жану де Фогу и Геральду де Блюмак мандат о принятии на себя исполнения его обязанностей; в послании к ним он говорит об ужасных жестоких, которые расхищают сад Христа и которых надо преследовать до самой берлоги и уничтожить без всякой жалости.

Но усилия его отстоять инквизицию были безуспешны, тем более что население Альби подкупило трех кардиналов (один из них был племянник папы), дав двум из них по две тысячи турецких ливров, а одному пятьсот ливров. 13 марта 1306 г. Климент поручил двум кардиналам объехать Лангедок, произвести расследование и провести, как они найдут нужным, предварительные реформы. Население Альби, Каркассона и Корда представило доказательства, что добрые католики были принуждены пытками и ужасами тюрьмы сознаться в ереси и что списки инквизиции фальшивы и дополнены в последнее время. До окончания расследования инквизиторам было запрещено подвергать суровому тюремному заключению и пытке кого бы то ни было из

граждан без согласия епархиального епископа; аббат из Фонфруа был послан на место епископа Альби.

16 апреля 1306 г. консулы Каркассона и представители Альби изложили кардиналам свои жалобы и были поддержаны двумя доминиканцами. Жофруа д'Абли и представитель альбигойского архиепископа защищали сами свое дело; они жаловались на народные восстания и на перенесенные ими оскорбления. Выслушав обе стороны, кардиналы назначили разбор дела на 25 января в Бордо. Городам Каркассону, Альби и Корду было предложено выслать в Бордо по четыре уполномоченных; кардиналы поручились за их безопасность от инквизиции в течение всего времени их деятельности. Большая опасность грозила свидетелям, вызванным для подтверждения факта подделки списков инквизиции. Они были связаны клятвой не возобновлять своих прежних разоблачений под страхом костра и просили кардиналов разрешить их от этой клятвы. Кардиналы убедились в справедливости обвинений. Они посетили каркассонскую тюрьму и велели показать себе сорок узников. Кардиналы были так поражены увиденным, что прогнали всех тюремщиков и сторожей и поручили тюрьму надзору каркассонского епископа. Один из кардиналов посетил тюрьму епископа Альби и возмутился положением заключенных. Кардиналы подтвердили распоряжения Филиппа, чтобы на инквизиторском суде присутствовал местный епископ. Это распоряжение, однако, было отменено Климентом 12 августа 1308 г. особой буллой, в которой он объявляет, что кардиналы превысили свои полномочия.

Климент оказался даже не в состоянии прекратить вопиющее злоупотребление – держать в течение долгих лет в невозможных тюрьмах узников, не признанных виновными и не осужденных. Инквизиторы сохраняли в своих архивах буллу Иннокентия IV, разрешавшую им до бесконечности откладывать произнесение приговора, если они находили подобную отсрочку полезной для дела веры; они широко применяли эту буллу. Когда один из кардиналов посетил епископскую тюрьму, то в ней оказалось много арестованных альбигойским епископом еще в 1299 г. и все еще ждавших суда; в 1310 г. граждане Альби жалуются папе, что более восьми лет сидят в тюрьме в предварительном заключении и умоляют его приказать рассмотреть их дела. Климент приказал немедленно окончить дела и приговоры

представить на утверждение кардиналов, его прежних комиссаров. Епископ Альби и Жофруа д'Абли упорно не исполняли эти приказы. О непреклонном упорстве инквизиции свидетельствует дело Гильема Гаррика, посаженного в тюрьму еще в 1284 г. по обвинению в заговоре, целью которого было уничтожить списки каркассонской инквизиции. Из королевских грамот, помеченных 1312г., известно, что Климент V, принимая во внимание заслуги и благочестие заключенного, дарует ему полное прощение, а король вследствие этого возвращает Гаррику и его потомкам замок Монтебра, ранее этого конфискованный. Инквизиция не исполнила повеления папы и короля до 1321 г.; затем она вывела заключенного из тюрьмы, и инквизитор Бернар Ги, ввиду сердечного раскаяния старца, ограничился тем, что приговорил его к пожизненному изгнанию, обязав в тридцатидневный срок покинуть Францию.

Однако усилия ограничить инквизицию, предпринятые Климентом, не были безрезультатными. По настоянию папы Виеннский собор 1312 г. редактировал пять книг канонического права-«Клементин», которые были официально изданы только 25 октября 1317 г. Иоанном XXII. Вошедшие в них каноны были направлены к ограничению произвола инквизитора и требовали епископского участия при применении пытки и строгого заключения, равносильного пытке, а также касались управления тюрьмами. Отлучение от Церкви грозило тем, кто будет злоупотреблять своей властью из личной вражды, дружбы или алчности.

Хотя избранный в 1316 г. новый папа Иоанн XXII опубликовал «Клементины», но он же скоро показал, что инквизиторам нечего его бояться; и они поспешили удовлетворить свою старинную ненависть. Их первой жертвой был Бернар Делисье. Во время папства Климента и во время междупапствия Бернар жил в покое и мог думать, что уже позабыли о его горячей защите народных интересов в Лангедоке. Но его обвинили в том, что он мешает деятельности инквизиции, тотчас арестовали и предъявили против него ряд других обвинений: он чародейством наслал смерть на Бенедикта XI и изменил во время каркассонского дела. Папа назначил особую комиссию для расследования виновности Бернара, который в течение двух лет находился в строгом заточении. Суд в составе тулузского архиепископа и епископов Памье и С.-Папуля собрался в Кастельнодари только 3

сентября 1319 г., но 12 сентября перенесли суд в Каркассон. Папа прислал на суд своего представителя в лице инквизитора Жана де Бона, представителем короля явился сенешаль Тулузы и Каркассона, также присутствовали епископ Ланский и граф де Форез.

Известные сподвижники Бернара были приведены на суд, чтобы подвергнуться допросу одновременно с главным обвиняемым и быть свидетелями против него. Им обещали оставить жизнь, если их показания, данные под присягой, поведут их друга к гибели. Престарелый Бернар, разбитый двухлетним тюремным заключением и долгим следствием, в течение двух месяцев подвергался самому строгому допросу. Ему припомнили старые дела, бывшие 12-18 лет тому назад, и, чтобы сбить его, искусно примешивали в факты различные выдвинутые против него обвинения. Ему неоднократно объявляли, что он еретик, так как более года находился под отлучением от Церкви за обструкцию инквизиции. Только безусловное подчинение и полное и искреннее признание могли спасти его от костра. Два раза подвергали его пытке; первый раз 3 октября по обвинению в измене; второй раз 20 ноября по обвинению в некромантии. Но двукратное применение пытки не вырвало у него признание. Однако его сумели довести до того, что он стал противоречить сам себе и обвинять самого себя, так что в конце концов был вынужден смиренно просить прощения.

Приговор был вынесен 8 декабря: по обвинению в колдовстве против Бенедикта XI Бернар был оправдан, но остальные обвинения были еще отягощены семьюдесятью клятвопреступлениями во время допроса. После отречения от своих заблуждений он получил отпущение грехов, был лишен духовного звания и приговорен к пожизненному тюремному заключению вкаркассонской тюрьме на хлеб, на воду и в цепях. Через несколько месяцев смерть унесла единственного человека, который осмеливался вести открытую борьбу против инквизиции.

Реакция делала быстрые успехи. В 1315 г. Людовик Сварливый издал эдикт, в который были включены многие статьи законов Фридриха II. С избранием Иоанна XXII инквизиции нечего было бояться постороннего вмешательства, население снова было отдано в ее полное распоряжение. Новый папа отменил неприкосновенность, дарованную кардиналами Климента Эмерика Кастелю и остальным гражданам Каркассона, Альби и Корда, которые в качестве

уполномоченных от городов поддерживали жалобу, поданную городами папе на инквизиторов; и в то же время им было предложено начать преследование против хулителей. Инквизиция поняла, что настал час отмщения. Она захватила еще оставшихся в живых участников бывших пятнадцать лет тому назад беспорядков. Заключенные в 1299 и 1300 гг., которые еще не умерли в тюрьмах инквизиции и, несмотря на указы Климента, все еще ждали суда, были извлечены из своих темниц и переданы инквизиторам. Инквизиция потребовала покорности и воссоединения с Церковью мятежных городов. В Альби 11 марта 1319 г. консулы, городские советники и огромная толпа граждан были собраны на епархиальном кладбище в присутствии епископа Бернара и инквизитора Жана де Бона. Все принесли в самых униженных выражениях раскаяние и согласились подвергнуться любой епитимье и повиноваться отныне приказаниям епископа и инквизитора. Затем было снято отлучение с присутствующих и с покойников, показавших при жизни раскаянье. Остальной части населения приказали явиться в месячный срок, чтобы испросить прощение. Духовные наказания были следующие: город должен был пополнить все расходы и убытки епископии и инквизиции, причиненные беспорядками; выстроить в течение двух лет часовню для кафедрального собора и вход в доминиканскую церковь; дать пятьдесят ливров кармелитам на покрытие расходов по их церкви и поставить мраморные памятники на могилах Николая д'Аббевиля и Фулька де С.-Жорж в Лионе и Каркассоне, где эти инквизиторы умерли по вине мятежных граждан в нищете и в изгнании. Десять паломничеств было наложено на оставшихся в живых из числа тех, кто в 1301 г. обвинял перед королевским двором епископа Бертрана и инквизитора Николая д'Аббевиля; то же наказание постигло и лиц, занимавших с 1302 по 1304 г. должности консулов и советников. В декабре 1320 г. Жан де Бон оказал им «особую милость», отложив на один год совершение паломничеств. 29 июня 1321 г. и город Корд в не менее унижительной церемонии дал обещание своего полного повиновения в будущем.

Регистры Жофруа д'Абли по Каркассону за 1308-1309 гг. показывают: когда инквизиция получила возможность начать снова свою работу в этом городе, было немедленно открыто много еретиков. Около этого же времени начинается ряд приговоров тулузской инквизиции. В 1306 г. инквизитором в Тулузу был назначен Бернар Ги.

Он начал тотчас же кампанию, которая должна была привести к полному уничтожению катаризма в Лангедоке. Он был жесток и неумолим. Бернар Ги издал 10 августа 1309 г. воззвание, призывающее население схватить последних известных наставников катаров. Они были схвачены и сожжены в 1309-1310 гг.

С 1315 г. катары почти совершенно исчезли из регистров французской инквизиции. Еще время от времени были отдельные дела; одним из последних было осуждение (в 1327 или 1328 г.) тулузским инквизитором одной женщины. Она после отречения от ереси долго содержалась в тюрьме, где была поймана на месте преступления на совращении в ересь заключенных. На допросе она отказалась дать присягу и была сожжена живой. В 1328 г. присудили в Каркассоне к тюремному заключению обвиненного в катаризме, а в 1329 г. осудили еще двух катаров из Альби за преступление, совершенное лет тридцать или сорок тому назад. В том же году инквизитор приказал разрушить четыре дома и одну ферму, над владельцами которых была совершена еретикация; но она была совершена много лет назад. Конфискации имущества за преступление предков еще продолжались. Но в эту эпоху катаризм в Лангедоке как живое верование уже совершенно угас.

Инквизиция торжествовала. Единство веры наступило после долгой борьбы. Таково было дело, и таковы были результаты, достигнутые инквизицией в стране, давшей наибольшее поле для ее деятельности и наиболее благоприятные условия для основания ее могущества.

Поддержанная государством, инквизиция сумела снискать и заслужить королевское расположение, давая конфискациями постоянный приток денег в королевские сундуки. Королевские чиновники под предлогом измены или ереси захватывали все, что могли, не обращая никакого внимания на права собственников. Во всем этом деле инквизиция много содействовала успеху политических видов короны. Земель лишали в пользу короля не только действительных еретиков и их потомков; страна была глубоко заражена ересью, и мало было людей, относительно предков которых нельзя было найти в регистрах инквизиции доказательств об их непричастности к ереси. Число рыцарей, дворян и крестьян, лишенных своих имуществ, очень велико. Богатые горожане были разорены точно таким же образом. Богатые города были доведены до нищеты, упала промышленность,

городская независимость и независимость отдельных лиц была разбита тем террором, который навела инквизиция на города и горожан.

После уничтожения катаризма Лангедок сделался нераздельной частью монархии, и роль инквизиции в этой стране отныне сливается с ее историей и остальной частью французской монархии.

Глава 2. ФРАНЦИЯ

После крестовых походов и мира 1229 г. много еретиков бежало с юга Франции в земли, где они надеялись избежать подозрения. Поэтому при учреждении инквизиции на юге необходимо было тщательно наблюдать за странами, где еретики находили убежище.

В начале 1233 г. доминиканскому приору Безансона было предписано начать преследование ереси. Он поручил это брату Роберту, раскаявшемуся катару, знавшему прекрасно, как и где открывать еретиков; он начал преследование с Шаритэ, в XII в. известном как центр ереси. Новый инквизитор быстро заставил еретиков толпами приходиться к нему, сознаваясь в своих заблуждениях; все обвиняли сами себя и друг друга. Роберт отправил отчет папе Григорию IX, в котором утверждал, что весь город представлял гнездо ереси; католическая вера почти изгнана из него; и только осторожные притворно выказывали благочестие. Роберту было приказано действовать энергично совместно с епископами и для окончательного уничтожения ереси в этой стране применять вновь опубликованные Св. Престолом статуты, требуя помощи светских властей применяя к ним, в случае надобности, духовные наказания. Получив папское одобрение, Роберт действовал неумолимо, не отличал невинных от виновных. Архиепископ Санский, в епархии которого находился Шаритэ, пожаловался папе Григорию на вмешательство в его юрисдикцию; то же сделали и другие прелаты, обеспокоенные правом доминиканского провинциала Парижа назначать инквизиторов по всему королевству. Они заявляли папе, что в их провинциях нет никакой ереси и что нет никакой нужды в исключительных мерах. В первых числах февраля 1234 г. Григорий отменил все назначения инквизиторов и поручил наблюдение прелатам при условии, что они будут прибегать к помощи доминиканцев в подавлении ереси. Но даже вмешательство папы не могло сдержать Роберта. Он возобновил свою деятельность на старом месте. В 1234 г. король Людовик дал Роберту вооруженную стражу, чтобы защищать его от народной ненависти; и преследователь в Неровне сжег пять человек; в Эленкуре – четырех, не считая одной беременной женщины, казнь которой была отсрочена по ходатайству королевы. В конце великого поста в Камбрэ он совместно с реймским архиепископом и тремя

епископами сжег до двадцати еретиков и многих присудил к ношению крестов и к тюрьме; в Дуэ в мае в присутствии графа Фландрского, реймского архиепископа, нескольких епископов и толпы любопытных сжег десять человек и многих приговорил к тюремному заключению и ношению крестов. Затем он покарал еретиков в Лилле. В августе 1235 г. Григорий IX писал доминиканскому провинциалу, что вся Франция заражена ересью и что необходимо восстановить инквизицию и дать ей свободу действий; он согласился на назначение инквизитором брата Роберта.

Архиепископ Санский получил указ оказывать содействие Роберту, а Роберт получил от самого папы полномочие действовать по всей Франции.

Людовик Святой поддерживал Роберта, епископы были вынуждены оказывать ему помощь и исполнять его приказания. Этот фанатик в течение нескольких лет действовал во Фландрии, Шампани, Бургундии, Иль де Франсе. Он не заботился об особой точности суда и не взвешивал улики. Людям, которых он признавал еретиками, приходилось выбирать между отречением с последующим пожизненным тюремным заключением и костром. Для разнообразия Роберт зарывал свои жертвы живыми в землю; в течение двухтрех месяцев он отправил на тот свет до пятидесяти несчастных обоюбого пола. Свою миссию он исполнял без всякого контроля в течение многих лет! В конце концов признали, что он в своей жестокости не разбирал виновных и невинных, так что сам Григорий IX повелел в 1238 г. произвести следствие, которое раскрыло злоупотребления Роберта, но в 1239 г. он успел еще сжечь сто восемьдесят три еретика в Мон-Вимере, месте происхождения катаризма в XI в.; и на этом сожжении присутствовали наваррский король, множество прелатов и знати и простых людей до семисот тысяч. Еще ранее Св. Престол, обеспокоенный действиями Роберта, постановил в 1239 г., что приговоры инквизитора должен утверждать Рим. Монах-убийца был заключен пожизненно в тюрьму. Но в течение трех или четырех лет после падения Роберта преследование свирепствовало от Рейна до Луары по всем провинциям, которые, по мнению инквизиторов, кишели тайными еретиками. С этого времени доминиканская инквизиция навсегда установилась во всей Франции. Король Людовик Святой принял на себя все расходы инквизиторов, даже в землях его крупных

вассалов. Деятельность инквизиторов охватила всю страну; они преследовали еретиков повсюду, не обращая внимания на границы инквизиторских округов.

В Провансе доминиканский приор предпринял сначала розыск еретиков по собственной инициативе; только в 1245 г. инквизитор был назначен официально. Эта провинция, включавшая весь юго-восток современной Франции, в том числе и Савойю, была поручена францисканцам. В 1288 г. инквизиция Прованса была распространена на Авиньон и графство Венессен, правитель которого получил приказание уплатить расходы инквизиторов.

В 1292 г. вошел также в район действий инквизиции и Дофинэ; было закончено установление инквизиции в землях к востоку от Роны. В 1253 г. Иннокентий IV предоставил парижскому провинциалу доминиканцев высшую власть над всей Францией, кроме Прованса, включая земли Альфонса Тулузского. В последующие годы появились новые буллы, в которых отмечалось распространение ереси и которые призывали к усиленной борьбе с ней и упоминали о заботах короля Людовика об инквизиции. Тщательно выработанные инструкции были присланы из Рима для руководства святого трибунала, в Риме внимательно следили за работой инквизиции во Франции и стремились укрепить ее. Папское бреве 1255 г. устанавливает, что в это время инквизиция Лангедока не зависела от парижского провинциала; в 1257 г. она снова была отдана в его ведение; в 1261 г. ее снова освободили, в 1264 г. опять подчинили ему, и на этот раз навсегда. Таким образом, парижский провинциал стал теперь великим инквизитором всей Франции. В 1255 г. к доминиканскому провинциалу был прибавлен францисканский провинциал; и, таким образом, оба ордена разделили между собою деятельность. Но в 1256 г. власть снова сосредоточилась в руках доминиканцев. Число назначаемых инквизиторов всегда строго определялось папой. В 1256 г. были утверждены только два инквизитора; в 1258 г. провинциалу было поручено назначить еще четырех. Когда в 1261 г. Лангедок был отделен, число инквизиторов было опять сведено к двум, но в 1266 г. их число снова было увеличено до четырех, не считая Лангедока и Прованса, куда в 1267 г. были назначены два помощника инквизиторов. В 1273 г. число инквизиторов было доведено до шести, причем был выделен только один Прованс.

Север королевства не был разделен, подобно югу, на строго разграниченные округа.

В 1290 г. Николай IV приказал парижскому провинциалу избрать трех инквизиторов для епархии Безансона, Женевы, Лозанны, Сиона, Меца, Туля и Вердена. Лотарингия, французские кантоны Швейцарии и Франш-Контэ были подчинены французской инквизиции, и такой порядок сохранялся более столетия.

Несколько документов, относящихся к 1277 и 1278 гг., позволяют узнать о делопроизводстве инквизитора и оценить его деятельность. Полномочия инквизитора Франции распространялись на все королевство к северу от Лангедока; он действовал от имени папы и короля и в случае надобности прибегал к помощи светских властей. В Нормандии близ Эврё он открыл целое гнездо еретиков и 21 июля вызвал на суд тринадцать жителей небольшой соседней деревни. В феврале 1285 г. Филипп Красивый предписывает своим представителям в Шампани и Бри оказывать содействие инквизитору.

Инквизиторы Франции жаловались, что их делу много мешало право убежища: всякого преступника, которому удавалось скрыться в церкви, ни одно должностное лицо не смело ни преследовать, ни арестовывать внутри священной ограды. Нарушение права убежища влекло отлучение от Церкви, которое могло быть снято только ценою примерного наказания. Еретики воспользовались подобной защитой. Поэтому Мартин IV в 1281 г. обратился ко всем прелатам Франции об отмене права убежища; инквизиторам давалась полная возможность отомстить за веру; им следует оказывать всякое содействие. Много евреев-вероотступников и неискренне обратившихся еретиков было сожжено или наказано другими способами в Париже за 1307-1310 гг.

Настоящее аутодафе, первое в Париже, состоялось 31 мая 1310 г.: был сожжен один еврей-вероотступник, но главной жертвой являлась Маргарита из Ганнау, прозванная ла-Пореть, еретичка-бегинка. Она была во Франции первым апостолом немецкой секты Братьев Свободного Духа. В 1308 г. в Париже она попала в руки инквизитора. На его предложение принести перед допросом присягу она отвечала решительным отказом. Обвиненная и отлученная от Церкви за этот отказ, она восемнадцать месяцев была в тюрьме инквизиции. На основании представленного инквизиторами письменного изложения дела канонисты Сорбонны 30 мая объявили эту женщину еретичкой-

рецидивисткой. Она была выдана парижскому прево, который и сжег ее на другой же день. Ученик Маргариты, клирик из епархии Бовэ, пытался вырвать ее из рук инквизиции и также был схвачен; он в течение восемнадцати месяцев тюремного заключения отказывался принести предварительную присягу и был обвинен в ереси. Однако он был осужден только к лишению духовного сана и тюремному заключению.

Партенэ, один из самых могущественных дворян Пуату, был в 1323 г. объявлен еретиком парижским инквизитором. Король заключил его в тюрьму Тампля, а все его земли, до окончания дела, секвестровал. Но у Партенэ было много друзей и влиятельных родственников. Обвиняемому удалось подать папе жалобу, в которой он указывал на личную к нему ненависть инквизитора. После бесконечных отсрочек Партенэ получил свободу. Это дело отмечает высший расцвет инквизиции во Франции.

В продолжение нескольких лет развивалась деятельность инквизиции в Каркассоне. 16 января 1328 г. состоялось торжественное аутодафе в Памье: тридцать пять лиц были приговорены носить кресты; двенадцать было освобождено на том же условии от тюрьмы; шесть получило прощение; семь было приговорено вместе с четырьмя лжесвидетелями к пожизненному заключению; было осуждено четверо мертвых; один монах и один священник были лишены сана. Епархия Памье, давшая жертвы для этого ауто, была невелика, и по значительному числу осужденных видна ревностная деятельность инквизитора. 12 декабря того же года состоялось аутодафе в Нарбонне, где было приблизительно сорок жертв. 7 января 1329 г. имело место другое ауто в Памье; 19 мая – ауто в Безье, 8 сентября – в Каркассоне, где было сожжено шесть еретиков, а двадцать один приговорен к пожизненной тюрьме; трое были сожжены в Альби; а в конце года ауто, на котором восемь человек было приговорено к простой тюрьме, трое – к тюрьме в оковах и двое – к костру. У инквизиторов были иногда конфликты с королевскими чиновниками; в 1334 г. инквизиторы жаловались королю, что встречают противодействие при исполнении своих обязанностей. Король предписал своим сенешалям Нима, Тулузы и Каркассона не нарушать привилегии инквизиции.

Не был бездеятельным инквизитор Тулузского сенешальства в 1337 г. Сборщик конфискаций перечисляет имущество тридцати

еретиков, доходы с которых он в то время получал, упоминает об уплате издержек по одному аутодафе, свидетельствует, что в тюрьмах инквизиции в это время находилось восемьдесят два заключенных. Аутодафе происходили в Каркассоне в 1346, 1357 и 1383 гг., а в Тулузе было ауто в 1374 г. Должность инквизитора не оставалась не замещенной.

От этого времени дошло мало известий об инквизиции на севере Франции. Столетняя война с Англией сильно затрудняла ее деятельность. Обычай исключать из ведения инквизиторов, писал парижский провинциал папе Клименту VI в 1351 г., Тюрэн де Мен, и дает возможность ереси процветать в этих областях. Папа немедленно распространил на них юрисдикцию инквизитора Франции.

Когда при Карле Мудром наступил мир, инквизиция получила большую свободу действий. В сентябре 1365 г. Урбан V напомнил прелатам и инквизиторам всей Франции, что еретики распространяют свои заблуждения. Он послал парижскому епископу подробные сведения об их учении и о местностях, где их можно было открыть; эти сведения епископ должен был сообщить инквизиции. В 1372 г. инквизитор деятельно трудился над искоренением ереси секты Братство Бедности (тюрюпенев). Было сожжение еретических книг и одежд, а также женщины – главы секты. Ее помощник умер в тюрьме; его труп также сожгли. В мае 1421 г. двадцать пять адептов этого Братства были осуждены в Дуэ епископом Арраса. Двадцать из них отреклись от своих заблуждений, и на них в виде епитимьи наложили ношение крестов, изгнание или тюрьму. Пятеро остались непреклонными и погибли на костре.

В 1381 г. подвергся преследованию Гуго Обрио, доверенное лицо короля Карла, парижский прево. Город обязан ему своею первою сетью сточных труб, первыми ограничениями процветавшей в то время проституции и постройкой Бастилии, крепости против англичан. Он снискал уважение и любовь всего населения, но навлек на себя непримиримую ненависть университета, не признавая некоторых его привилегий. После смерти короля Карла V университет в 1380 г. отомстил прево, как только представился случай.

25 ноября 1380 г. в Париже толпа разграбила дома евреев и силой начала крестить детей. Обрио потребовал возвращения детей их родителям. 21 января 1381 г. Обрио был вызван к епископу и

инквизитору и был отлучен от Церкви за неявку. Это заставило его подчиниться; но когда он в феврале предстал перед инквизитором, его заключили в епископскую тюрьму и начали суд. В вину ему ставили дело о еврейских детях и освобождение из тюрьмы одного осужденного инквизитором за ересь. Несмотря на слабость обвинения, Обрио был тут же осужден на костер, причем ему не разрешили даже принести раскаяние и отречься от заблуждений; но светские князья настояли, чтобы ему дана была эта возможность спасти свою жизнь. 17 мая состоялось торжественное аутодафе, и Обрио смиренно покаялся и отрекся от ересей, в которых его обвинили. Смерть на костре заменили ему пожизненным тюремным заключением и конфискацией имущества. В тюрьме он просидел до 1382 г.; в это время вспыхнуло восстание и народ освободил Обрио и поставил во главе восставших. Но в тот же вечер Обрио бежал в свою родную Бургундию, где жизнь его окончилась в полной безвестности.

После этого события нет почти ни одного упоминания о парижской инквизиции, хотя она и продолжала существовать. В 1388 г. Фома Апулийский утверждал, что он послан Св. Духом для преобразования мира. Университет и епископ судили этого еретика-реформатора и постановили сжечь его сочинения; он был приговорен к пожизненной тюрьме, так как его признали сумасшедшим.

К ограничению значения инквизиции во Франции повело то, что она прекратила прилив конфискаций в государственное казначейство и более ничего не делала для упрочения королевской власти. Даже и во время высшего расцвета инквизиции старались представить королевский суд верховной судебной властью. Инквизитор Генрих де Шамэ, обеспокоенный усилиями Филиппа Валуа взять под свой контроль и ограничить духовную юрисдикцию, добился в ноябре 1329 г. от короля указа, которым подтверждались все привилегии инквизиции; все светские чиновники снова предоставлялись в распоряжение святого трибунала; признавались не имеющими значения все грамоты от королевского трибунала, которые могли бы мешать инквизиторам. Но сам Генрих де Шамэ, однако, был в 1328 г. назначен инквизитором уже не папой, а королем. В 1334 г. Филипп приказал восстановить все старинные привилегии инквизиторов, отождествляя их с королевскими чиновниками. Теперь инквизиция уже зависела вполне от короля и была поставлена под контроль парламента.

Инквизитор, как чиновник королевства, получал жалованье от государства или, в крайнем случае, от города. Юрисдикция королевского трибунала – парламента – была тогда уже признана высшей даже в религиозных вопросах. В 1385 г. в Реймсе возник спор между городским муниципалитетом и архиепископом по вопросу о преступлении богохульства. Стороны согласились подсудность богохульства оставить за архиепископом. Но через двадцать лет дело о богохульстве уже было передано в парламент, который вынес приговор, благоприятный для архиепископа; притом не было даже упомянуто о праве на вмешательство инквизиции. Великий Раскол и последовавшие Костанцский и Базельский соборы сильно пошатнули папскую власть, на которой основывался авторитет инквизиции. Карл VII в отношении Рима всегда проявлял непослушание. В опубликованной в 1438 г. Прагматической Санкции Карл VII предоставлял Галликанской Церкви независимость и усиливал юрисдикцию парламента. Когда в 1461 г. Людовик XI отменил этот акт, то парламент обратился к королю с увещаниями и продолжал применять отмененный закон. Только Франциск I своим конкордатом 1516 г. уничтожил его совсем.

Парижский университет много содействовал падению влияния инквизиции. Он заменял последнюю в вопросах исследования учений и в определении преступлений ереси. Университет давал экспертов епископам и инквизиторам при разрешении спорных вопросов. После того как на место старых угасших ересей нарождались новые, подвергалось обсуждению университета все, что не сходствовало с учением католической Церкви, и решение ученой корпорации считалось окончательным.

Однако инквизиция не перестала существовать. Папы были заинтересованы в поддержании инквизиции; должность инквизитора пользовалась еще влиянием и иногда приносила доходы; и поэтому ее горячо домогались. В 1414 г. два кандидата спорили о месте в Тулузе; в 1424 г. в Каркассоне разыгралась позорная ссора между двумя соискателями. Женевская епархия была также предметом спора. Еще Николай IV в 1290 г. присоединил женевский кантон вместе с другими французскими кантонами к доминиканскому инквизитору Безансонской провинции. Женева в церковном отношении зависела от Виеннской архиепископии, которая находилась тогда в ведении францисканской инквизиции Прованса, и папа Григорий XI в 1375 г. отнес Женеву к

провансальской инквизиции. Это подтверждалось в 1409 и 1418 гг. Мартин вернул доминиканцам Женеvu в 1419 г. Однако в 1434 г. Евгений IV снова отдал Женеvu францисканской инквизиции. Но в 1472 г. при Сиксте IV в Женеvu и Лозанну были назначены доминиканцы, в 1491 г. – также.

Однако пост инквизитора, хотя его и упорно домогались, не давал никаких законных доходов. Во время смут XV в. корона прекратила отпуск денег инквизиторам. В 1409 г. Александр V предписал своему легату изыскать средства для покрытия расходов инквизитора, его помощника, нотариуса и слуг. Легат предложил, чтобы или евреи Авиньона уплачивали триста марок золотом, или каждый епископ уплачивал расходы инквизитора за все время пребывания его в епархии, или каждый епископ давал ежегодно по десять флоринов за счет духовных завещаний, сделанных с благотворительной целью. В 1418 г. Мартин V также писал нарбоннскому архиепископу, чтобы он изыскал средства на покрытие неотложных нужд инквизиции.

Несмотря на материальные затруднения и падение влияния, инквизиция продолжала деятельность. В 1430 г. инквизитор вместе с епископом Турнэ сжег несколько еретиков в Лилле. В 1431 г. Филипп Добрый приказал своим чиновникам приводить в исполнение все приговоры инквизитора в Лилле и Камбрэ. Однако указом Филиппа Доброго чиновникам предписывалось производить аресты только в том случае, если было произведено предварительное следствие и были соблюдены все законные формальности.

Когда англичане были окончательно изгнаны из Франции, Николай V решил в полной мере восстановить инквизицию и укрепить ее. Булла от 1 августа 1451 г., посланная инквизитору Франции, отдает под его юрисдикцию не только королевство Францию, но и герцогство Аквитанское, Гасконь и Лангедок. Папа поручал инквизитору ведение всех преступлений, подсудность которых инквизиции была до сих пор спорной: богохульство, святотатство, колдовство, преступления против естественного характера. Инквизитор получал право вести все дела и выносить решение, не приглашая на совещание епископа.

Несмотря на все усилия папы, ничто не могло поднять инквизицию во Франции до былого всемогущества. В 1458 г. лионский инквизитор, жестокость которого возбудила всеобщую вражду, был заключен

гражданами в тюрьму, и Пий II и его легат с трудом добились его освобождения.

В это время критическое отношение к инквизиции стало чрезвычайно сильно. Она настолько лишилась своей силы и влияния, что уже даже процессы над еретиками проходили без участия святого трибунала. В 1459 г. был сожжен в Лилле еретик Альфонс Португальский. Во всем его деле нигде не упоминается об участии святого трибунала. Инквизиция не вмешалась в дело священника, который 3 июня 1491 г. во время богослужения бросил на пол и растоптал Святые Дары; святотатец утверждал, что тело и кровь Христа не были пресуществлены в Святых Дарах; он решительно отказался отречься от этой ереси и был сожжен на костре.

В 1485 г. инквизитор Франции, Аквитании, Гаскони, Лангедока именуется себя уполномоченным Св. Престолом и парламентом: обе власти признавались равными, и назначение, исходящее от папы, получало законную силу после утверждения королевского трибунала. Однако власть инквизиции все еще не была уничтожена окончательно: в 1521 г. доминиканский приор в Безансоне сжег торжественно двух оборотней.

Вальденская ересь представляет интересный и обособленный эпизод в общей истории преследований. После уничтожения катаров вальденцы были единственными еретиками во Франции, дававшими инквизиции поле действия.

Из Лиона вальденская ересь распространилась по всей Франции. Во Франш-Контэ граф Бургундский просил в 1248 г. Иннокентия IV ввести инквизицию, так как там появилось много вальденцев после прекращения деятельности святого трибунала в 1257 г. В 1251 г. нарбоннский архиепископ осудил вальденцев на пожизненное тюремное заключение. В большинстве вальденцы были простые жители гор, у которых нечего было конфисковать, и гораздо выгоднее было преследовать богатых катаров. Правда, с 1271 по 1274 г. каркассонский сенешаль побуждал инквизиторов энергичнее действовать против вальденцев, и тогда число обвинений значительно увеличилось; но между прибрежными общинами Роны, общинами многолюдными, инквизиция была введена сравнительно поздно: в графстве Венессен только в 1288 г., в Дофинэ в 1292 г., когда распространение ереси приняло угрожающие размеры. В 1288 г.

отмечают также рост не католического населения в провинциях Арля, Э и Эмбрана: Николай IV послал в этом году дворянам и магистратам этих провинций эдикты Фридриха II с приказанием строго применять их, а инквизиторы получили от него правила судопроизводства. На аутодафе 1316 г. тулузский инквизитор Бернар Ги присудил к пожизненному тюремному заключению одного вальденца, а другого сжег как не раскаявшегося еретика. На ауто 1314 г. восемнадцать вальденцев были осуждены на паломничества, причем некоторым нашили кресты; двадцать шесть были приговорены к пожизненному тюремному заключению, и трое сожжены. На ауто 1321 г. были сожжены муж и жена, отказавшиеся отречься от заблуждений. На ауто 1322 г. восемь человек были осуждены на паломничества, причем пятерым из них нашили кресты; двое приговорены к тюрьме, и было вырыто и сожжено шесть трупов; брата одного осужденного сожгли в Авиньоне. Все еретики, наказанные в 1319 г., были из Оша, между тем прозвище бургундцев, данное народом вальденцам, указывает на то, что Франш-Контэ продолжал быть главным центром ереси. На ауто 1322 г. многие осужденные были беглецами, пришедшими из Бургундии, где вальденская церковь имела правильную организацию и иерархию.

Бернар Ги дает ценное изложение вальденского учения в том виде, как оно существовало в его время, после полуторавекового преследования, когда вальденцы окончательно порвали с католичеством и только свою церковь считали истинной. У них были епископы, священники и диаконы. Ежегодно в одном из больших городов собирались два или три главных капитула, назначали духовных лиц и устанавливали, какие меры следует принять для распространения их учения. Вальденцы не признавали таинства священства. Правда, они верили в пресуществление, но обращение хлеба и вина в тело и кровь Иисуса Христа зависело от нравственной чистоты совершавшего богослужение. Человек грешный не мог освятить Святые Дары, тогда как это мог совершить всякий добродетельный мужчина или женщина. Так же смотрели и на отпущение грехов; право вязать и разрешать было дано Христом непосредственно всякому, кто принимал исповедь и накладывал епитимьи. Эта упрощенная вера не знала Чистилища, поэтому заупокойные обедни и обращение к посредничеству святых были излишни; и вообще святые никого не слушали и никому не

помогали; мнимые чудеса, творимые от их имени в церквах были обманом; не надо было соблюдать постов и предписанных календарем праздников; индульгенции, выгодно продаваемые римской Церковью, ничего не стоят. Клятва и человекоубийство были безусловно запрещены. Остаток традиционного стремления к аскетизму побуждал их вести образ жизни вроде монашеского братства, члены которого отрекались от всякой личной собственности и давали обет целомудрия и послушания высшему. Бернар Ги не придавал большого значения слухам о свальном грехе, который происходил будто бы на их ночных собраниях; но, впрочем, он упоминает об этом, как и о народном веровании в то, что на собрания вальденцев приводили собаку, которая хвостом окропляла присутствовавших.

Учение вальденцев, заключавшее в себе также и непротивление злу, делало этих еретиков вообще легкой добычей инквизитора. Однако жестокое преследование, предпринятое в это время инквизитором Прованса, вызвало кровавое возмездие. В 1321 г. инквизитор поручил двум монахам произвести расследование в епархии Баланса. Ранее множество граждан было там присуждено к унижительному ношению крестов. При приближении новых инквизиторов осужденные и их друзья составили заговор и убили этих монахов.

Несколько вальденцев было захвачено в 1328 и 1329 гг. каркассонским инквизитором. Преследование в следующие годы никогда не прекращалось полностью; тем не менее ересь продолжала расти; учение вальденцев было доступно бедным и неграмотным, и поэтому все более проникало в народ, несмотря на все усилия инквизиции.

В 1335 г. Бенедикт XII просил дофина Виеннского оказать поддержку инквизиторам. С 1336 по 1346 г. были снаряжаемы походы против вальденцев. Некоторые из этих еретиков отреклись, другие были сожжены; имущества их были конфискованы; кости покойников вырыты из могил. В 1344 г. тулузский инквизитор энергично напал на вальденцев в Лангедоке, но только рассеял их по Беарну, графству Фуа и Арагону. В 1348 г. в ответ на обращение Климента VI дофин Виеннский послал своим чиновникам приказ помогать духовным властям; на этот раз было схвачено двенадцать вальденцев, которых сожгли на кафедральной площади Эмбрена.

Когда Дофинэ сделался уделом французской короны, 20 октября 1351 г. властям Безансона было предписано дать вооруженную помощь инквизитору в его поход против еретиков Бриансонской области. Различные епитимьи были наложены в 1353 г. инквизитором Прованса на семерых вальденцев. Более успешна была деятельность эмбренского архиепископа, прозванного апостолом вальденцев. Он действовал с 1352 по 1363 г. кротостью и убеждением, ему удалось вернуть многих еретиков в лоно Церкви. С 1363 по 1365 г. Урбан V понуждал светские власти и инквизиторов Прованса действовать энергичнее. Вооруженные экспедиции были посланы в горы, и успех их был очень значителен: много упорствующих еретиков было сожжено, другие спасли свою жизнь отречением; их скудное имущество было конфисковано, но его стоимости не хватало даже на покупку дров для костра, на котором сжигали владельца.

Призванный в 1370 г. на папский престол Григорий XI скоро обратил внимание на то, что Прованс, Дофинэ и Лионская провинция были полны вальденцев и даже много знатных начало переходить в ересь. Королевские чиновники оказывали содействие инквизиторам. Делопроизводство инквизиторов подвергали пересмотру светских судов, даже выпускали на свободу арестованных. Гражданские чиновники отказывались дать присягу в том, что они очистят страну от ереси, и открыто поддерживали еретиков, в особенности если преследование направлялось против людей знатных.

В 1375 г. папа упрекал короля за покровительство еретикам и грозил духовным наказанием ему и некоторым знатным, замеченным в сочувствии ереси. Инквизитору было дано право требовать услуг доминиканцев, францисканцев, кармелитов и августинцев, чтобы распространить по стране истины религии. Эти усилия увенчались известным успехом. Король издал указы строго применять законы против ереси. Инквизитор Прованса, обеспеченный действительной поддержкой, начал действовать в первые дни мая 1375 г. и зверски расправился с населением Фрейсиньера, Аржантьера и Валь-Пюта (или Валь-Луиз).

Несмотря на многочисленные костры, на которых сжигали закоренелых еретиков, в стране не было свободных тюрем для заключенных. Григорий IX немедленно приказал построить новые обширные тюрьмы в Эмбрене, Авиньоне и Виенне и обязал прелатов

доставить в течение трех месяцев четыре тысячи флоринов золотом на постройку тюрем и ежегодно в течение пяти лет давать на содержание заключенных по восемьсот флоринов, в случае ослушания папа грозил отлучить их от Церкви. Для поддержки инквизиции в 1376 г. папа попытался оставлять себе часть конфискаций, но король Карл только в 1378 г. согласился давать инквизиторам ежегодно жалование в том размере, в каком получали инквизиторы Тулузы.

Для пополнения своей казны Григорий обратился к индულгенциям; воззвание папы от 15 августа 1376 г. гласило: «Всем нашим верным в Иисусе Христе! Ввиду того, что облегчение узников относится к числу добрых дел, верные должны с любовью придти на помощь к заключенным, страдающим от крайней нужды. Так как мы знаем, что наш возлюбленный сын – инквизитор заключил в тюрьму под надежную охрану или под наказание много еретиков и людей, известных за таковых, которые, ввиду их бедности, не могут содержаться в тюрьме, если к ним не придет на помощь щедрость верных; так как мы желаем, с другой стороны, чтобы эти узники не умерли с голоду, но чтобы они имели время покаяться в своих тюрьмах, и так как, наконец, наши верные в Иисусе Христе могут по своему благочестию протянуть нам руку помощи, то мы уведомляем, просим и убеждаем вас всех, за отпущение вам ваших грехов, уделить из богатств, данных вам Богом, милостыню и благостыню на содержание этих узников, дабы можно было поддержать их благодаря вашей помощи и дабы вы через это доброе дело и другие добрые дела, которые внушит вам Бог, могли получить вечное блаженство».

Григорий 28 декабря 1375 г. дал строгий выговор гражданским чиновникам Дофинэ за небрежное исполнение ими приказаний короля помогать инквизиторам; выговор был повторен 18 мая 1376 г. Однако, несмотря на жестокие гонения, число вальденцев постоянно растет, в 1377 г. это отмечает и упрекает инквизиторов в небрежном исполнении своих обязанностей папа Григорий IX.

В 1380 г. новый папа Климент VII возобновил полномочия инквизитора Бореля; деятельность этого изувера продолжалась до 1393 г., и жертвы его исчислялись сотнями. Только в 1393 г. сто пятьдесят еретиков были сожжены в один день в Гренобле по его приказанию. Обращенным оставлялось их имущество, но они обязывались платить

ежегодно инквизитору своими трудовыми деньгами известную сумму, как это видно из списка, составленного в 1385 г.

В сущности, в эту эпоху вальденцы были единственными еретиками, с которыми Церкви приходилось бороться. Но после XIV в. инквизиция во Франции бездействовала: епископские суды были единственными, ведущими преследование ереси. Однако о вальденцах епископы не забывали, а инквизиторы им помогали даже без напоминания пап.

В 1417 г. одна женщина была сожжена в Монпелье за принадлежность к вальденской ереси инквизитором, действовавшим совместно с епископом Магеллона; Инквизитор Эмбрена в августе 1417 г. писал на Базельский собор, что, несмотря на многочисленные казни, уже произведенные им, вальденцы продолжают процветать в долинах Фрейсиньера, Аржантьера и Пюта, некогда почти лишенных жителей после жестоких походов Бореля. Он содержит в темницах в Эмбрене и Безансоне шесть еретиков-рецидивистов, которые назвали ему более пятисот еретиков, и он надеется в самом непродолжительном времени схватить этих мятежников.

В 1441 г. инквизитор Прованса сделал несколько попыток преследования, но без большого успеха. В 1465 г. в Лилле проходил процесс пяти вальденцев, из которых четверо принесли покаяния, а один был сожжен.

Пользуясь некоторым ослаблением преследования в XIV-начале XV вв. вальденцы осмеливались открыто проповедовать свою веру и многих соvertsали. Мало того, когда епископы или инквизиторы пытались их усмирить, они обращались с жалобой в королевский суд, который давал им охранные грамоты. Поэтому 1 июня 1475 г. Сикст писал Людовику XI, что король, по-видимому, не знает, как поступают его представители; иначе он поторопился бы осудить их поступки и предоставил бы, как было прежде, инквизиции поддержку всех сил государства. Только в 1475 г. инквизиторы серьезно занялись преследованием вальденцев в долинах у истоков Дюранса. Тем не менее государство сильно ограничило произвол инквизиторов.

Ордонансом 18 мая 1478 г. король объявлял, что все его подданные в Дофинэ – добрые католики. С пренебрежением упоминает он о «старых нищих», которые именуют себя инквизиторами, мучают верных католиков обвинениями в ереси и изнуряют их

преследованиями перед королевскими и духовными трибуналами с единственной целью выжать из них деньги или поживиться от конфискаций. В заключение он запрещает своим представителям помогать этому делу; он повелевает восстановить еретиков во владении отнятым у них родовым имуществом и, чтобы положить предел обманам и злоупотреблениям инквизиторов, впредь не позволять им преследовать королевских подданных.

Покушение святого трибунала на вальденцев Дофинэ на некоторое время прекратилось. В 1483 г. смерть Людовика XI лишила их покровителя. По ходатайству архиепископа Эмбренского, Иннокентий VIII снова приказал начать преследования. Инквизитор-францисканец, действия которого вызвали в 1475 г. жалобу королю, снова принялся за дело и сжег двух консулов Фрейсиньера. Раздраженный упорством еретиков, архиепископ предложил им летом 1486 г. или покинуть страну, или покориться. Так как они не исполнили ни того, ни другого, то он их отлучил от Церкви. В 1488 г. был предпринят крестовый поход против Дофинэ и Савойи. Делегат папы получил помощь от парламента Гренобля; была собрана армия. В марте 1489 г. крестоносцы двинулись в поход на долину Пражелато, и в течение нескольких дней жителям оставался только выбор между отречением от ереси и смертью, пятнадцать закоренелых еретиков было сожжено. В Валь-Клюзоне и Фрейсиньере сопротивление было более упорное; там началась такая резня, что напуганные жители Аржантьера покорились без сопротивления. В Валь-Пюте население укрылось в пещере Эгю-Фред, но крестоносцы зажгли огонь у входа в пещеру, там задохнулось три тысячи человек, в том числе четыреста детей. Этот поход и конфискации, которые разделили между собой Карл VIII и эмбренский архиепископ, нанесли смертельный удар вальденской ереси. Чтобы ересь не воскресла, инквизитор Прованса продолжал вызывать на суд, произносил обвинения против не явившихся, конфисковал имущество еретиков-рецидивистов и закоренелых.

Вступление на престол Людовика XII дало новое направление делам вальденцев. Королевский канцлер провел в Париже совещание, на котором депутаты Фрейнсиньера встретились с новым эмбренским архиепископом и с уполномоченными Гренобльского парламента. Было постановлено отправить на место папских и королевских комиссаров для изучения вопроса о мнимых еретиках. Комиссары явились в

Фрейсиньер и допросили свидетелей, которые убедили их в том, что все население, вопреки настойчивым заявлениям архиепископа, строго католическое. Были сняты все отлучения и положен конец преследованиям. 12 октября 1502 г. Людовик XII утвердил это решение. Папа Александр VI, сын которого Цезарь Борджиа получил от Людовика XII эту область, не имел никакого желания ссориться с королем. Однако вальденцам не удалось вырвать из рук эмбренского архиепископа конфискованные земли, несмотря на распоряжение короля об их возвращении прежним владельцам. В провинции Безансон, несмотря на то, что время от времени возжигались костры, ересь продолжала распространяться до 1514 г., пока не был послан туда епископ Ангулема. Принятые им меры и энергичное содействие, оказанное ему светской властью, в несколько лет искоренили ересь.

Во время Реформации последние вальденцы слились с кальвинистами.

Глава 3. ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Арагонское королевство, простиравшееся к западу и востоку от Пиренеев, имело население, родственное по происхождению и языку жителям Южной Франции. Еретическая миссионерская деятельность основывалась в Барселоне; изгнанные еретики нашли убежища в горах Урхеля и Серданья. Однако к западу от Пиренеев ересь никогда не была так сильна, как к востоку, и уничтожение ее не потребовало больших усилий. Около 1250 г. наиболее многочисленными еретиками в Арагоне были вальденцы. В конце XII в. Альфонс II и Петр II издали против них жестокие эдикты.

Во время альбигойских войн сочувствие арагонцев было скорее на стороне еретиков, чем католиков. Единственное преследование за это время было предпринято в 1215 г. архиепископом Таррагоны: он поручил изгнать еретиков из своей епархии монастыря Скала Деи. В документе от 1220 г. архиепископ восхваляет ревность приора и монахов и в награду дает им несколько аллодов. В 1226 г. король Иаков запретил еретикам въезд в свое государство. Другой указ, лишавший «общественного мира» еретиков, их защитников, сторонников и укрывателей, был издан в 1228 г. по настоянию доминиканца Раймунда де Пеннафорте, духовника молодого короля. Этот монах убедил короля просить Григория IX прислать инквизиторов, чтобы очистить страну от еретиков: булла от 26 мая 1232 г. архиепископу Эспараго де Барка и его представителям предписывает им произвести в своих епархиях розыск еретиков или лично, или при помощи доминиканцев. Все еретики, которых удастся обнаружить, должны быть наказаны согласно статутам, изданным папой и римским сенатором Аннибальдо. Но здесь еще нет и речи о папской или доминиканской инквизиции.

В 1233 г. король Иаков по настоянию прелатов издал в Таррагоне статут, согласно которому сеньоры за оказание покровительства еретикам в пределах своих владений подлежали ответственности за вероломство; земли их переходили к сюзерену, а если это были аллоды, то к самому королю. Жилища еретиков, если они были аллодиальные, подлежали уничтожению, а если они пользовались ими на ленном праве, подлежали переходу в руки сеньора. Всякий, признанный еретиком или заподозренный в ереси, лишался права избрания на

общественные должности. Чтобы невинный не пострадал вместе с виновными, право наказания еретиков предоставлялось исключительно епископу. Епископам предлагалось в местностях, заподозренных в ереси, наделять своей властью священника или какое-либо духовное лицо. Король или его бальи должны были назначить двух или трех мирян для розыска еретиков, для предупреждения побега подсудимых и выдачи их в руки епископа, королевских чиновников или местного сеньора. На этом смешении духовных и светских принципов здесь зарождалась инквизиция, существенно отличавшаяся от образовавшейся в это время в Тулузе. В случае небрежного исполнения дела арагонским инквизиторам начала XII в., если они были лица духовного звания, грозило отнятие бенефиций, а если они были миряне, - штраф.

По просьбе нового архиепископа Гильена Монгрия 30 апреля 1235 г. папа Григорий IX послал ему кодекс всего инквизиционного делопроизводства.

По настоянию Григория инквизиторы-доминиканцы в 1237 г. впервые появляются в Арагоне: виконт Кастельбо, ленник Урхельского епископа в 1237 г. предоставил в своих землях полную свободу действий инквизиции. Кастельбо долго считалось гнездом катаров. В 1225 г. под покровительством прежнего сеньора данной местности совершенные еретики открыто проповедовали там свое учение. Инквизиторы разрушили два дома, вырыли и сожгли кости восемнадцати покойников, осужденных в качестве еретиков, увели до сорока пяти захваченных мужчин и женщин, осудили пятнадцать скрывшихся бегством и не вынесли никакого решения о нескольких других. Однако урхельскому епископу этого показалось мало, и он осудил и отлучил от Церкви давнего своего врага, графа де Фуа Рожера Бернара, как защитника еретиков; и только в 1240 г. благодаря вмешательству таррагонского архиепископа епископ дал ему прощение, но предварительно Рожер покорился, отрекся от ереси и дал присягу перенести всякую епитимью. В 1238 г. была основана в Арагоне инквизиция, и в апреле того же года Григорий IX писал францисканскому министру и доминиканскому приору Арагона о распространении ереси по всему королевству и о том, что еретики открыто нападают на Церковь, которую хотят подавить. Нищенствующим монахам было приказано энергично расследовать

ересь и разыскивать еретиков, применяя опубликованные папою статуты и прибегая в случае надобности к светской власти. Григорий принимал подобные же меры и относительно Наварры, также наполненной еретиками. Он назначил туда инквизиторов – францисканского настоятеля из Памплоны и доминиканца.

После 1246 г. страна была присоединена к арагонской инквизиции. В Арагоне епископ Барселонский организовал инквизицию в своей епархии до 1241 г. В 1242 г. собор в Таррагоне, созванный архиепископом, опубликовал кодекс, определяющий отношение Церкви и еретиков и долго применявшийся не только в Испании, но и во Франции. Появление этого кодекса дало толчок к возобновлению преследования в Кастельбо, которое не было полностью очищено от еретиков в 1237 г. Еретики отравили особенно ненавистного уже с давнего времени инквизитора, брата Понса де Бланес или де Эспира. В ответ архиепископ Гильен Монгри собрал войско, осадил и взял замок, сжег огромное число еретиков, а остальных заключил пожизненно в тюрьму. В это же время была сделана попытка распространить инквизицию на все королевство. Приходских священников просили оказывать инквизиции всякую посильную помощь. В Урхеле еретиков жестоко преследовал доминиканский инквизитор Бернардо Травессера, которого они в конце концов убили. В 1248 г. Иннокентий послал епископу Лериды инструкции об отношении к еретикам его епархии, которые добровольно вернутся в лоно Церкви. В том же году доминиканский провинциал Испании и Раймунд де Пеннафорте получили право назначить инквизиторов. В 1254 г. король Иаков просил Иннокентия IV передать инквизицию одним доминиканцам. Выбор инквизиторов был поручен Иннокентием приорам Барселоны, Лериды, Перпиньяна и Эльна, каждый из них должен был действовать в пределах собственной епархии, если там не было инквизиторов, назначенных папой. Позднее Иннокентий предоставил выбор архиепископам Таррагоны и Нарбонны и обязал их оказывать содействие новым инквизиторам. Урхельский епископ Понс при содействии доминиканского инквизитора предпринял поход против вальденцев Пуйсерды и Берга.

В это время весь полуостров представлял одну доминиканскую провинцию. В 1262 г. Урбан IV окончательно предоставил право доминиканскому провинциалу назначать двух инквизиторов. Перед

этим он обратился к инквизиторам Арагона с буллой, в которой определял их полномочия и делопроизводство; копия этой буллы была послана провинциалу доминиканцев. Когда генеральный капитул в Кельне в 1301 г. разделил провинцию на две части, то арагонцы были подчинены испанскому провинциалу, область которого охватывала только Кастилию, Леон и Португалию. Но арагонской инквизиции удалось отстоять свою независимость. В 1351 г. провинциал Арагона получил от Климента VI право назначать и увольнять инквизиторов в королевстве.

Тем не менее, несмотря на некоторые организационные неурядицы, инквизиторы все время действовали. Главным местом действия был Урхель. Инквизитор Педро де Кадрейта 11 января 1257 г. вынес окончательное решение относительно давнего врага епископа Урхельского покойного графа Рамона. Покойник был признан еретиком-рецидивистом, и был приговорен к вырытию костей; однако его вдова и сын сохранили свои владения. В 1269 г. Кадрейта осудил покойного Арнальдо, виконта Кастельбо, и его дочь Эрмессенду – жена еретика Рожера Бернара, графа де Фуа. Оба они умерли за тридцать лет перед этим. Кости осужденных были вырыты. Инквизиторы не ограничивались осуждением мертвых; один еретик был сожжен в 1263 г. Декретом от 1286 г. король Альфонс II приказывает всем своим представителям оказывать содействие инквизиторам.

Акты Таррагонского собора 1291 г. свидетельствуют, что арагонская инквизиция не отличалась особой активностью и не пользовалась особым уважением. Поэтому собор приказал наказывать еретиков и держать в страхе всех хулителей католической веры. Приходским священникам было приказано оказывать всякое содействие доминиканским инквизиторам, искореняющим ересь. Под влиянием этого собора Иаков II издал 22 апреля 1292 г. указ, по которому все королевские чиновники предоставлялись в распоряжение инквизиторов и все их расходы принимались на счет королевства.

В 1302 г. инквизитор совершил несколько аутодафе, на которых много еретиков было передано в руки светских властей. В 1304 г. на аутодафе все избежавшие костра были с одобрения короля Иакова изгнаны из королевства. В 1314 г. инквизиция открыла много еретиков, одни из них были сожжены, другие изгнаны. Но в 1325 г. с одобрения

короля Иакова II кортесы (сословно-представительные собрания) запретили инквизиционное судопроизводство и пытку.

Тем не менее в 1344 г., когда изгнанные инквизитором из Тулузы вальденцы искали убежища за Пиренеями, Климент VI просил королей и прелатов Арагона и Наварры помочь инквизиции уничтожить беглецов.

Около 1356 г. инквизитором Арагона папа назначил Николая Эмерика, служившего более тридцати лет. Эмерик настаивал на неограниченных прерогативах и неотъемлемых привилегиях святого трибунала и признавал за еретиком только одно право выбора между подчинением и костром.

Эмерик жалуется, что трудно находить средства для оплаты издержек инквизиции. Но короли Арагона не считали себя обязанными содержать святой трибунал; епископы старались уклоняться от выполнения лежавших на них обязанностей. Конфискации давали немного или совсем ничего, так как еретики были бедняки. Появилась была надежда на более богатую поживу в 1359 г., когда бежали в Арагон обратившиеся в христианство и снова отпавшие евреи графства Венессен; но Иннокентий IV послал к ним своего собственного инквизитора Бернара дю Пюи, которому король Петр IV предоставил полное право разыскивать и наказывать вероотступников.

В течение долгого служения Эмерика ересь в Арагоне стала редкостью. Иногда инквизитору удавалось найти несколько вальденцев, фратичелли, евреев-вероотступников или сарацин-ренегатов; время от времени он накладывал свою руку на какого-нибудь безобидного сумасшедшего, мания которого принимала религиозное направление, или на какого-нибудь тонкого казуиста, заблудившегося в догматическом богословии. Так, например, около 1360 г. в самом начале своей деятельности Эмерик сжег как еретика-рецидивиста некоего Николая Калабрийца, который упорно настаивал, что его учитель, Мартин Гонсальво де Куенка, был сыном Божиим, которому предназначено вечно жить, обратиться мир и в день Страшного суда умолять за всех умерших, которых он выведет из ада.

В 1371 г. Эмерик, благодаря решению Григория IX, заставил молчать францисканца Педро Бонагету, учившего, что если освященная облатка (пресный хлебец для причастия) будет запачкана или как-то осквернена, то тело Христа вознесется на небо и облатка станет

простым хлебом. Около этого же времени Эмерику доставило много неприятностей дело крестившегося и вступившего в доминиканский орден еврея, брата Рамона де Таррага, многочисленные философские сочинения которого сильно отзывались ересью. Эмерик два года держал его в тюрьме; затем папа Григорий велел немедленно произвести над ним суд, угрожая инквизитору в случае неповиновения строгим наказанием. Другого еврея, арестованного Эмериком по обвинению в колдовстве и призывании демонов, потребовала светская власть и держала его под арестом, пока папа не приказал выдать его инквизитору, который приговорил его к пожизненному тюремному заключению, предварительно силой заставив его принести отречение.

Еще в 1361 г. Эмерик заставил отречься некоего Бартоло Ханевизио из Майорки, который писал апокалиптические сочинения, сожженные публично. Эмерик учил, что всякий, оказавший помощь сарацинам, должен быть наказан как соумышленник ереси. Но это учение не было введено в практику святого трибунала. Преемником Эмерика после его отстранения от должности в 1386 г. был назначен его смертельный враг Бернардо Эрменгауди. В 1387 г., когда взошел на престол Иоанн I, Эмерик дважды был осужден и изгнан. Король отозвался о нем как о неизлечимом сумасшедшем, враге веры, вдохновляемом Сатаной и напитанном ядом безверия. Эмерик пытался преследовать благочестивого св. Винсента Феррерского за утверждение в одной из проповедей, что раскаяние Иуды Искариота было искренне и спасительно, что Иуда повесился, не будучи в состоянии из-за большой толпы подойти к Иисусу и испросить у него прощения, и получил на небе отпущение своего преступления. Педро де Луна, кардинал Арагона, взял Винсента под свое покровительство и сделал его своим духовником; избранный в 1394 г. в Авиньоне папой под именем Бенедикта XIII, Луна уничтожил все дело Феррера.

Преемник Эмерика Бернардо покарал многих еретиков и уничтожил многие ереси. Инквизитор около 1390 г. арестовал в Валенсии одного священника, который учил, что Христос имел тройственную натуру – божескую, духовную и человеческую; священник избежал костра публичным отречением от своих слов и отделался пожизненным тюремным заключением.

Майоркское королевство, основанное в 1262 г. Иаковом I Арагонским для своего младшего сына Иакова, заключало Балеарские

острова, Руссильон и Сердан. Новое королевство потребовало особой инквизиции. Время, когда она была там основана, не известно; первым инквизитором Майорки был брат Рамон Дюрфор, упоминаемый в качестве свидетеля в хартии 1332 г. Он занимал этот пост до 1343 г. С этого времени инквизиторы следуют преемственно. Когда в 1348 г. Петр IV силой присоединил к Арагону соседние области, объединения трибуналов не произошло, хотя в 1351 г. Климент VI в бреве, адресованном доминиканскому провинциалу Арагона, заявляет, что разделение отнюдь не лишает его права назначать инквизиторов. В 1413 г. Бенедикт XIII, признаваемый еще папой в Арагоне, образовал два святых трибунала: графств Руссильона и Сердана и Балеарских островов. Эти два судилища время от времени зажигали костры, на которых сжигали главным образом евреев или сарацин, уличенных в вероотступничестве или колдовстве. В 1420 г. Мартин V по ходатайству короля и консулов Валенсии преобразовал эту провинцию в особый инквизиторский округ. Арагонский провинциал назначил на эту должность в 1433 г. инквизитора, который безжалостно преследовал уиклефистов. Его преемники после 1434 г. прославились уничтожением вальденцев.

Около 1440 г. было открыто много еретиков – вальденцев и уиклефистов – инквизиторами и Арагона, и Валенсии. Одним из еретиков позволили воссоединиться с Церковью, других сожгли, как упорствующих.

Николай V в 1447 г. отделил инквизицию Каталонии от арагонской, а в 1459 г. было произведено новое разделение: генерал-министр доминиканцев преобразовал в самостоятельный трибунал барселонскую епархию.

Фердинанд Католик, занявший уже в 1474 г., по праву своей супруги Изабеллы, трон Кастилии, принял в 1479 г. корону Арагона. Влияние Фердинанда много содействовало восстановлению могущества арагонской инквизиции. При Фердинанде инквизиция Арагона действовала под управлением доминиканца.

Королевство Кастилии и Леона, занимавшее большую часть Пиренейского полуострова, не знало тяжести средневековой инквизиции; это государство пользовалось большей независимостью от Рима, чем все остальные в ту эпоху. Частные затруднения, которые создавало присутствие в Кастилии большого числа покоренных евреев

и мавров, скорее осложнялись, чем разрешались инквизицией. Объединение Арагона и Кастилии под владычеством Фердинанда и Изабеллы и завоевание Гренады позволило королевской чете серьезно приняться за дело водворения силой единства веры. До этой поры, несмотря на доминиканские легенды, в Кастилии на практике не было инквизиции.

Между тем даже в таком отдаленном городе, как Леон, катаризму удалось пустить корни. Один катар был сожжен около 1218 г. в том месте, где сваливались все нечистоты. Много катаров изгнал епископ Родриго, умерший в 1232 г.

Открыв в 1236 г. еретиков в Валенсии, Фердинанд III приказал опалить им лица, и эта мера заставила их одуматься и просить прощение. Король часто требовал от своих подданных доставки дров для наказания не раскаявшихся еретиков.

Кодексы Альфонса Мудрого, первый из которых был издан в 1255 г., а второй лет десять спустя, считаются с инквизицией, упорядочивая светским законом отношения между Церковью и светской властью. Ересь подсудна духовным судам, и всякий гражданин мог донести о еретике своему епископу или его викарию; если будет установлено, что обвиняемый верит иначе, чем учит Церковь, его нужно постараться склонить к обращению и простить его, если он вернется в лоно Церкви; если же он будет упорствовать в заблуждении, то его должно выдать светскому судье. Если обвиняемый придерживался еретических взглядов и исполнял еретические обряды, то подлежал сожжению; не соблюдавший еретических обрядов должен быть изгнан или заключен в тюрьму до тех пор, пока не вернется к истинной вере; всякий сочувствующий ереси, но еще не сделавшийся верующим еретиком подвергался в пользу государственной казны штрафу, а в случае несостоятельности его наказывали пятьюдесятью ударами плети; имущество умерших еретиками или казненных переходило к их прямым наследникам католикам, а за неимением таковых – к ближайшему родственнику; если же совсем не было родственников католиков, то имущество мирянина переходило в казну, а духовного лица – Церкви; а если Церковь не требовала в течение года подобного имущества, то оно переходило в казну. Дети, лишённые наследства за свое исповедание ереси, получали обратно свои части, если приносили отречение. Осужденный за ересь не имел права занимать общественной

или государственной должности, получать по духовным завещаниям, оставлять завещания, вести торговлю, быть свидетелем в суде. Дом, где дано было убежище странствующему еретическому миссионеру, отдавался Церкви, если в нем жил сам хозяин, а если он был в аренде, то владелец подвергался штрафу в десять ливров золотом или публичному наказанию кнутом. Если знатный будет укрывать еретиков в своих землях или замках и будет упорствовать в этом после года отлучения, то его имение или замок должны быть отобраны для короля; а если виновным будет простой человек, то и личность его и его имение предоставляются в полное распоряжение суверена.

Христианин, перешедший в иудейство или мусульманство, являлся еретиком и должен был быть сожжен; тому же наказанию подлежал и всякий, кто воспитывал ребенка в запрещенной вере. Но преследование мертвых имело давность до пяти лет после смерти.

Альфонс и его советники считали обязанностью государства охранять веру в ее чистоте, а Церкви предоставлялось только определить виновность обвиняемого. Каноническое право не применялось в Кастилии. По ее законодательству доминиканский провинциал не мог назначать здесь инквизиторов. Кастилия не знала инквизиции, и преследование ереси было там почти не известно.

В 1316 г. Бернар Ги Тулузский открыл в своем округе сектантов – дольчинистов, или псевдо-апостолов; от его преследований они бежали в Испанию. 1 мая 1316 г. Бернар писал всем прелатам и монахам Испании об отличительных чертах этой ереси и просил их хватать и наказывать этих еретиков. Епископ Компостелло уведомлял Ги, что схвачено пять лиц, отвечающих данным им приметам, и что они содержатся в оковах; при этом он спрашивал указаний, как надо судить их и какому наказанию подлежат они, если будут признаны виновными, «ибо,- добавлял он,- все это для нас дело совершенно новое».

В 1401 г. Бонифаций IX назначил инквизитором всей Испании доминиканского провинциала Винсента Лиссабонского (правда, к этому времени умершего) и предписал, чтобы все его издержки оплачивались епископами и чтобы ни один из высших лиц его ордена не имел права сместить его. Единственной ересью, упоминаемой в булле, является идолопоклонническое почитание растений, деревьев, камней, алтарей. Бонифаций в феврале 1402 г. предоставил на будущее время доминиканскому провинциалу Испании право назначать и отставлять

инквизиторов или действовать самому в качестве таковых, пользуясь всеми привилегиями и властью, признанными канонами. Около этого же времени король Генрих III увеличил наказания, карающие ересь; половина имущества еретиков, осужденных духовными судьями, конфисковалась королевской казной.

В государстве видное место занимали обращенные евреи, которых подозревали в тайном исповедании иудейства. Иоанн II просил в 1451 г. папу Николая V дать для наказания этого вероотступничества некоторые полномочия, которыми предоставлялись бы инквизиторские привилегии. Николай охотно откликнулся и назначил инквизиторами епископа Осмы, его викария и схоластика из Саламанки.

Около 1460 г. отмечается отсутствие всякого преследования ереси. В 1464 г. собранные в Медине кортесы обратили на это внимание, но не поднимали даже вопроса о введении папской инквизиции в стране. Ограничились тем, что поручили строго разыскивать еретиков архиепископам и епископам. Короля Генриха IV просили оказать им содействие, чтобы можно было основательно обследовать всю подозреваемую область и чтобы все виновные были открыты, заключены в тюрьму и наказаны, а конфискованное имущество пошло в королевскую казну.

На другой день после восшествия на престол Фердинанда и Изабеллы (1474 г.) Сикст IV дал легату при испанском дворе все права инквизитора для преследования и наказания ложных христиан, которые и после крещения продолжали соблюдать иудейские обряды. Фердинанд и Изабелла, не желая допускать вмешательства легата во внутренние дела королевства, не позволили ему воспользоваться властью, данной ему папой. В ноябре 1478 г. вышла булла Сикста IV об основании инквизиции в Испании, право папского вмешательства было низведено там до минимума.

В 1211 г., в начале своего царствования, Альфонс II Португальский проявил свое рвение к вере тем, что настоял на издании кортесами строгих законов о подавлении ереси; но когда первый доминиканский провинциал в Испании попытался ввести в Португалии инквизиторов из своего ордена, Альфонс отказался принять их и настоял, чтобы еретиков, как и прежде, судили обыкновенными епископскими судами. Буллой от 17 января 1376 г. Григорий XI предоставил Агапито Колонне, лиссабонскому епископу, назначить в виде исключения инквизитором

францисканца, так как ересь сильно распространилась, а в королевстве не было инквизиторов. Вновь назначаемый инквизитор должен был получать ежегодное содержание в размере двухсот флоринов золотом, которые надлежало собирать со всех епархий в размере налога, взимаемого с каждой из них в пользу римской курии. Первым португальским инквизиторами были Мартин Васкес.

В 1394 г. другой францисканец – инквизитор Португалии и Альгарвы просил утверждения у Бонифация IX, исполнившего его просьбу. Не дошло никаких следов деятельности этих инквизиторов. Преемником их был доминиканец Винсент из Лиссабона. В 1399 г. Бонифаций, по просьбе короля, сделал Винсента инквизитором; о деятельности его также ничего не известно. Когда в 1418 г. была образована независимая доминиканская провинция в Португалии, то все провинциалы были в силу буллы Бонифация IX (1402 г.) последовательно и генерал-инквизиторами, и шли они непрерывным рядом до 1531 г., когда была основана новая инквизиция. Но не сохранилось ни одного упоминания об их действиях в качестве инквизиторов. В первых годах XVI в. Дон Мануэль, обеспокоенный положением новых христиан, т. е. перешедших из иудейства и ислама, добился от папы назначения инквизитора-францисканца, хотя в Португалии был доминиканский провинциал. Сведений о деятельности этого инквизитора не сохранилось.

Горячим католикам Португалии в начале XVI в. казалось необходимым устроить и у себя, подобно Испании, новую инквизицию ввиду многочисленности новых христиан, бежавших от испанского преследования. В 1515 г. Мануэль приказал своему посланнику в Риме обратиться к папе Льву X с просьбой о предоставлении португальской инквизиции тех же привилегий, которые были даны инквизиции в Кастилии. Но, однако, введение инквизиции по образцу испанской замедлилось на целых десять лет. Борьба, возникшая по поводу этого мероприятия, не принадлежит к эпохе Средних веков, и ее история выходит уже за пределы нашей работы.

Глава 4. ИТАЛИЯ

В Италии ересь и политику по временам трудно бывает разделить друг от друга. Здесь в течение нескольких столетий притязания государства на верховную власть разбивались попытками пап распространить на всю Италию свою светскую власть. Церковь была поглощена мирскими делами. Во время борьбы пап с антипапами ересь беспрепятственно распространялась. Когда папы одерживали верх, то суровые эдикты против еретиков Луция III были приняты Генрихом VI в 1194 г. и Отгоном IV в 1210 г. Но так как все города были разбиты на партии, к ереси относились снисходительно и она могла даже участвовать в делах правления. Споры одного города с другим и папы с императором открыли широкое поле для дипломатических комбинаций, которыми еретики сумели воспользоваться. Когда при Гонории III, Григории IX и Фридрихе II были выработаны принципы преследования и соумышленники ереси были сравнены с еретиками, то партии и знатные, оказывавшие покровительство или терпимость в отношении еретиков, подверглись общей анафеме; населения целых областей были признаны впадшими в ересь, хотя в их глазах папы гибеллинов (сторонников императора) и еретики представлялись одним и тем же. Традиционная ненависть Милана к империи делала его абсолютно гвельфским (гвельфы – сторонники светской власти папы) городом, между тем он был всюду самым деятельным центром ереси.

В начале XIII в., по утверждению инквизитора Райнерио Сакконе, около двух третей всех катаров Европы было в Северной Италии, преимущественно в Ломбардии, откуда катаризм распространялся по всей Европе. Когда в 1236 г. Фридрих II приводил в повиновение восставших ломбардцев, он указывал папе, что жители Милана гораздо хуже сарацин и что покорение их гораздо важнее.

В некоторых округах число вальденцев не уступало числу катаров. В 1206 г. Иннокентий III старался изгнать этих еретиков из Фаэнцы. В Милане школа, где они открыто проповедовали свое учение, была разрушена архиепископом. Сожженные в 1212 г. в Страсбурге вальденцы заявляли, что глава их живет в Милане. Наиболее прочно вальденцы основались в долинах Коттийских Альп. В 1210 г. туринский епископ просил Оттона IV уничтожить ересь в своей епархии, но

император посоветовал ему самому построже наказывать и изгонять виновных. Гонорий III добился в 1220 г. от Фридриха II Жестокого эдикта, дававшего возможность полного уничтожения ереси. Однако политика Фридриха II не позволяла ему порвать с вождями гибеллинов или усилить партию гвельфов. Поэтому на севере и в центре Италии его законы не исполнялись. Уже в 1221 г. один из наиболее могущественных гибеллинов Тревизской Марки, Эццелино да Романо, был обвинен в покровительстве еретикам; но он считал это выгодным для себя с политической точки зрения и продолжал действовать в том же духе. Когда в 1227 г. подestat Римини был обвинен гражданами за то, что сжег на костре как еретиков их дочерей и сестер и что хотел внести в городские законы указы Фридриха, то он обратился за поддержкой не к императору, а к папе Гонорию III. Пытаясь остановить распространение ереси, Гонорий отправил в 1224 г. епископов Брешии и Модены в Ломбардию для уничтожения еретиков. Это, в сущности, были инквизиторы. Это был первый шаг к устройству инквизиции. Делегаты начали с самой Брешии. Они приказали разрушить дома, в которых проповедовали еретические проповедники. Тотчас же вспыхнуло вооруженное восстание. Многие церкви были сожжены, и на их развалинах еретики провозглашали анафему всем членам римской Церкви; и только после долгой и кровопролитной борьбы католикам удалось победить их. Всем отлученным было приказано лично испросить прощение у Св. Престола. Укрепленные жилища сеньоров, которые стали во главе восставших, должны были быть снесены без права возобновления; остальные оказавшие сопротивление католикам крепости должны были быть разрушены на одну треть или на половину. Священники, родители которых были еретиками или соумышленниками ереси, отрешались от должности на три года или более, сообразно со степенью их участия в беспорядках. На духовенство Ломбардии и Тревизской Марки налагалась контрибуция на вознаграждение убытков, понесенных католиками. Муниципалитет Милана вступился за побежденных, и даже сами власти Брешии решили, что в интересах мира желательно смягчение наказания. 1 мая 1226 г. Гонорий поручил епископам уменьшить наказания по их усмотрению; однако доминиканцу, назначенному в 1230 г. епископом в Брешию, удалось вскоре внести в местные статуты законы, которыми в марте 1224 г. Фридрих определил, что еретики подлежат или сожжению

на костре, или отрезанию языка, и епископ заставил даже подестата принести присягу на применение этих законов.

С восшествием на папский престол Григория IX в 1227 г. началась ожесточенная война против ереси. С благословения папы был заключен мирный договор между Фридрихом II и Ломбардской Лигой, одним из условий которого являлось уничтожение ереси. Папа потребовал от ломбардцев положить конец ереси; условия мирного договора должны были быть выполнены под угрозой кары Св. Престола. В Средней Италии Григорий признал пользу доминиканского ордена и заложил первые основания инквизиции во Флоренции. Но в 1231 г. он узнал, что ересь даже в самом Риме открыто заявляла о себе и привлекала к себе много священников и других лиц духовного звания. Первое аутодафе в Риме, о котором сохранилось воспоминание, было совершено сенатором Аннибальдо. Один из еретиков был сожжен, другие осуждены на тюремное заключение. Григорий издал декреталий, легший в основу судопроизводства инквизиции, и от имени сенатора объявил применение суровых светских законов. Влиянию Григория следует приписать жестокое законодательство Сицилийских Конституций, опубликованных около этого времени, и Равеннских декретов, изданных в 1232 г. В 1228 г. папский легат добился от жителей Милана признания закона, предписывающего разрушение домов еретиков; светским властям приказывалось предавать в течение десяти дней смерти всех, кто будет осужден Церковью. Кардинал-легат в 1232 г. начал дело против еретиков в Бергамо; нескольких он заключил в тюрьму; но лишь только он удалился, граждане освободили еретиков из тюрьмы. Тогда легат отлучил весь город от Церкви. Григорий 3 ноября 1232 г. назначил инквизитора Ломбардии и поручил ему воссоединить город с Церковью, если население даст гарантии, что ересь будет уничтожена.

В 1233 г. кремонский инквизитор, доминиканец, приказал подестату Пьяченцы изгнать еретиков. Но с попустительством подестата еретики напали на священников, епископа и монахов. Один монах был убит; инквизитор и многие из его спутников были ранены. Григорий IX послал в Пьяченцу архидиакона с поручением отдать город под контроль католической партии и взять с него ручательство скорого уничтожения еретиков. В ответ вспыхнуло новое восстание, и были освобождены из тюрьмы заключенные. Тем не менее инквизитор в 1234

г. снова действует в Миланской области. Здесь один крупный феодал давал приют еретикам в своем замке близ Лоди. За это он был осужден на позорную епитимью. Месяц спустя инквизитор арестовал двух купцов и отобрал все их товары; но Григорий приказал освободить их, взяв с них огромный залог – две тысячи серебряных марок.

Ученик св. Доминика Монета своими действиям против еретиков Ломбардии возбудил к себе такую ненависть, что один дворянин подкупил убийцу; но об этом сообщили Монете, который захватил дворянина и наемного убийцу и выдал их светским властям на сожжение. В это время был привлечен к преследованию еретиков один из самых выдающихся проповедников-доминиканцев, Джованни Скио. Папа направил его во Флоренцию, где беспрерывные беспорядки сопровождались ростом ереси, несмотря на усилия молодой инквизиции. Джованни с успехом выполнил свою миссию во Флоренции и был послан в Ломбардию. Там он отправился в Верону, которую в то время осаждали армии Мантуи, Болоньи, Брешии и Фаэнцы; он убедил осаждавших удалиться, и жители Вероны выбрали его подестатом своего города. Он воспользовался властью и сжег до шестидесяти еретиков обою пола, принадлежавших к самым знатым фамилиям города. Джованни, по приглашению епископа, посетил свой родной город Виченцу. Инквизитор воспользовался и здесь своей властью, чтобы сжечь много еретиков. Когда он возвратился в Верону, в Виченце произошло народное восстание. Джованни вернулся, подавил мятеж и казнил многих граждан, бывших, возможно, еретиками.

В мае 1236 г. Григорий IX сделал безуспешную попытку учредить в Ломбардии инквизицию. В 1237 г. Фридрих II заявил, что желание уничтожить ересь побудило его захватить Ломбардию; когда же Григорий упрекнул его, что он оказывал покровительство еретикам, то император напомнил, что он выступил против людей, которые под предлогом уничтожения ереси старались захватить власть над городами и под видом залогов конфисковали замки дворян, подозреваемых в ереси. Григорий также в интересах своей политики в Ломбардии смягчал строгость в отношении еретиков.

В течение нескольких лет Джованни Скио тихо жил в Болонье. В 1247 г. Иннокентий IV назначил Джованни постоянным инквизитором всей Ломбардии, дал ему полные полномочия и освободил его от всякого повиновения генералу, или провинциалу доминиканского

ордена. В 1256 г. Джованни организовал и возглавил крестовый поход против тирана Тревизо. Но утомленный ссорами между вождями, он вернулся в Болонью. Он умер в 1265 г. во время крестового похода против Манфреда; в армии Карла Анжуйского был десятитысячный отряд болонцев, преданных этому доминиканцу.

Наиболее известным борцом против ереси был Петр Веронский, более известный под именем св. Петра Мученика. Он родился в Вероне в 1203 или 1206 г.; родители его были еретики-катары. Став взрослым, Петр в 1221 г. вступил в доминиканский орден и, в силу обязанности своего ордена, проповедовал против еретиков. Когда доминиканцам поручили преследование ереси, Петр в 1233 г. был послан в Милан. До этого времени папа не мог заставить власти и граждан взяться за искоренение ереси. Законы, внесенные в 1228 г. в городские статуты, не исполнялись. Не ограничиваясь внесением в городской закон узаконения, выработанного в 1231 г. Григорием, Петр Веронский заставил действовать подеста и архиепископа. Много еретиков было сожжено. Это были первые жертвы фанатизма в Милане; и эта казнь произвела сильное впечатление.

Петр основал в Милане общество для уничтожения ереси под покровительством папы; оно было прототипом учреждения, которое десять лет спустя совершило во Флоренции так много кровавых «подвигов». В 1242 г. в Милане его жестокости вызвали открытый мятеж. Через два года он боролся с ересью уже во Флоренции, городе первых опытов инквизиции. В 1228 г. приор С.-Марии Новелла был отправлен туда с поручением преследовать еретиков. Еретиков там поддерживали гибеллины и сторонники Фридриха II; поэтому, несмотря на заживавшиеся костры, ересь там быстро распространялась. Многие знатные фамилии исповедовали ересь или открыто защищали ее. Бароны выстроили в С.-Гаджио, за городскими стенами, укрепленный замок, где находили убежище совершенные еретики. Чиприани владели двумя замками (один – в Муньоне, другой – во Флоренции), где происходили катарские собрания. У катаров были крупные школы в Поджибонси, Пиан ди Кашиа и Понте а Сиеве.

В Центральной Италии только в 1235 г. была впервые сделана серьезная попытка ввести инквизицию; доминиканцам Витербо папа предоставлял право во всех епархиях Тосканы, Витербо, Орты, Бальнеореджио, Кастро, Соано, Америано и Нарни не наказывать тех

еретиков из непризнанных таковыми открыто, которые добровольно принесут повинную, если епископы отпустят грехи, а ими будет дан достаточный залог. Участь тех еретиков, которые не покаются добровольно, должна быть решена согласно папским статутам. В 1237 г. папа осудил в Витербо Джованни да Беневенто, прозванного «папой еретиков», а также много других еретиков; он велел разрушить дворцы нескольких знатных фамилий, давших у себя приют еретикам. В Парме в то время генерал доминиканского ордена Иордан основал общество Рыцарей Иисуса Христа для борьбы с ересью. Под энергичным руководством инквизитора Руджиери Калканьи во Флоренции росло число казней. Еретиков сжигали и в других местностях; преследование становилось энергичным всюду, где это позволяло политическое положение. В 1244 г. упоминается о двух сожженных в Пизе. Во Флоренции Руджиери раскрывал все новых еретиков; преследования становились все более многочисленными и все более суровыми, папские грамоты предписывали синьории исполнять приказания инквизитора. Вскоре добрая треть населения, в том числе и много знатных людей, подверглась преследованию. Руджиери арестовал многих вождей еретиков и приговорил признанных виновными к сожжению на костре. Преследуемым приходилось выбирать между открытым сопротивлением или гибелью.

Барони собрали своих сторонников и освободили заключенных, которые рассеялись по разным укрепленным замкам флорентийской области. Иннокентий IV требовал от синьории оказывать инквизиторам содействие. По призыву папы из Ломбардии во Флоренцию прибыл в конце 1244 г. Петр Веронский. Он образовал из католической знати военный орден Св. Марии для защиты доминиканцев и инквизиции. Получив поддержку, Руджиери сжег много жертв. Еретики объединились под управлением Барони и получили поддержку от только что назначенного Фридрихом II подестатом Сер Паче ди Пезаннола из Бергамо, так как в интересах его повелителя было покровительствовать еретикам. Руджиери заставил Барони 1 августа 1245 г. принести присягу на верность Церкви и внести залог в тысячу лир. Но так как Руджиери этим не удовлетворился и готовился произнести над ними приговор, Барони подали апелляцию подестату. 12 августа Сер Паче послал к Руджиери своих чиновников с приказанием прекратить процесс, как противоречащий приказу

императора, вернуть взятые в виде залога деньги, а в случае отказа пригрозил инквизитору штрафом в тысячу марок. В ответ Руджиери вызвал к себе самого Сер Паче как подозреваемого в ереси и покровителя еретиков под угрозой обвинения в злоупотреблении по должности и увольнения со службы. Подестат велел ударить в набат. Много безоружных католиков было убито в тот день у подножия алтарей. В день св. Варфоломея, 24 августа, Руджиери и епископ Ардинго осудили Барони и постановили конфисковать их имения и разрушить их замки и дворцы. Это послужило сигналом к кровавому столкновению между двумя партиями. Еретики потерпели полное поражение, во Флоренции было уничтожено могущество еретиков и гибеллинов. В конце 1245 г. обязанности инквизитора перешли к самому Петру. Многие из гонимых Петром еретиков отказались от своих заблуждений, другие бежали из города. Петр победил ересь и прочно основал инквизицию.

Смерть Фридриха II 13 декабря 1250 г. избавила папство от самого страшного врага, который один только мешал папам в их честолюбивых планах захватить господство над всей Италией и основать всемирную теократическую монархию. Покровительство, которое Фридрих оказывал еретикам, долго мешало деятельности инквизиции в Италии; теперь это препятствие было устранено. Были разосланы инквизиторы во все местности Ломбардии. Петру Веронскому и Вивиану Бергамскому Иннокентий IV своим бреве от 8 июня 1251 г. вручил полные полномочия и предписал отправиться в Кремону; сеньоров надлежало принудить к поддержке инквизиторов угрозой духовных наказаний, а если это окажется недействительным, то христианский мир должен начать крестовый поход, чтобы уничтожить мятежных. Вскоре последовало несколько других булл, обращенных к доминиканским провинциалам и главам государств: папа требовал от них деятельной помощи и внесения во все местные статуты декретов против еретиков, изданных покойным императором и папами. Деятельность папы увенчалась изданием 15 мая 1252 г. буллы «Об истреблении»; папа стремился подчинить гражданскую власть инквизиции и уничтожение ереси ставил первой задачей государства.

Через девять месяцев после возобновления деятельности в Кремоне, а затем в Милане Петр навел такой ужас, что враги решили убить его. Возвращавшихся из Вомо в Милан на пасхальной неделе, 7

апреля 1252 г., Петра и его спутника монаха Доминика заговорщики подкараулили в глухом месте недалеко от Барлассины и убили. Убийцы изувера-инквизитора, Манфред и Томасо, были арестованы и сознались. Манфред сознался также в том, что принимал участие в убийстве в Ломбардии двух других инквизиторов францисканцев. Ему было только приказано явиться на суд папы, но он бежал. Народная молва утверждала, что убийцы нашли убежище у вальденцев в альпийских долинах.

Церковь смогла убедить народ в том, что убитый инквизитор – святой мученик. Уже в мае 1252 г. Иннокентий послал генеральному капитулу ордена доминиканцев в Болонью грамоту, в которой призвал доминиканцев с новой энергией искоренять ересь. 31 августа он приказал начать дело о канонизации Петра, а 25 марта 1253 г. была обнаружена булла о канонизации, в которой заявлялось, что мученическая смерть и чудеса Петра вызвали обращение многих еретиков.

В большинстве итальянских городов были образованы отряды из лучших рыцарей, называвшиеся кроцессинати, рыцари приносили присягу защищать инквизиторов и помогать им, не щадя своей жизни, и своим имуществом служить уничтожению ереси; они получали полное прощение грехов. Эти общества существовали еще в XVIII в. На место Петра был назначен Райнерио Сакконе из Виченцы, занимавший раньше видное положение в церкви катаров, но он покаялся и вступил в доминиканский орден. Иннокентий IV разрешил в 1246 г. доминиканскому приору Милана принимать в орден раскаявшихся еретиков, не требуя от них года послушанья, обязательного для католиков. Назначенный вскоре инквизитором в Павию, зная прекрасно все тайны еретиков, Райнерио преследовал их с неумолимостью вероотступника.

До смерти Фридриха II Ломбардия считалась верным убежищем еретиков, и даже после окончательного устройства ломбардской инквизиции еще в течение целого столетия гонимые искали там себе приют. В Тревизской Марке продолжал оказывать покровительство еретикам Эццелино да Романо, влияние которого сказывалось далеко на Западе. Конрад IV в 1253 г. назначил вице-генералом Ломбардии Гумберта Паллавичино, который вскоре сделался для Церкви столь же опасным, как и Эццелино. Граждане Милана из гвельфов превратились

в индифферентных, так как Иннокентий поссорился с городом, предоставив некоторым духовным лицам права, отобранные у них гражданами. Одним из первых действий Райнерио в Милане был вызов в 1253 г. на суд сторонника и защитника ереси Эгидия да Кортенуова. Замок графа около Бергамо был срыт, как гнездо еретиков, и было запрещено возобновлять его. Но граф занял замок Монгано, где еретики под его защитой пользовались полной неприкосновенностью. 23 марта 1254 г. Иннокентий IV приказал властям Милана взять замок силою и доставить его жителей в трибунал инквизиторов. Между тем граф заключил тесный союз с Паллавичино, «этим врагом Бога и Церкви», и жители Милана не проявили особого желания повиноваться приказанию Иннокентия. Монгано служил убежищем для преследуемых до 1269 г., когда жители Милана согласились осадить замок и, взяв его, передали доминиканцам.

Знатный миланец Роберт Патта да Гиссано в течение двадцати лет был одним из самых видных защитников ереси в Ломбардии. В своем замке он открыто принимал еретических епископов; он позволял еретикам строить дома и открывать школы. Роберт был вызван архиепископом и отрекся от ереси, но продолжал покровительствовать еретикам в Гатге. В 1254 г. Райнерио послал Роберту новый вызов. Так как он не явился, то инквизитор осудил его за ересь, конфисковал его земли и объявил его потомков лишенными прав. Роберт был вынужден заранее принять все условия, которые предложит ему папа. Иннокентий 19 августа 1254 г. приказал предать пламени замок Гатта и все жилища еретиков и вырыть и сжечь кости похороненных на кладбище, а графу приказал подчиниться тому духовному наказанию, которое наложит на него Райнерио. Папство достигло тогда высшего могущества. Все его старания были направлены к тому, чтобы усовершенствовать инквизицию и сделать из нее орудие своей политики и средство достигнуть единства веры. 8 марта Иннокентий приказал францисканскому министру Рима послать в качестве инквизиторов монахов во все южные провинции Ломбардии. 20 мая он снова обнаружил буллу «Об истреблении», а 22 мая послал всем итальянским владетелям конституции Фридриха II с приказанием внести эти законы в местные статуты. В случае неповиновения нищенствующим было поручено заставить владетелей слушаться. 29 мая папа приступил к реорганизации ломбардской инквизиции и

приказал провинциалу назначить четырех инквизиторов, которым были подсудны все области от Болоньи и Феррары до Генуи. Благодаря этим мерам, а также деятельности Райнерио, инквизиция быстро распространилась на всей местности, за исключением тех, где властители гибеллины, вроде Эццелино и Гумберта, мешали ее введению.

Чтобы сломить упорство некоторых городов, выказывавших недостаточную готовность к арестам и выдаче граждан, указанных инквизиторами, новый папа Александр IV последним дал право карать это преступление тяжелым штрафом в двести серебряных марок. Получив этот папский указ, Райнерио 1 августа 1255 г. объявил его всему населению Милана и заявил, что тот, кто будет хулить инквизицию и мешать ее деятельности, будет отлучен от Церкви как соумышленник ереси и наказан сообразно своим дерзким поступкам.

20 марта 1256 г. Александр IV дает приказ провинциалу увеличить число инквизиторов в два раза – до восьми. Райнерио в январе 1257 г. был назначен верховным инквизитором всей Ломбардии и Генуэзской и Тревизской Марок. Получив теперь право назначать своих делегатов, он был освобожден от контроля провинциала; если он найдет число работников недостаточным, то может набрать новых помощников среди людей, исключительно зависящих от него. В марте 1256 г. настоятельно было предложено прелатам оказывать инквизиторам всякую посильную помощь. В январе 1257 г. это было вновь подтверждено.

Между тем во владениях Гумберта и Эццелино не мог показываться ни один инквизитор. Все средства были пущены в ход, чтобы заставить смириться самого опасного врага, Эццелино. Еще в 1221 г. Григорий IX, бывший тогда легатом Ломбардии, добился от него изъявления ненависти к ереси. В 1231 г. сыновья мятежника, Эццелино и Альберико, явились к папе и обещали ему выдать отца, чтобы его судили как еретика, если он не согласится исправиться. Они рассчитывали таким путем сохранить за собой наследство, которого они, как дети еретика, лишались по законам Фридриха. Они вызвались передать своему отцу послание Григория, датированное 1 сентября. Папа угрожал Эццелино: если он не отречется от заблуждений и не изгонит из своих земель всех катаров, его владения будут конфискованы, а он сам будет предан вечному позору.

Но уже 4 сентября 1231г. папа приказал епископам Реджио, Модены, Брешии и Мантуи отдать земли Эццелино на разграбление и проповедовать против этого еретика крестовый поход, обещая участникам похода отпущение грехов, как за поход в Св. Землю. Но эта попытка не имела успеха. В 1233 г. общий мир в Италии дал разрешение грехов и Эццелино, хотя он не отказался покровительствовать еретикам. Пока между Церковью и Фридрихом было согласие, на Эццелино, по-видимому, не обращали внимания. Эццелино был отлучен от Церкви 20 ноября 1239 г. На этот раз его не обвиняли в покровительстве еретикам, а только в насилиях над тревизской Церковью и в том, что в течение трех лет он находился под отлучением. Ему был дан месячный срок, чтобы изъявить покорность и предстать перед судом по обвинению в ереси. Это не произвело никакого действия. В 1244 г. папа поручил инквизитору брату Роландо Кремонскому произвести расследование об Эццелино как о подозреваемом в ереси и публично считаемом за еретика в силу его сношений с еретиками. Результатом этого был заочный процесс. Узнали, что отец Эццелино и все его ближние родственники – еретики и что ересь благодаря его покровительству наводнила всю Тревизскую Марку; отсюда вывели заключение, что он сам склонен к ереси. В марте 1248 г. Иннокентий вынес приговор. Как открытый еретик, Эццелино должен быть осужден наравне со всеми другими еретиками; но, если он явится в день Вознесения (28 мая), Церковь проявит милосердие. Срок, данный ему, истек, и Эццелино был отлучен от Церкви. В июне 1251 г. епископу Тревизскому и доминиканскому приору Мантуи было приказано передать ему вызов о явке в назначенный день и гарантировать ему безопасность. Если же он ослушается, то гражданам Тревизо, его подданным, было приказано заставить его повиниться папе; а если он не подчинится, то против него будут проповедовать крестовый поход.

В течение двух лет выходили одна за другой буллы, приказывавшие всем прелатам и инквизиторам Проповедовать святую войну против еретиков Ломбардии, раздавая всевозможные индульгенции. Одной из этих булл обещалось прощение владельцам когда-либо раньше незаконно приобретенных земель, при условии, что цена за них будет внесена как контрибуция на покрытие расходов крестового похода. Другая булла предписывала, что всякий отдельный

человек или всякая община, которые не придут на помощь крестовому походу, будут преследуемы инквизиторами как соумышленники ереси. 9 апреля 1254 г. Эццелино вновь был вызван явиться лично в день Вознесения (21 мая). Если же он не явится и по этому вызову, то будет объявлен открытым еретиком, и с ним поступят как с таковым. Завоевание Неаполя и смерть Иннокентия IV задержали крестовый поход. Только в июле 1266 г. войска выступили из Венеции. Была взята Падуя, оплот Эццелино; город в течение семи дней был отдан на разграбление. Но крестовый поход тянулся медленно, несмотря на все буллы, дававшие вечное спасение его участникам. Наконец, в 1258 г. легат потерпел окончательное поражение в Брешии и был взят в плен. Брешия перешла в руки Эццелино. Вожди ломбардских гибеллинов, Гумберт Паллавичино и Буозо ди Довара, сеньоры Кремоны, были союзниками Эццелино; они помогали ему при взятии Брешии. Не поделив с ним добычу, 11 июня 1259 г. они заключили против Эццелино союз с миланцами и с Аццо д'Эсте, вождем ломбардских гвельфов. Эццелино располагал значительной армией и рассчитывал захватить Милан, где у него было много сильных сторонников; но Гумберт, Буозо и Аццо напали на него по дороге в Милан, искусной атакой обратили в бегство его армию и взяли тяжело раненого Эццелино в плен. Через несколько дней он умер. Брат Эццелино, Альберико, со всей семьей попал в плен. У него на глазах сожгли живыми его жену и дочерей, убили его сыновей. Затем его самого разрубили на части.

После тридцатилетних бесплодных усилий Тревизская Марка открылась для инквизиции. Но Гумберт, Буозо, кремонцы, изменив Эццелино, преследовали свои цели, не устраивавшие папу. Гумберт добился в 1260 г. избрания подестатом Милана. Тщетно Райнерио Сакконе старался помешать этому, заявляя, что на Гумберта падает сильное подозрение в ереси, Но миланцы изгнали инквизитора из города.

Гумберт был в это время самым сильным лицом в Ломбардии; повсюду, где распространялось его влияние, он запрещал инквизиторам выполнять их обязанности. Под его защитой еретики чувствовали себя в безопасности и толпами стекались со всех других местностей Ломбардии, из Лангедока и Прованса. Одним из доверенных подестата был некто Беренже, осужденный за ересь. Папа Александр 9 декабря 1260 г. приказал инквизиторам Ломбардии вызвать Гумберта явиться в

двухмесячный срок на папский суд, причем ему должны были выдать охранный лист только на дорогу в Рим, а не на оба конца пути; если Гумберт докажет свою невинность, то ему будет разрешено принести присягу в том, что он обещает повиноваться приказаниям папы. Если же он не явится, то против него будет возбужден инквизиционный процесс.

Гумберт, однако, продолжал укреплять свое положение и присоединял новые города к своим владениям, несмотря на грозные распоряжения папы Райнерио и инквизиторам действовать энергичнее и проповедовать крестовый поход. Инквизиторы не могли более безопасно разъезжать даже в пределах Римской провинции. С целью оградить себя от произвола инквизиторского суда в 1264 г. граждане Бергамо постановили, что всякий, вызванный на суд или отлученный от Церкви по обвинению в ереси или по обвинению в поддержке ереси, имеет право в присутствии обвинителя или епископа клятвенно заявить о своей верности всем учениям католической Церкви; затем другою присягой, принесенной в присутствии подестата, он обязывался уплачивать сто су всякий раз, когда отступит от католической веры. После этого никто не имел права вызывать этого человека на суд за пределы города, а также устранять его от исполнения какой-либо должности по городскому самоуправлению. Все городские чиновники должны были (за счет города) защищать его от всякого вызова в суд или от отлучения от Церкви.

Но вне владений Гумберта и вне области, на которую распространялось его влияние, инквизиция в Ломбардии действовала; в 1265 и 1266 гг. Климент IV издавал распоряжения и назначал инквизиторов. Вскоре, пообещав Сицилийское королевство Карлу Анжуйскому, папа сломил сопротивление своих противников. Судьба Италии и судьба папства была решена 26 февраля 1266 г. в долине Беневента, где встретились все гвельфы и гибеллины полуострова. Крестоносцы, собравшиеся по призыву папы со всей Европы под командованием Карла, одержали решительную победу над сыном Фридриха II Манфредом и его сторонниками – гибеллинами. Манфред погиб. После битвы Анконская Марка, Флоренция, Сиенна, Пистойя и Пиза, Пьяченца, Генуя и Кремона изъявили покорность папе.

Поражение и пленение внука Фридриха II, молодого Конрадина в августе 1268 г. в Тальякоцце, а затем жестокая казнь побежденного в

октябре окончательно погубили одновременно Швабский дом и гибеллинов. Инквизиция отныне всюду могла свободно отправлять свои обязанности. В это время права, обязанности и делопроизводство святого трибунала были окончательно выработаны и повсеместно признаны; не было ни одного пребата, ни одного владельца, которые осмелились бы подвергнуть их сомнению.

Еще Иннокентий IV разделил в 1254 г. полуостров между двумя орденами, предоставив Геную и Ломбардию доминиканцам, а Центральную и Южную Италию францисканцам. В Римскую и Тосканскую провинции было назначено по два инквизитора; в Сполето, или провинцию св. Франциска, один; но в 1261 г. каждому инквизитору было дано по два помощника, а провинциальным было предоставлено право назначать сверх этого столько, сколько понадобится. В Ломбардии было восемь инквизиторов, а когда в 1304 г. доминиканцы разделили эту провинцию, то в Верхней Ломбардии стало семь инквизиторов, в Нижней – три. Тревизская Марка и Романья были поручены францисканцам. Их вымогательства были настолько невыносимы, что в 1302 г. Бонифаций VIII передал эти округа доминиканцам, что не принесло населению особого облегчения. Победители сейчас же стали вводить в землях, завоеванных у гибеллинов, единство веры. Уже в феврале 1259 г. францисканскому министру Болоньи было приказано назначить двух монахов-инквизиторов в Римскую провинцию. Как только Виченца успокоилась после смерти Эццелино, туда явился брат Джованни Скио, чтобы снять с населения отлучение от Церкви, тяготевшее над ним за послушание Эццелино. В Павии был открыт и сожжен еретический епископ; два дьякона и восемь других совершенных еретиков упорствовали в своих заблуждениях и были сожжены. В Пьяченце инквизиция сожгла двадцать восемь повозок еретиков. В Сермионе жители в течение шестнадцати лет не допускали у себя преследования и, будучи сами хорошими католиками, оказывали покровительство еретикам. Возмущенный этой нечестивой веротерпимостью, епископ Веронский обратился к тиранам Вероны и Мантуи с просьбой «образумить» Сермионе. В 1276 г. мятежный город был вынужден покориться, выдал больше сотни совершенных, смиренно умолял восстановить католичество и обещал выполнить все требования Церкви. Инквизитор Тревизо запросил папу Иоанна XXI о том, какую епитимью следует

наложить на город. Папа предписал инквизитору снять отлучение, если город назначит синдика (поверенного), который от имени всех граждан отречется от ереси и принесет присягу, что в будущем будет арестовывать и выдавать инквизиции всех еретиков. Всякое нарушение этой клятвы влекло за собой новое отлучение. Затем всякий гражданин должен был лично явиться к инквизитору, сознаться во всем, что касалось ереси, отречься и выполнить епитимью, которая будет наложена на него. Таким путем граждане избежали всех позорных наказаний, тюрьмы, конфискации и лишения права на занятие общественных должностей. О каждом должен быть составлен подробный протокол, и если кто утаит правду или снова впадет в заблуждения, то с ним поступят по всем строгостям законов. Что же касается закоренелых еретиков, следовало судить строго согласно с канонами: семьдесят еретиков были осуждены инквизитором и сожжены. В 1278 г., чтобы обеспечить чистоту веры, в Сермионе был основан францисканский монастырь, причем на его постройку пошло четыре тысячи лир штрафа, уплаченного Вероною; этот штраф являлся одним из условий, на которых был снят с города интердикт, наложенный за его помощь несчастному Конрадину. В 1289 г. замок Эццелино в Иллазио был отдан нескольким знатным лицам, отличившимся в борьбе против Сермионе; это было одновременно и наградой им и поощрением в дальнейшей поддержке инквизиции.

Ересь, лишенная всякого покровительства, была постепенно совершенно уничтожена, и инквизиция прочно основала свое могущество во всей стране. В областях, бывших некогда гибеллинскими, ни один человек, как бы ни было чисто его католичество, не мог считать себя безопасным от преследования; достаточно было дурно отозваться о деятельности инквизиторов или иметь состояние, которое обратило бы на себя их внимание. В захваченных владениях Эццелино инквизиция преследовала еретиков и конфисковала их имущество. Когда современники Эццелина перемерли, стали возбуждать дела против мертвых и лишать наследников состояния.

В 1277 г. брат Коррадо Пагано предпринял поход против еретиков Вальтелино. Однако один из самых могущественных вельмож области Коррадо да Веноста быстро прекратил поход, убив 26 декабря инквизитора и перерезав всех его спутников. Пагано был одним из

самых ревностных преследователей ереси. В ноябре 1279 г. подестату Бергамо удалось захватить Коррадо и его сторонников. Он тотчас же приказал препроводить их под усиленным конвоем к инквизиторам, которым было приказано наказывать преступников так, чтобы навести страх на всякого, кто захотел бы им подражать, а всем владетельным лицам Ломбардии было предписано озаботиться, чтобы арестованные были доставлены в целости.

В Парме брат Флорио сжег много еретиков. В 1279 г. он осудил одну женщину рецидивистку; она была выдана светским властям и сожжена. Жители Пармы осадили доминиканский монастырь, уничтожили дела инквизиции и так грубо обошлись с монахами, что один из них через несколько дней умер. Кардинал-легат Остии отлучил город от Церкви. Этот интердикт был снят только в 1282 г., но и тогда виновные не были наказаны. В 1285 г. Гонорий IV потребовал, чтобы жители Пармы выслали к нему в месячный срок делегатов, уполномоченных выслушать папское решение. В 1287 г. граждане, восстановленные в своих правах, подали просьбу о возвращении к ним доминиканцев. В других местностях инквизиция и инквизиционный процесс также вызывали настолько серьезную оппозицию, что провинциальный собор в Милане в 1287 г. постановил, чтобы всякий член городского управления в разных городах провинций, который будет открыто оказывать покровительство ереси, был причислен к подозреваемым в ереси и лишен всех средств и бенефиций, исходящих от Церкви. Даже в самой папской области сопротивление не было совершенно подавлено: в 1254 г. Иннокентий IV побуждал инквизиторов городов Орвието и Ананьи действовать более энергично. В 1258 г. Александр IV обеспокоился ростом ереси в самом Риме и требовал усиления деятельности от инквизиторов и более энергичной помощи от епископов. Но даже спустя двадцать лет один рыцарь в своем замке близ Ананьи скрывал еретиков. Инквизитор римской провинции неоднократно, но безуспешно пытался начать преследование мятежников. В 1278 г. Николай III послал своего нотариуса с полномочием дать прощение в случае изъявления покорности. Но еретики держались твердо, и папа приказал маршалу Церкви в Тоскане оказать инквизитору вооруженную помощь. В 1265 г. население Витербо поднялось против инквизиции и было приведено к покорности после кровопролитного сражения. В 1279 г. Николай, в свое

время в качестве генерал-инквизитора уничтожавший здесь ересь, жаловался, что еретики постоянно находили убежище в городе и все население было заражено; поэтому инквизитору было приказано отправиться в Витербо и произвести там широкое расследование.

Открытые проявления ереси были подавлены легко после того, как не стало вождей-гибеллинов, покровительствовавших еретикам, но все же ересь продолжала существовать тайно и даже процветала. Следствие против памяти Арманно Понджилупо Феррарского свидетельствует не только о деятельности и успехах инквизиции в Ферраре, но и об упорстве еретиков в Виченце, Бергамо, Римини. В Вероне была сожжена в 1270 г. статс-дама маркизы д'Эсте и открыты два катарских епископа. Дело Арманно Понджилупо показывает, какие затруднения встречали инквизиторы при раскрытии ереси, скрывавшейся под маской католичества. В Ферраре в 1254 г. он был схвачен и заключен в тюрьму; после признания и отречения он был выпущен на свободу, получил от своего катарского епископа разрешение за свое отречение и снова был принят в секту. С этого времени до самой своей смерти (в 1269 г.) он распространял катарское учение. Между тем, он вел себя как самый строгий католик. Умер он, окруженный ореолом святости и был погребен в кафедральном соборе. Народ почитал его как святого. Город деятельно хлопотал о его канонизации, но инквизиция выступила против. В собранных святым трибуналом признаниях имя Арманно встречалось постоянно как одного из самых деятельных и убежденных еретиков. Спор о том, еретик он или святой, продолжался до 1301 г. Тогда назначенная в 1300 г. папой Бонифацием VIII комиссия вынесла окончательное решение: Арманно умер еретиком-рецидивистом; кости его должны быть вырыты и сожжены; все движимое и недвижимое имущество Арманно должно быть конфисковано в пользу инквизиции, причем были признаны не имеющими значения все продажи и уступки этого имущества, происшедшие в течение тридцати двух лет, протекших со дня его смерти. Это дело не было единственным: в Брешии долгое время почитался в народе святым ересиарх, но инквизиция доказала ошибку и приказала вырыть и сжечь его кости.

В 1289 г. Николай IV предавал еретиков анафеме и побуждал к более энергичной деятельности Инквизиторов Генуи, Ломбардии, Романии, Неаполя и Сицилии. Не оставляли в покое и мертвых: Герардо

Флорентийский умер до 1250 г., а преследование против него было возбуждено только в 1313 г. Его многочисленные дети и внуки все были хорошими католиками, тем не менее они все были лишены наследства и ограничены в правах.

Много преследуемых бежало в Сардинию, но в 1285 г. остров был присоединен к Тосканской инквизиционной области, и инквизиторы явились туда за еретиками. В Неаполе смешанное население – сарацины и норманны – дало много последователей еретических учений. В 1235 г. было совершено нападение на доминиканский монастырь в Неаполе, Григорий IX приписал это друзьям еретиков. Хотя Фридрих II часто бывал вынужден в силу политических соображений издавать жестокие указы о преследовании и иногда применять их, но сам он не был настолько убежденным католиком, чтобы неустанно преследовать еретиков. Походы, предпринимавшиеся периодически, как, например, в 1231 г. под покровительством архиепископа Реджио, или нечто в роде светской инквизиции, учрежденной этим же прелатом в 1233 г., не были продолжительны. Катары, изгнанные из Лангедока, могли найти себе убежище не только в Ломбардии, но и в Калабрии и Абруццо. Наследник Фридриха II Манфред изгнал из своих владений тулузского епископа катаров и его учеников из Апулии, но иных репрессий он не проводил.

Карл Анжуйский, захватив королевство, приступил к введению инквизиции с 1269 г.; он заботился о вознаграждении и о расходах инквизиторов, настойчиво требовал, чтобы гражданские чиновники оказывали им помощь; каждый инквизитор получал указ, предоставлявший в его распоряжение все силы государства, и в Неаполитанской инквизиции не имелось недостатка в инквизиторах. Большинство этих инквизиторов было из доминиканцев; но один являлся францисканцем. В их распоряжение были отданы королевские тюрьмы, было приказано подвергать арестованных пытке по требованию инквизиторов. Подобный порядок существовал до 1305 г. Карл сам предпринимал походы против еретиков. Так 13 декабря 1269 г. он послал в Абруццо, где уже действовал инквизитор, рыцаря разыскивать и хватать еретиков и их соумышленников. Всем чиновникам было приказано оказывать ему всякое содействие. В августе 1269 г. Карл приказал схватить семьдесят восемь еретиков, открытых инквизитором, а 14 марта 1270 г. три еретика были сожжены

в Беневенте. С 1269 г. инквизиторы Лангедока посылали в Неаполь своих агентов, уполномоченных преследовать бежавших туда еретиков; Карл приказал оказывать им помощь.

Однако относительная слабость Неаполитанской инквизиции привела к переселению вальденцев из Савойи на юг Италии в 1315 г. под предводительством одного знатного миланца. Им даже были заранее обеспечены некоторые льготы и предоставлены местности для поселения. Возникли деревни в Калабрии и в Апулии, которые регулярно посещались вальденскими священниками-миссионерами. Перейдя в 1282 г. в руки Петра III Арагонского, Сицилия проявляла крайне враждебное отношение к Святому Престолу, и поэтому здесь не было преследования. Папа Мартин V, приказывая в 1285 г. проповедовать крестовый поход против Петра III, ссылается на постоянный рост ереси на острове и на нежелание короля допускать сюда инквизиторов. В 1304 г. Бенедикт XI приказывал королю Фридриху принять инквизиторов, посланных в Сицилию, и оказывать им во всем содействие; однако папа не дал острову самостоятельного трибунала, а распространил на него юрисдикцию святого трибунала материка. Но инквизиция в Сицилии существовала только номинально, кроме времени борьбы с тамплиерами. Долго остров был безопасным убежищем для гонимых фратичелли. Много помог этой терпимости Арнальдо де Вилланова своими характеристиками королю Фридриху современных инквизиторов. Эти монахи, торгующие своим могуществом, были, по его словам, и дьявольским бичом; они не думают трудиться над укреплением веры, скорее они плодят неверующих, всюду проявляя только злобу, хищность, лихоимство, и никто не думает осуждать или обуздывать их. В 1328 г. архиепископ Палермо арестовал одного фратичелли; сейчас же была послана жалоба Фридриху, а Иоанн XXII писал архиепископу, побуждая его уничтожить ересь, так как в это время инквизиция на острове бездействовала.

Венецианская республика всегда сохраняла свою автономию. Хотя она и составляла часть Тревизской Марки до XIII в., крупной континентальной державой Венеция стала только в 1339 г. после приобретения Тревизо. В 1406 г. к ней присоединилась Падуя, затем Верона, Виченца, Фельтре, Беллуна и Брешия; в 1448 г. республика отняла Бергамо у миланских герцогов. Поэтому в отношении инквизиции венецианская политика имела влияние на всю Тревизскую

Марку и даже на значительную часть Ломбардии. Эта политика подозрительно относилась ко всему, что могло дать папству предлог вмешаться во внутренние и во внешние дела синьории. Венеция не приняла участия в борьбе гвельфов и гибеллинов, и на нее не распространилось действие анафемы, произнесенной против Эццелино. Она была базой для крестового похода, предпринятого против этого поддстата. Тем не менее республика не выразила готовности принять участие в уничтожении ереси, начатом Григорием IX и его преемниками. Статуты Фридриха II никогда не были внесены в кодекс синьории. В присяге на верность республике дожа (пожизненно избираемого главы Венеции) Джакопо Тиеполи в 1219 г. и в уголовном кодексе, изданном этим же дожем в 1232 г., нет упоминания о ереси и об уничтожении еретиков.

Правда, и здесь признали необходимым наказывать за ересь, но светские власти желали иметь в своих руках как светский, так и духовный суд. В присяге, принесенной в 1249 г. дожем Марино Морозини, имеется обещание назначить для розыска еретиков нескольких католиков, слывших людьми почтенными и рассудительными. Но все еретики должны быть выдаваемы архиепископу Градо или епископам венецианской области и не быть присуждаемы к костру без согласия Совета или большинства его членов. Это совсем не удовлетворяло пап. Буллою от 2 июня 1251 г. Иннокентий IV приказал двум инквизиторам отправиться в Венецию и начать там преследование еретиков. Но известно, что монахи не достигли ничего. В документе, помеченном 1256 г., сохранилась присяга преследовать еретиков и выдавать их не духовным судам, а дожу и магистратам; эта присяга была потребована от инквизиторов из белого духовенства, назначенных в 1249 г. В этом же документе есть оговорка, что смертная казнь, предусмотренная в 1249 г., уже отменена. Катары и ростовщики судились одинаково; наказание не было смертным, осужденный иностранец изгоняется из Венеции, но гражданин не должен быть изгнан. Смертная казнь была установлена позднее, около 1275 г.

Так как инквизиция становилась все более настойчивой по всей Ломбардии и в Марках, то преследуемые еретики искали себе убежища на венецианской территории, где надзор был менее строг. Напрасно около 1286 г. Гонорий IV посылал тревизского инквизитора потребовать

от Республики внесения в ее законы постановления Фридриха II и пап против еретиков. Республика упорно отказывалась повиноваться. Наконец в 1288 г. папа Николай IV послал синьории приказ принять императорские и папские законы и потребовать от дожа присяги в том, что он будет содействовать тревизскому инквизитору. В случае неповиновения папа грозил городу духовными и светскими карами.

Республика решительно отказалась внести в свои статуты законы пап и императора, но 4 августа 1289 г. она приказала дожу Джованни Дандоло оказывать содействие инквизитору по первому его требованию, не испрашивая на то особого разрешения Совета. Было оговорено, что все штрафы и конфискации будут поступать в пользу Республики, которая взамен этого принимает на себя все расходы святого трибунала. Кроме издержек по аресту и содержанию еретиков, инквизитор еще получал ежемесячное жалование. Этот компромисс был принят 28 августа 1288 г. Николаем IV и включен в формулу присяги, которую принес следующий дож, Петр Градениго. Благодаря этому порядку инквизитору представлялась полная свобода уничтожать ересь, но в то же время он не мог злоупотреблять своей властью для вымогательства денег, а государство, оставляя за собою всю финансовую сторону дела, могло иметь за ним наблюдение.

Инквизиторы заявляли, что папские и императорские законы не исполняются и что они, ввиду их зависимости в денежном отношении от государства, не могут иметь при розыске и арестах еретиков достаточного числа людей, и поэтому ересь продолжает процветать в землях Венецианской республики. Николай IV просил дожа Петра Градениго изменить порядок. Но дож не внял его просьбе, а синьория не находила нужным уничтожить должность светских инквизиторов, установленную законодательством в 1249 г. В 1301 г. тревизский инквизитор решил положить этому конец. Он объявил трем ассистентам (коллегия из трех должностных лиц, выполнявших обязанности светских инквизиторов), что их начальником является только он один. Так как они не обратили внимания на его слова, то он отправился в Венецию и потребовал от дожа Градениго под угрозой отлучения от Церкви принести присягу на выполнение всех папских законов против ереси. Градениго отказался, заявив, что это было бы нарушением его присяги на верность конституции. Инквизитор взял свою угрозу обратно. Трое ассистентов продолжали по-прежнему

отправлять свои обязанности. Их стали избирать из сенаторов, и они вели вместе с инквизитором все дела, подлежащие юрисдикции святого трибунала. По мере того как Венеция расширяла свои владения на континенте, эти обязанности во всех городах, подчиненных республике, исполняли губернаторы. К их помощи во всех делах по преследованию ереси обращался не только инквизитор, но и епископы.

Долгое и неумолимое преследование мало-помалу уничтожило секту катаров, которая в первой половине XIII в. казалась настолько сильной, что почти могла спорить с Римом за обладание Италией. Изгнанные из равнин Ломбардии и Центральной Италии, катары удалились в места менее доступные. В 1340 г. они были на Корсике; генерал францисканского ордена послал туда монахов, которым удалось на некоторое время уничтожить еретиков. В 1369 г. против них вели ожесточенную кампанию францисканцы. Преследуемые укрывались в лесах и горах; чтобы покорить их, устроили целую линию духовных крепостей под видом францисканских монастырей. На континенте катары, несмотря на бдительность инквизиции, продолжали существовать в Пьемонте. В 1388 г. удалось захватить одного из наиболее деятельных членов секты. В присутствии инквизитора и туринского епископа после повторной пытки еретик подтвердил существование в данной местности многочисленных колоний. Среди еретиков было много членов знатных фамилий. Катары поддерживали постоянные сношения с главным центром ереси в Боснии.

В 1388 г. два катара были сожжены в Турине. Катаризм быстро вымирал. Последнее достоверное известие о существовании его к западу от Адриатики относится к 1403 г., когда было открыто и мирно обращено много катаров, живших среди вальденцев. Остатки катаризма сохранялись еще среди вальденцев долины Савойи до 1451 г. Вальденцы Италии жили в мало доступных горах Пьемонта. Оттуда выходили эмигранты и даже целые колонии благодаря преследованию и вследствие недостатка средств к существованию увеличивавшегося населения. Благодаря более мягкому климату Неаполя и сравнительной снисходительности неаполитанской инквизиции, южные колонии сделались для секты главным центром, с которым еретики, поддерживали постоянные сношения. В 1387 г. их высшее духовное лицо жило в Апулии, и вождями вальденской общины в Пьемонте были два апулийца; и еще столетие после этого общины Коттийских Альп

считали Южную Италию центром их Церкви. В 1292 г. были начаты преследования в Валь Пероза, и в 1312 г. много не раскаявшихся еретиков было сожжено в этих долинах. Но и в 1382 г. вальденская церковь Туринской епархии была в расцвете. Туринский инквизитор, попытавшийся ввести репрессии, вызвал вооруженное восстание. В Ангронье жители убили приходского священника, подозреваемого в доносе. Самому инквизитору пришлось выдержать осаду в замке, куда он с трудом скрылся. Однажды в руки провансальского инквизитора попал глава вальденцев. Папа приказал инквизитору выдать пленника туринскому инквизитору, чтобы под пыткой получить от вальденца указания для розыска и захвата других еретиков. Преследование шло своим чередом. По настоянию пьемонтского инквизитора в 1354 г. пьемонтский князь приказал графам Лузерны арестовать вальденцев в Лузерне и в соседних долинах. В 1363 и 1364 гг. Урбан IV сделал новую попытку привести еретиков к послушанию. Марсельский инквизитор напал на мятежников с запада, туринские инквизитор и епископ действовали на востоке. Амедею Савойскому предложили соединиться с сенешалем Прованса. Результатом этого соединенного нападения была масса арестов и процессов. Эти преследования заставили многих вальденцев принять участие в Савойской жакерии 1365 г., которая была жестоко подавлена.

Немного ранее 1375 г. инквизитор явился в Брикараке, местности глубоко зараженной ересью, и потребовал явки вальденцев пред его трибуналом; но еретики убили инквизитора. Такая же участь постигла и другого инквизитора. Григорий XI потребовал от Амедея VI Савойского очистить свои земли от опасных еретиков. Вальденцы Валь де Суз подверглись самому безжалостному преследованию. В одну рождественскую ночь вооруженный отряд напал на Пражелато и перебил всех попавшихся ему еретиков; ускользнувшие от его рук погибали от холода и голода. В числе жертв было пятьдесят женщин с грудными младенцами. Целый ряд инквизиторов, которых не остановила участь их предшественников, энергично действовал против вальденцев Пьемонта, но им не удалось покорить их, а только изгнать из родных долин и рассеять по всему Пьемонту. Инквизиция весной 1387 г. захватила жену одного из убийц инквизитора и подвергла ее пытке; но узнали от нее только, что муж ее умер в 1386 г., Других подозреваемых, также подвергшихся пытке, приговорили к ношению

крестов, потому что у преследователей не было тюрем. Обвинения и доносы делались сотнями, страна кишела еретиками. Одним из первых захватили человека, ранее отрекшегося от ереси; подвергнутый пытке, он сознался, что продолжал быть еретиком; как рецидивист, он был 31 марта выдан в руки светских властей, и все его состояние перешло инквизиции. Но светские власти отказались исполнить приговор инквизитора. 19 мая инквизитор приказал сеньору Оцаско под угрозой штрафа в сто марок арестовать трех еретиков, но этот приказ не был исполнен. Неповиновение росло, в случае отказа сознаться арестованного не подвергали пытке и отпускали под залог.

Инквизитор 27 июня вызвал к себе двух подозреваемых в ереси. Они не явились, но 6 августа он отыскал их в Турине и арестовал. Арестованные бежали; инквизитор снова арестовал их и отвел в замок Авельяно. Он не мог подвергнуть их пытке и добиться признания. Магистраты Авельяно подали жалобу графу Амедео, который приказал освободить узников, и инквизитору пришлось покориться. Он обратился ко всем гражданам Авельяно с обычным приглашением явиться к нему добровольно и сознаться в ереси или указать подозреваемых в ней. Девять дней он ждал, но никто не явился ни с самообвинением, ни с доносом, хотя было известно, что в окрестностях, в особенности в Коаццо и Вальджионе, было множество еретиков. В декабре инквизитор послал вызов всем должностным лицам Валь Пероз, одной из долин, населенных вальденцами, и объявил, что они, так как страна полна еретиков, должны явиться к нему в Пиньероль и снять этот позор с себя и со своих общин. Никто из вызванных не явился. Благодаря посредничеству канцлера Пьемонта и некоторых других придворных они согласились платить графу Амедео ежегодно земельный налог в размере ста флоринов, за что граф должен был запретить инквизитору действовать в Валь Пероз и разрешить жителям не являться по вызовам инквизиции. Инквизитор был вынужден покинуть Пиньероль и заняться обращением катаров, живших близ Турина; но раньше этого он объявил, что должностные лица Валь Пероз подлежат отлучению от Церкви и наказанию за неявку в суд. Этим он навлек только на себя гнев Амедео. Не большим успехом увенчалась попытка добиться того, чтобы инквизиция получила доходы от имущества, конфискованного у жителей Пражелато, осужденных провансальским инквизитором.

Пражелато в 1400 г. на Рождество подвергся нападению вооруженного отряда, пришедшего из Сузы. Жители, которым удалось избежать смерти или плена, бежали на высоты Валь Сан Мартино; многие из них погибли от морозов; когда отряд ушел, то оставшиеся в живых вернулись домой и нашли только одни развалины своих жилищ. Эти жестокости, совершенные с таким хладнокровием, возмутили даже Бонифация VIII, который приказал инквизитору сдерживать свое рвение.

В 1416 г. вышли новые декреты против вальденцев. Жители долины подняли восстание вследствие новых преследований. Между 1440 и 1450 гг. викарий инквизитора в течение одного расследования сжег в Кони двадцать еретиков-рецидивистов, имущество которых он конфисковал. Около 1457 г. инквизиторы явились в деревню Бернец и начали там розыск, вскоре прерванный. Тогда Амедей Савойский послал аббата монастыря С.-Пьеро окончить дело, и епископ оправдал многих обвиненных. После этого явился новый инквизитор, который снова пересмотрел дела и наложил разные наказания на оправданных аббатом.

Герцог Амедей пытался убеждением привести заблудших в лоно Церкви; но после его смерти (1472 г.) его жена в 1475 г. предприняла против вальденцев настоящую войну с целью их окончательного истребления. Эдиктом 23 января 1476 г. все должностные лица зараженных ересью округов были предоставлены в распоряжение святого трибунала. Известно, что уже после 1484 г. с еретиками, рассеянными по долинам, поступали без всякого снисхождения; те же, кто жил в горах, уцелели, хотя и им пришлось много страдать от нападений сильных отрядов: В апреле 1487 г. генерал-инквизитор лично посетил зараженные округа и тщетно пытался убедить еретиков отречься от заблуждений: эти люди дерзко отвергли все духовные наказания, наложенные инквизитором, и перебили его слуг и разграбили его жилище.

Иннокентий назначил своим нунцием и комиссаром в Пьемонт и Дофинэ архидиакона Кремоны, поручив ему заставить население принять инквизитора, «дабы раздавить еретиков как ядовитых змей». С этой целью нунций был уполномочен проповедовать крестовый поход с обещанием его участникам полного отпущения грехов и лишать сана и должностей всех духовных и светских лиц, которые откажутся

повиноваться ему. С февраля по май 1488 г. нунций посылал еретикам вызовы о явке к нему, а так как никто не явился, то он осудил их за неявку и выдал всех в руки светской власти.

Между тем во Франции и Пьемонте удалось собрать восьмитысячный отряд крестоносцев, которые двинулись четырьмя колоннами, чтобы закрыть все выходы. В Валь-Ангрон были уничтожены все крестоносцы. В 1490 г. герцог Карл I в Пиньероле заключил с победителями-вальденцами мир и подтвердил их привилегии. В долине По были открыты целые вальденские селения. Маркиза Салучи предоставила войска инквизитору Анджело Риччиардино. Несколько деревень подверглось нападению; большинству населения удалось бежать и скрыться в Лузерне, но некоторые попали в плен, и пять из них были 24 марта 1510 г. осуждены на костер. Снежная буря заставила отложить казнь, а ночью узникам удалось бежать; но инквизитор заменил бежавших тремя другими заключенными, которым он обещал снисхождение ввиду их сознания. Селения, покинутые жителями, были конфискованы и отданы добрым католикам; но так как беглецы время от времени спускались, убивали и грабили новых поселенцев, то скоро никто уже не смел селиться на их месте. Маркиза решила уступить. В 1512 г. за крупную сумму она позволила изгнанникам вернуться и жить спокойно. Это торжество веротерпимости было местное и непродолжительное.

Савойские статуты, изданные в 1513 г., содержат все статьи об истреблении ереси. В них приказывается всем должностным лицам во всем помогать инквизиции, издержки которой должны были покрываться конфискациями. Борьба еще не окончилась, когда в 1530 г. вальденцы вошли в открытые сношения со швейцарскими протестантами и слились, в конце концов, с кальвинистами.

Эти беспрестанные опустошения вызвали эмиграцию в Калабрию и Апулию, где братья преследуемых жили уже двести лет сравнительно спокойно. Так, например, значительная часть населения Фрейсиньера выселилась в долину Вольтурары. В XV в. инквизиция уже вполне распространилась на Неаполитанское королевство, и еретики стали выказывать верность католичеству. Они иногда присутствовали на обедне, крестили своих детей у священников и аккуратно платили десятинный налог, который рос из года в год благодаря трудолюбию земледельцев. Долины, некогда почти пустынные, были обращены в

поля, пастбища, сады и виноградники. Дворяне, принявшие вальденцев на свои земли, охотно оказывали покровительство людям, которые увеличивали их доходы. Когда, одновременно с ростом могущества Арагонского королевского дома, кончилась феодальная независимость, еретики обратились в 1497 г. с просьбой к королю Фридриху, чтобы корона утвердила условия, заключенные некогда между ними и дворянами, и король удовлетворил их просьбу. Таким образом, они обеспечивали себе на долгое время мирное существование. Каждые два года их посещали странствующие пастыри. Они совершали путешествие под предлогом каких-либо дел; в каждом городе были общины вальденцев. Несмотря на бдительность духовенства, вся Италия была покрыта сетью ереси, скрывавшейся под обликом католичества. В 1497 г. депутаты Чешских Братьев нашли в самом Риме несколько своих единоверцев, которых они упрекали за то, что те скрывали свою веру. В 1530 г. в Калабрии насчитывали десять тысяч еретиков, в Венеции – шесть тысяч.

Целые поколения жили мирно, так что казалось, никогда более не вспыхнет борьба. Конечная судьба этих несчастных относится к эпохе Возрождения и к началу XVII в. Жестокая борьба против вальденцев в Савойе поддерживала деятельность святого трибунала. В Ломбардии инквизиция в 1318 г. проявила большую энергию в преследовании еретиков-лоллардов. Весьма возможно, что это были вальденцы, так как они, когда не могли более скрываться, бежали в Чехию, бросив жен с грудными детьми. Женщины были сожжены, а детей раздали добрым католикам, чтобы они воспитали их в истинной вере. В 1344 г. в Ломбардии было большое народное волнение. Современники утверждали, что много невинных пало жертвой инквизиции; даже императорский наместник просил Климента VI назначить расследование злоупотреблений инквизиторов. Эти случаи вызвали в 1346 г. убийство в Миланской провинции францисканца-инквизитора, известного своими преследованиями. В статутах миланских герцогов с 1343 по 1495 г. не упоминается ни об инквизиции, ни о наказании еретиков; но герцогский указ от 1388 г. предоставляет гражданских чиновников в распоряжение святого трибунала, однако для применения пытки, строгого тюремного заключения и вынесения окончательного приговора требовалось согласие епископа. Этот указ грозит наказанием инквизиторам, если они будут пользоваться своей властью для

вымогательства денег и удовлетворения личной ненависти; инквизиторам строго предписывалось не злоупотреблять правом иметь вооруженных слуг и не увеличивать их числа без особой нужды. В эту эпоху политические страсти мешали работе инквизиции: например, один францисканец, около 1360 г. обвиненный в ереси инквизитором Пьяченцы, объявил, что единственной причиной его преследования было то, что он – гибеллин, и вызвал таким образом восстание в этом городе, где отношения партий были обострены, а сам, воспользовавшись этим, ускользнул от преследования.

Назначение инквизиторов продолжалось, и они, насколько могли, исполняли свои обязанности. Мартин V в 1417 г. назначил францисканца-обсервантина специальным инквизитором против еретиков Мантуи. С этого времени, когда необходимо было энергичнее действовать против ереси, уже не рассчитывали на обычный инквизиционный суд и назначали особыми декретами специальных инквизиторов. Вследствие потери инквизицией былого влияния в 1459 г. был публично поднят вопрос о действительности булл Иннокентия IV и Александра IV, разрешавших инквизиторам проповедовать крестовые походы против еретиков и преследовать как еретиков отдельные лица и целые общины по обвинению в обструкции; потребовалось новое подтверждение их со стороны Каликста III.

Доказательством падения авторитета ломбардской инквизиции является сделанное в 1515 г. Львом X заявление при назначении доминиканца инквизитором Брешии о том, что в течение десяти лет этот пост занимали иностранцы, не знающие местных законов и обычаев, и что граждане Брешии просили папу исправить эту ошибку. В эпоху процветания инквизиции инквизитор сам составлял законы для городов; если эти законы мешали его деятельности, то он или не считался с ними, или отменял их. В Венеции инквизиции никогда не удавалось освободиться от надзора и вмешательства светской власти. В 1356 г. тревизский инквизитор подверг тюремному заключению за вероотступничество много евреев, обращенных в христианство. Однако светские власти вмешались, запретили ему разбирать это дело, схватили его слуг и подвергли их пытке, обвиняя в вымогательстве денег у арестованных. Эти действия властей вызвали негодование Иннокентия IV. Но Республика стояла твердо. И раньше светская власть мешала действиям инквизиции, случалось, что синьория не обращала

совершенно никакого внимания на инквизицию. Так, например, в 1365 г. Великий Совет рассматривал дело о хуле на Божью Матерь. Совет постановил передать обвиняемого на суд кастильского епископа и изгнать его, если его виновность будет установлена; таким образом, светская власть определяла наказание и признавала только епископскую юрисдикцию.

В 1373 г. Венеция получила особого инквизитора. Значение венецианского инквизитора было, однако, сведено до минимума; на него смотрели как на простого чиновника гражданской администрации. 17 апреля 1412 г. Великий Совет приказал изгнать греческого священника Михаила, богослужения которого привлекали массу богомольцев, но вести это дело так, чтобы никто не подозревал вмешательства Совета. Спустя месяц, 26 мая, приказ об изгнании был отменен, и сохранило силу только распоряжение об отстранении от должности священника. Во всем, что касалось личного его ведения, с инквизитором не считались. В 1422 г. Совет Десяти назначил особую комиссию для исследования виновности нескольких францисканцев, обвиненных в жертвоприношениях демонам. Месяцем позднее эта светская власть просила у Мартина V полномочия начать процесс по вопросу о неприкосновенности, которой пользовались нищенствующие. В следующем (1423) году Сенат выключил из государственной сметы статью на покрытие расходов инквизиции, так как считал ее бесполезной. Возможно, поэтому на Венецианскую и Тревизскую области в 1433 г. был назначен один инквизитор.

В 1450 г. Советом Десяти было установлено определенное число вооруженных слуг инквизитора. Сначала их было четыре, но в 1451 г. – двенадцать. То, что столь ограниченное число слуг оказывалось достаточным на обширный и густо населенный округ, показывает, что обязанности инквизитора были весьма ограничены и государство следило за ним; тем не менее продолжали назначать инквизиторов, хотя они и не могли действовать самостоятельно; в деле о колдуньях 1521 г. даже вмешательство самого Льва X не могло заставить синьорию отказаться от вынесения окончательного решения.

В 1494 г. один инквизитор Мантуи за неимением еретиков направил свою энергию против ссудных касс и всех граждан, заинтересованных в них. Ссудные кассы были основаны для поддержки бедных, находившихся до того во власти у еретиков и евреев.

В Тоскане торжество католичества было полное. В 1304 г. один из монахов в проповеди заявил, что ересь здесь полностью уничтожена; осталось только несколько отдельных еретиков, вынужденных скрываться. Но инквизиция была ценным орудием для римской курии при преследовании ею своих целей, не имевших ничего общего с вопросом о чистоте веры.

Кардинал де Санта Сабина во время своих посещений различных европейских дворов в качестве папского легата собрал большие суммы денег, которые были внесены на имя кардинала в крупный флорентийский банк братьев Аччьяюоли. Принимая деньги, администраторы банка обязались уплатить их, предоставляя решение всякого спора суду папской курии. В 1343 г. на счету кардинала было около двенадцати тысяч флоринов, которые банк не был в состоянии уплатить ему; город переживал торговый и финансовый кризис. Ломбардская война истощила государственное казначейство, и банкротство было общее. 9 октября 1343 г. Климент VI потребовал, чтобы синьория Флоренции заставила Аччьяюоли выдать кардиналу его деньги; при данных обстоятельствах это было невозможно, но курия приказала подвергнуть должников аресту. Инквизитору было приказано вынести приговор, причем ему разрешалось прибегнуть к помощи светской власти и наложить интердикт на город. 23 ноября 1345 г. инквизитор брат Петр ди Аквила приказал высшим сановникам города заключить должников в тюрьму и держать их там до тех пор, пока они не уплатят все полностью, и пригрозил в случае неповиновения отлучением от Церкви и интердиктом. Магистрат ответил, что он готов оказать помощь. У Аччьяюоли взяли все, что могли, и передали брату Петру, поручившись в уплате остальной суммы; но инквизитор хотел сделать весь город ответственным за долги отдельных граждан и нарушил закон Республики, приказав арестовать одного из директоров несостоятельного банка. Трое слуг инквизитора, исполнивших его приказание, были изгнаны согласно закону из города, причем им отрезали правые руки. Несмотря на все это, несостоятельные должники не платили денег. Тогда брат Петр наложил на город интердикт, но местное духовенство и население отказались повиноваться, так как Бонифаций VIII официально запретил прибегать к этой незаконной мере с целью взыскания долгов, и это папское распоряжение не было отменено. Церкви были по-прежнему открыты,

и в них совершались службы, что вызвало новые преследования уже против епископа и священников. Интердикт ставил их вне закона флорентийских купцов. Ввиду этого приоры города 14 июня 1346 г. послали к папе комиссаров, уполномоченных дать от имени Республики обязательство уплатить кардиналу в восьмимесячный срок долги банка в размере семи тысяч флоринов.

28 июня 1347 г. папа приказал снять интердикт, оговорив, что, если деньги не будут уплачены вовремя, интердикт снова войдет в силу. Сумма, подлежащая уплате, была значительна. Доход Флоренции в эту эпоху не превышал трехсот тысяч флоринов, а Флоренция была одним из самых богатых государств Европы. Только одна Франция имела больший доход. Доход Неаполя был меньше, а эти три государства были самыми богатыми во всем христианском мире в XIV в.

В 1346 г. за растрату денег, причитающихся римской курии, делегат папского нунция во Флоренции аббат Николо возбудил дело против инквизитора брата Петра. Синьория тотчас же обвинила его и представила доказательства того, что брат Петр вымогал у некоторых граждан деньги, возбуждая против них ложные преследования по обвинению в ереси. Петр бежал, не желая подвергнуться неприятностям процесса. По истечении законного срока аббат Никколо, имевший полномочие от папы, объявил в 1347 г. брата Петра уклоняющимся от суда и мятежником и отлучил его от Церкви. В то время как Никколо тщетно вызывал Петра на суд, он был назначен 12 февраля 1347 г. епископом С.-Анджели де Ломбарди, а в ответ на отлучение был переведен 29 июня 1348 г. на лучшую кафедру в Тривенто.

Флорентийцы посылали одну за другой просьбы о выборе инквизиторов из числа граждан в надежде, что они будут вести себя скромнее иностранцев; в 1354 г. инквизитором Тосканы был назначен флорентиец. Но этого было, очевидно, недостаточно, и синьория в целях самозащиты обнародовала законы, чтобы сократить злоупотребления инквизиторов. Их обязали ограничить число своих вооруженных слуг шестью. Затем постановили, что ни один гражданин не может быть арестован без согласия подестата, который был обязан арестовывать всякого, указанного ему епископом. Эти мероприятия существенно ограничивали права инквизитора, у него отобрали его особую тюрьму и приказали заключать арестованных в общественную

тюрьму; ему было запрещено накладывать денежные наказания; все осужденные, признанные им еретиками, должны быть сжигаемы. Все возраставшее неповиновение инквизиции выразилось еще в 1340 г. в Сиенне тем, что были приняты законы против некоторых злоупотреблений святого трибунала. Инквизитор обратился с жалобой к Бенедикту XI, который тотчас объявил эти законы недействительными и приказал вычеркнуть их из книги статутов. Еще в 1355 г. Иннокентий VI тщетно потребовал пересмотра статутов Флоренции. В 1372 г. была сделана попытка смещения крайне непопулярного тосканского инквизитора. Но Григорий XI заявил, что он ему полностью доверяет. В 1373 г. инквизитором Тосканы был вновь назначен брат Петр Липпо, занимавший этот пост в 1371 г. Служебная карьера Петра, неоднократно прерывавшаяся, продолжалась, по крайней мере, до 1384 г. Как и его предшественники, он не отступал перед сопротивлением, вызванным в свободных городах Италии процессами инквизиции. Пистойя последовала примеру Флоренции и попыталась оградить своих граждан муниципальными статутами. За это в 1375 г. на нее был наложен интердикт, и ее жители были отлучены от Церкви. Брат Петр также жаловался на Флоренцию, которая мешала свободе действий инквизиции. Григорий приказал в том же 1375 г. синьории отменить статуты, противоречащие инквизиции. Флоренция не обратила на этот указ никакого внимания; городские жители разрушили инквизиторскую тюрьму и изгнали инквизитора из города. В ответ Григорий 31 марта 1376 г. не только наложил на город интердикт и отлучил его от Церкви, но исключил также граждан из числа христиан; имущество их, где бы оно ни было, подлежало конфискации, а они сами – отдаче в рабство. По всему христианскому миру хватали флорентийские товары, и купцы могли считать себя счастливыми, если им удавалось добраться домой живыми, питаясь дорогой Христовым именем. Некоторые монархи, подобные должнику флорентийских банкиров – английскому королю Эдуарду III, обратили их в рабство. Флоренция была вынуждена смириться. В силу условий мирного договора, заключенного с папой 28 июля 1378 г., Республика соглашалась отменить все законы, ограничивавшие власть инквизиции и стеснявшие свободу Церкви. Но запрещенное законодательство почти целиком вошло в кодекс, пересмотренный в 1415 г., во время Великого Раскола.

Во время Великого Раскола в Центральной Италии служители папского престола не имели никакой власти, чтобы заставить повиноваться, хотя Пизанская инквизиция, ободренная собравшимся в этом городе в 1409 г. собором приговорила одного человека к костру за постоянные открытые хулы и оскорбления святого трибунала. Когда на Констанцском соборе был положен конец Расколу, Мартин V в булле от 14 ноября 1418 г. заявляет, что еретики-фратичелли, когда инквизиторы пытаются применить к ним свою власть, требуют суда какого-нибудь светского сеньора, грозят своим преследователям, так что инквизиторы не смеют более исполнять своих обязанностей. Для устранения этого зла Мартин стал заменять официальных инквизиторов лицами, специально уполномоченными, например, в 1424 г. Мартин послал во Флоренцию профессора богословия и одного доминиканца судить трех фратичелли.

В Риме, когда появился настоящий ересиарх, не оказалось инквизиции, которая могла бы вести дело. В процессе Лютера не видно участия инквизиции. В булле от 15 июня 1520 г. не говорится ни слова о том, что учение Лютера было рассмотрено святым трибуналом; когда 21 июня 1521 г. это учение было публично осуждено, то церемонию совершал епископ Асколи; приговор, осуждавший на сожжение изображения и книги еретика, был произнесен профессором богословского коллегіума. Это было, возможно, самое важное из всех аутодафе, но инквизиция не приняла в нем участия.

В Неаполитанском королевстве инквизиция влачила печальное существование. Из грамот короля Роберта от 1334 и 1335 гг. и Иоанны от 1342 и 1343 гг. видно, что назначение инквизиторов еще продолжалось. Но никто из них не мог произвести более пятидесяти арестов, и приговоры объявлялись королевскими судами. У инквизиторов не было тюрем, и арестованные передавались королевским чиновникам, которые, по требованию святого трибунала подвергали их пытке. Деятельность инквизиции была главным образом направлена против евреев; впрочем, эта деятельность была слабая, так как в 1344 г. Климент VI приказывает своему легату в Неаполе строго карать всех евреев-вероотступников, как будто в этом городе не было инквизиции. Когда началось преследование фратичелли, Урбан V послал в Неаполь в 1368 г. специального инквизитора. Юрисдикция его простиралась и на Сицилию. Однако Григорий IX в 1372 г. приказал

положить там конец этой ереси прелатам, как будто не было инквизитора. Но уже в 1373 г. Фридрих III приказал всем королевским чиновникам оказывать содействие инквизитору и его служителям. В 1375 г. Григорий потребовал у короля выдачи конфискованных имуществ на уничтожение ереси. Королевские грамоты 1415-1446 гг. показывают, что инквизиция продолжала еще существовать, но все приговоры должны были передаваться вице-королю, который раньше, чем утвердить арест, должен был представить дело королевскому судье.

Однако существовало еще некоторое подобие инквизиции: в следующем, 1428 г., Мартин V утвердил полномочия монаха, назначенного инквизитором в Беневент, Бари и Капитанате. Те немногие жизненные силы, которые остались у инквизиции, были еще более ослаблены в 1442 г., когда корона Неаполя перешла к Арагонскому дому. Арагонские короли редко допускали инквизиторов; когда же они разрешали святому трибуналу действовать, то всегда требовали, чтобы инквизиторы давали им подробные отчеты обо всяком своем шаге и чтобы решение выносилось совместно с гражданскими судьями и утверждалось королем.

В Сицилии инквизиция возродилась в 1451 г. с новой силой. Инквизитор Палермо сделал подлог, составив подробный указ от имени давно умершего императора Фридриха II. Этот акт, помеченный 1224 г., приказывал всем своим сицилийским подданным оказывать помощь и поддержку инквизиторам и предписывал конфискации, которые распределялись равномерно между фиском, инквизицией и Святым Престолом. Кроме того, евреи и неверные обязывались доставлять раз в год инквизиторам и их слугам все необходимое для содержания людей и вьючных животных. Подложность этого документа бросалась в глаза, не говоря уже о крупной ошибке в годе царствования, которым он был помечен; но Энрико удалось получить от короля Альфонса подтверждение этого документа, который был вторично подтвержден в 1477 г. Фердинандом Католиком и Изабеллой. Права, предоставляемые инквизитору, были очень широки и давали инквизиции полную силу, хотя приговоры ее и подлежали по-старому утверждению светской власти.

Основывая новую испанскую инквизицию, Фердинанд Католик получил для своего великого инквизитора право назначать делегатов во все страны, зависевшие от Кастилии и Арагона. Такой делегат был

послан в Сицилию около 1487 г.; 18 августа того же года состоялось первое аутодафе, на котором была сожжена еретичка, бежавшая в Сицилию из Арагона. Затем идет период борьбы между папской инквизицией и инквизицией испанской, которую Фердинанд старался установить на острове под своим контролем. В конце XV в. Фердинанд насадил в Сицилии вполне испанскую инквизицию. Когда в 1503 г. Гонзалво де Кордова вел переговоры о передаче Неаполя Фердинанду, то одним из условий было, чтобы в городе не вводилась испанская инквизиция, уже получившая печальную известность. Условие было принято. Но Фердинанд, получив королевство тайными указами от 30 июня 1504 г. вопреки всем условиям договора, распространил на Неаполь юрисдикцию сицилийской инквизиции, предписав Гонзалво и всем королевским чиновникам оказывать ей поддержку и следить за тем, чтобы ни один подозрительный не мог уйти из королевства. Королевские указы побуждали доминиканских инквизиторов действовать энергичнее; происходили аресты и аутодафе. В 1510г. Фердинанд подумал, что население уже достаточно привыкло подчиняться желаниям короны, и один испанец был послан в качестве инквизитора. В ответ все королевство выразило готовность встать на защиту своих прав. Под давлением этих обстоятельств вице-король объявил, что проект введения испанской инквизиции оставлен. Доминиканская инквизиция продолжала действовать до 1547 г., пока более энергичная попытка ввести испанскую инквизицию с целью уничтожения протестантизма не вызвала беспорядков.

Глава 5. СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ

Истинный очаг ереси катаров находился к востоку от Адриатического моря, в славянских землях.

В землях к югу от Венгрии Рим упорно в течение столетий боролся с еретиками.

Обширные области, лежавшие к востоку от Адриатического моря, только теоретически находились в духовной зависимости от Рима. Население, покоренное в конце IX в. мадьярами и постоянно стремившееся свергнуть их иго, было христианским только по имени, притом не католическим. Несмотря на запрещение Григория VII, богослужebным языком был славянский, и к католическим обрядам относились с ненавистью как к символу рабства. Несколько прелатов, священников и монахов, не знавших языка и обычаев враждебного населения, благодаря своей распущенной жизни не могли приобрести нравственного влияния. При таких условиях катаризм мог развиваться беспрепятственно. Если опустошительные войны мадьяр именовались крестовыми походами для уничтожения ереси, то ересь могла отождествлять себя с патриотизмом. На всем протяжении от Дуная до Македонии и от Адриатического моря до Черного, катарская Церковь имела прекрасную организацию, была разделена на епархии, имевшие своих епископов, и энергично занималась обращением. Наиболее цветущей из этих провинций являлась Босния, в которой в конце XII в. насчитывали до десяти тысяч горячих последователей ереси. Катарами были даже сам бан Кулин, правивший Боснией в качестве вассала Венгрии, его жена и вся его семья.

Первое столкновение с ересью произошло в конце XII в., когда архиепископ Спалатро по приказанию Иннокентия изгнал из Спалатро и Триеста большое число катаров; они нашли себе убежище в Боснии у бана Кулина. В 1199 г. король Далмации Вукан, претендовавший на Боснию, советовал Иннокентию приказать королю Венгрии Эмерику изгнать из нее еретиков. Иннокентий приказал Эмерику очистить свои земли от ереси и конфисковать имущество еретиков. Но Кулин упредил Эмерика и напал первым на мадьяр. В то же время он старался заключить мир с Римом, утверждая, что обвинение его подданных в ереси ложно; он послал нескольких из них с двумя своими епископами

к Иннокентию, чтобы тот мог лично убедиться в их правоверии, и просил папу прислать двух легатов для расследования этого вопроса на месте. Папа послал в 1202 г. в Боснию своего капеллана и архиепископа Спалатро, приказав им, если они найдут там еретиков, то будь это сам бан, преследовать их согласно канонам. Вернувшись в 1203 г., капеллан вручил Иннокентию обязательство катаров принять католичество и советовал папе основать в землях бана три или четыре новых епископии. Король Эмерик свидетельствовал папе об обращении еретиков в католичество. Сын Кулина также явился к Эмерику и обязался уплатить тысячу марок в случае дальнейшего покровительства еретикам. В 1203 г. болгарский император Кало-Иоанн обратился к Иннокентию с просьбой прислать кардиналов короновать его и выразил полное повиновение Святому Престолу.

Но вынужденные обращения славян оказались непродолжительными. Архиепископ Рагузы, Аррингер, считавшийся митрополитом всей страны, назначил на вакантную кафедру одного катара; сам он скоро умер, а его епархия превратилась в гнездо ереси. Немногочисленные католические священники страны покинули свои приходы, и католичество почти совершенно исчезло. В 1221 г., говорят, во всей Боснии не было ни одного католического проповедника. Коронованный легатом, прибывшим из Рима, Кало-Иоанн вскоре поссорился с латинскими императорами Константинополя и порвал с Римом; катары получили полную свободу и в Болгарии.

В 1221 г. Гонорий III послал в качестве легата в Венгрию своего капеллана, чтобы заставить короля и прелатов уничтожить ересь. Легат безуспешно приказал всем далматинцам и хорватам принять участие в крестовом походе. Архиепископ Калочи Уголин, который желал увеличить свою провинцию, предложил Андрею II Венгерскому предпринять за его счет крестовый поход. Король и папа обещали отдать ему все земли, которые он очистит от еретиков. Уголин нанял за двести серебряных марок правителя Сирмии, князя Иоанна, который не сдержал обещания изгнать еретиков, несмотря на напоминание Гонория III в 1227 г. Тем временем боснийцы сместили своего бана Стефана и выбрали на его место катара Нинослава, который правил страной с 1232 по 1250 г. и оставил по себе память как о наиболее выдающемся историческом лице Боснии.

Для борьбы с ересью папа Григорий IX направил в Боснию нищенствующие ордены. Уже с 1221 г. доминиканский орден начал основывать в Венгрии монастыри. Инквизиция в Венгрии была основана св. Гиацинтом, одним из первых членов ордена, умершим в 1257 г. И уже скоро с брата Николая живого содрали кожу, а брата Иоанна еретики забили до смерти камнями. Под 1233 г. упоминается об убийстве девяноста доминиканцев у куман, а еще раньше этого тридцать два монаха были потоплены боснийцами-еретиками.

В 1232 г. Григорий приказал своему легату в Венгрии обратить боснийцев. Король Андрей отдал банство своему сыну Коломану, герцогу Кроации (Хорватии) и Далмации, приказав ему помогать обращению еретиков. В то время даже сам католический епископ Боснии был заражен ересью и в свое оправдание ссылался на то, что по невежеству считал катаров католиками. Рагузанский архиепископ знал об этом, но не обращал на это внимания; поэтому легат присоединил Боснию к архиепископии Калочи. Но более важным было обращение Нинослава, который отрекся от катаризма, чтобы примириться с Коломаном, разорвавшим его владения. Многие из его вельмож последовали его примеру. Один из его родственников, Убан Приезда, дал даже своего сына в заложники доминиканцам, как ручательство в искренности своего обращения. В 1233 г. папа Григорий велел вернуть ребенка отцу, принял Боснию под особое покровительство Святого Престола и приказал Коломану защищать Нинослава от враждебных ему еретиков. Он устранил от должности епископа-еретика. Епископом всей Боснии был назначен доминиканец.

Однако в 1234 г. Григорий снова утверждал, что ересь беспрерывно растет, и Босния обращается «в пустыню для веры». Условившись с королем Андреем, папа приказал начать крестовый поход, обещая участникам прощение грехов. В конце 1234 г. Коломан залил Боснию кровью и огнем. Нинослав вновь предался катарам.

В 1235 г. крестоносцы терпели неудачи. Но 1236 г. стал для них более благоприятным. Бела IV сменил Андрея на венгерском престоле и клятвенно обещал легату уничтожить еретиков во всех землях, зависимых от Венгрии. Сын бана Стефана Себислав, желая вернуть себе родовое наследие, энергично помогал крестоносцам. Григорий называл его «лилией среди терний» и единственным католиком среди боснийских вождей еретиков. Наконец, в 1237 г. Коломан одержал

победу; но несмотря на все его последующие усилия, ему не удалось уничтожить ересь. По ходатайству Коломана Григорий посвятил епископом в Боснию доминиканца, а немного позднее назначил его на три года легатом и поручил уничтожение остатков ереси. Папа в то же время обещал покровительство Св. Престола всякому, кто поднимет крест на ее уничтожение. Около конца 1239 г. ересь, казалось, была уничтожена. Но едва Коломан и крестоносцы покинули страну, как все дело их потерпело крах, и ересь стала столь же сильна, как и прежде.

Болгарский князь Асан перешел на сторону греков; поэтому все население Болгарии было объявлено еретическим и схизматическим, и Беле было предложено предпринять против этого князя крестовый поход. Это затруднение венгерского короля дало катарам Боснии возможность некоторое время жить спокойно. Спасло их от преследования вторжение татар в Венгрию в 1241 г., обратившее ее в пустыню: венгерская армия была уничтожена, король Бела с большим трудом спасся бегством, а сын его Коломан был убит. Однако в 1244 г. Бела снова захватил Боснию. Нинослав, снова ставший баном еще в 1240 г., заключил мир, и еретики подвергались преследованию вплоть до 1246 г.; когда же Венгрия начала войну с Австрией, то боснийцы поднялись и снова их вождем стал Нинослав.

В 1247 г. Иннокентий IV в одном документе упоминает, что для уничтожения ереси католики опустошили большую часть области, тысячи еретиков были уведены в плен, кровь лилась потоком. Иннокентий IV приказал Беле предпринять решительную борьбу против катар. Но Нинослав подал папе жалобу, в которой протестовал против подчинения его Церкви. Он писал, что после обращения прибегал к помощи еретиков только для сохранения независимости банства. Иннокентий IV внял жалобе и предписал епископу Калочи воздержаться от всякого нового преследования, он приказал произвести расследование о вере и поступках Нинослава и разрешил употребление глаголического письма и богослужение на славянском языке, думая этими поступками устранить одно из препятствий к распространению католичества. После смерти Нинослава, около 1250 г., вспыхнули гражданские войны, вызванные враждой между катарами и католиками. Преемником Нинослава был Приезда, обратившийся в 1233 г. и оставшийся с этого времени верным католичеству. Под предлогом поддержать Приезду Бела в 1254 г. снова подчинил себе Боснию. Хотя

царствование Белы продолжалось до 1270 г., все его попытки уничтожить ересь кончились ничем.

Положение еще более осложнилось в 1272 г., когда на престол вступил внук Белы, Владислав IV Кумана (его мать, Елизавета, происходила из половцев-куман). Свое презрение к Святому Престолу он выразил тем, что приказал магистратам Буды не впускать в город ни одного прелата, сорвал созданный здесь легатом собор; легату пришлось удалиться. Рудольф Габсбургский и Карл Анжуйский в 1280 г. заставили Владислава принести повинную, принять и опубликовать папские статуты против ереси и принести клятву в том, что он энергично будет преследовать ересь. То же должна была сделать и мать его Елизавета. Большой успех папства стал еще заметнее в 1282 г., когда Владислав назначил правителем Боснии своего зятя, изгнанного сербского короля Стефана Драгутина. Драгутин, хотя и принадлежал к греческой Церкви, энергично преследовал катаров, а около 1290 г. сам перешел в католичество. Он послал в Рим епископа просить помощи для искоренения ереси. Николай IV в ответ послал к венгерскому королю Андрею III легата для проповеди крестового похода и просил императора Рудольфа оказывать свое содействие. Папа приказал послать в Боснию двух монахов-францисканцев, знающих местный язык, проповедовать против еретиков. Эти миссионеры были одновременно и инквизиторами. В 1299 г. папа уполномочил градского архиепископа преследовать катаров. Двух инквизиторов должны были направить доминиканцы или францисканцы. В 1314 г., когда умер Стефан Драгутин, Босния была завоевана сыном бана Хорватии, Младеном Шубичем, и стала вполне независимой от Венгрии. Так как большинство подданных были катары, в поддержке которых он нуждался, серьезных попыток преследования еретиков не предпринималось. В Боснии не было католических священников, таинства не соблюдались; никто не причащался и во многих местностях не знали даже таинства крещения или понимали его неверно. Папа Иоанн XXII пытался в 1319 г. склонить Младена уничтожить катаризм, так как сам не располагал никакими средствами для водворения там католичества.

В 1323 г. Иоанн XXII сделал новую попытку одолеть ересь, послал инквизитора-францисканца и приказал королю Венгрии Карлу-Роберту и новому правителю Боснии Стефану Костроманичу поддержать его.

Из-за раздоров францисканцев и доминиканцев инквизитор-францисканец только в 1330 г., поддерживаемый Карлом-Робертом и Стефаном, начал истребление катаров. Однако даже Далмация все еще оставалась полна еретиков. В 1335 г. папа Бенедикт XII приказал архиепископу Зары и епископам Трогиры и Цегны уничтожить еретиков и оказывать инквизиторам деятельную поддержку. Прелатам Далмации удалось добиться от магистратов Спалатро и Трогиры обнародования законов против ереси. Инквизиция существовала уже целый год, и, несмотря на это, преследование совершенно не было известно на берегах Адриатического моря, где катары множились под покровительством Стефана и его вельмож. Но в 1337 г. смертельный враг Стефана, граф Хорватии Нелинич, предложил свои услуги Бенедикту, который призвал всех баронов Хорватии стать под знамя графа и инквизитора. Между Боснией и Хорватией вспыхнула война. Положение Стефана стало опасным. На востоке Стефан Душан Великий, именовавший себя императором Сербии, Греции и Болгарии, был настроен враждебно ему после присоединения Герцеговины к Боснии. На севере Карл-Роберт готовился к войне. Правда, венецианцы, желая лишить Венгрию ее владений по Адриатическому морю, были готовы соединиться со Стефаном. Но Стефан счел за лучшее покориться. В 1339 г. Стефан объявил папскому легату в Венгрии, что он не против уничтожения катаров, но боится, что еретики в случае преследования признают Стефана Душана своим государем. Стефан готов начать преследования, если его поддержат папа и венгерский король. В 1340 г. Бенедикт обещал ему помощь всего католического мира и убедил его обратиться; многие вельможи последовали примеру бана. Легат послал в Боснию миссионеров и инквизиторов. Стефан честно сдержал свои обещания, и католическая Церковь начала возрождаться. В 1344 г. по просьбе Климента VI Стефан согласился в 1345 г. на возвращение епископа Макарска Валентина, лет двадцать тому назад изгнанного из своей епархии. В следующем году была основана в Дувно третья епископская кафедра. Тем не менее, когда в 1350 г. Душан Великий завоевал Боснию, многие из вельмож-катаров присоединились к нему.

Но в 1351 г. два Стефана заключили мир, а в 1353 г., незадолго до своей смерти, Стефан выдал свою единственную дочь Елизавету за короля-католика Людовика Венгерского, наследовавшего своему отцу

Карлу-Роберту. Наследником Стефана Костроманича был его малолетний племянник Стефан Твертко, а регентшей стала мать, молодого бана Елена. При таких условиях недовольные и буйные вельможи-катары подняли волнения; этим воспользовался Людовик Венгерский, когда в 1355 г. смерть Душана Великого освободила его от опасного соперника. В 1350 г. доминиканцы получили от Иннокентия VI подтверждение грамот, которыми в 1327 г. Иоанн XXII уполномочивал их проповедовать крестовый поход против еретиков. Людовик захватил Герцеговину, как наследство своей жены Елизаветы, а затем низвел Стефана Твертко до роли вассала и заставил его принести присягу, что он уничтожит катаров. В 1360 г. Иннокентий VI предоставил епископу Боснии все права папского инквизитора и приказал поднять новый крестовый поход, который послужил для Людовика поводом к новому вторжению. Но в 1365 г. катары, выведенные из себя стараниями Твертко уничтожить их, изгнали из Боснии бана и его мать. Людовик дал изгнаннику войско. После упорной борьбы Твертко вернул себе власть, а его брат, Стефан Вук, стоявший на стороне мятежников, бежал в Рагузу и перешел в католичество. Позднее в 1368 г. этот же самый Вук просил покровительства у Урбана V, утверждая, что брат-еретик лишил его наследства за то, что он преследовал еретиков. Папа просил Людовика поддержать католика Вука и заставить Твертко отказаться от заблуждений. В 1368 г. Людовик Венгерский оружием при помощи монахов вернул в лоно Церкви тысячи еретиков и схизматиков. Но сам Людовик признал в 1372 г., что католицизм упрочился только в немногих местностях; в других местностях он существовал рядом с катаризмом, но большинство жителей были катары. Боснийцы упорно держались своей веры. Твертко подчинил себе большую часть Сербии, Хорватию и Далмацию, в 1376 г. принял титул короля. Он умер в 1391 г., и вельможи стали вполне независимыми при таких бессильных королях, как малолетней сын покойного Стефан Дабиша, а затем Стефан Остоя. Воевода Хрвое Вукшич, правивший северной частью Боснии, и его родственник Сандаль Гранич, повелитель южной части, оба были еретиками; король Стефан Остоя и вся его семья также исповедовали еретическую религию. Катаризм сделался государственной религией. Во главе еретиков стояли Дед и двенадцать Учителей; первый из них. Гость, обыкновенно был представителем и

преемником Деда, порой назывался Старцем. Эти лица считались сановниками государства и иногда выступали в качестве официальных представителей власти; так, например, в 1404 г. Дед Радомир послал в Рагузу уполномоченных привести изгнанного воеводу Павла Клесича, катара; многие другие катары, также изгнанные, жили в Рагузе: даже на Адриатическом побережье преследование уже прекратилось. Несмотря на катаризм Хрвоя Вукшича, Владислав Неапольский назначил его герцогом Спалатро и повелителем нескольких далматских островов; благодаря этому катаризм стал господствовать на всем побережье. Во время беспорядков, вызвавших низложение Стефана Остои и избрание Стефана Твертко II, в 1404 г. состоялось «Собрание боснийских вельмож»; среди членов этого собрания упоминаются Дед и несколько Учителей, но не упоминается ни об одном католическом епископе. Отныне в Боснии установилась веротерпимость.

Во время Великого Раскола не было попыток разоблачить миссионерскую деятельность катаров до тех пор, пока император Сигизмунд в качестве короля Венгрии не предъявил своих прав на Боснию. Две армии, посланные в 1405 г., потерпели поражение. Но в 1407 г. Григорий XII издал буллу, призывавшую весь христианский мир к крестовому походу против турок, ариан и манихеев (катаров). С его благословения император вступил в Боснию во главе шестидесяти тысяч венгров и поляков, разбил и взял в плен Твертко II и вернул Хорватию и Далмацию; но боснийцы продолжали упорствовать и восстановили на престоле Стефана Остою. Другой поход был предпринят в 1410-1411 гг. Остоя был отброшен к югу, и Сигизмунд на короткое время стал повелителем Боснии. Но когда в 1415 г. он освободил Твертко II и послал его царствовать в Боснию, вспыхнула междоусобная война. Твертко, которого поддерживала огромная венгерская армия, сначала имел перевес, но затем Остоя призвал на помощь турок, и в решающем сражении венгры были разбиты. Турки проникли в Штирию, всюду опустошая и грабя, и вернулись домой, ведя тысячи христианских пленников.

Таким образом, в это и без того сложное дело вмешался новый фактор. В 1389 г. победа на Косовом поле отдала в руки турок весь Балканский полуостров. С этого времени мусульмане безостановочно прокладывали себе дорогу вглубь страны. В 1392 г. они впервые вторглись в Южную Боснию и с этого времени уже постоянно

вмешивались в дела Баната. В стране происходили постоянные междоусобные войны, и не было королевской власти, способной поддержать порядок; вельможи вечно ссорились между собою и приглашали неверных себе на помощь, приносили им присягу на верность и подкупали их, чтобы помешать им стать на сторону противника. Подобные нравы были свойственны и католикам, и православным, и катарам. Сознание постоянно грозившей опасности не могло заставить их прекратить эти вечные раздоры; они привлекали турок, лишь бы на время стать выше других; может удивлять только то, что турецкое завоевание так медленно подвигалось вперед. Несомненно, соединенные силы христиан могли бы остановить движение ислама. Но, во всяком случае, господство неверных было лучше полной анархии, место которой оно мало-помалу занимало. Сельскому населению турки до известной степени приносили облегчение. Когда в 1461 г. Стефан Томашевич вступил на престол, то он писал папе Пию II, что турки привлекают крестьян на свою сторону кротким обращением и обещанием свободы, и добавлял при этом, что вельможи, оставленные своими рабами, не могут больше защищать своих замков.

В отношении катаров турецкое нашествие имело два противоположных действия. С одной стороны, преследование заставляло еретиков искать защиты у неверных; с другой стороны, страна безусловно нуждалась в помощи христианского мира, а получить ее она могла, только подчинившись Риму и выполнив приказ пап, требовавших уничтожения еретиков. Эти два условия вызвали гибель Боснии. Когда там царила веротерпимость, то католической мир отказывал ей в своей помощи; когда же из политических соображений там начинали преследование, то катары становились на сторону неверных и помогали покорению государства.

В 1424 г. сыновья Остои попытались с помощью турок вернуть отцовский престол. Единственным результатом этой попытки была война, окончившаяся подчинением части Боснии Мураду II. В другой раз, в 1433 г., когда Твертко II боролся на востоке против сербского деспота Юрия Бранковича, он неожиданно должен был на юге остановить турецкое нашествие, вызванное Радивоем, одним из сыновей Остои. Вскоре после этого поднялся могущественный герцеговинский вельможа Сандаль Гранич и заставил Твертко II бежать

к Сигизмунду. Во время трехлетнего отсутствия бана в Боснии происходили страшные волнения, в которые постоянно вмешивались турки, призываемые то одной, то другой партией.

В это же время была сделана попытка присоединить Боснию к истинной вере. В 1432 г. в Славонию с неограниченными полномочиями для проведения там реформы францисканского ордена и для обращения братьев к миссионерской деятельности был послан обсервантинский монах Джакомо делла Марка, бывший до того инквизитором среди итальянских фратичелли. Ему удалось провести многочисленные обращения от Боснии до Валахии. Но в 1434 г. Джакомо был изгнан доминиканцами; посланный снова в следующем году он проявил удвоенную энергию в своей деятельности, увенчавшейся огромными успехами. Но инквизитор поссорился с белым духовенством, завидовавшим ему, и, отлученный им от Церкви, должен был просить у папы снятия отлучения. Его блестящая деятельность была прервана императором Сигизмундом, вызвавшим его к себе на помощь против гуситов. Но он не забывал о своих противниках в Боснии: «Несомненно, – говорил он, – король Стефан – еретик, который, не получив сам крещения, не позволяет крестить и своих подданных, между тем императорский указ (Сигизмунда) заставит его уступить». Джакомо удалось добиться, что Сигизмунд заставил Твртко II принять крещение и в январе 1346 г. издать указ, ставивший францисканцев под покровительство короля и предоставлявший им право распространять католичество по всей Боснии. Взамен этого Сигизмунд помог Твртко вступить в его королевство, разделенное в то время между Сербией и Турцией и совершенно опустошенное. Твртко должен был ежегодно платить Мураду II двадцать пять тысяч дукатов дани. Как ни было слабо это подобие королевства, однако оно отказалось оказать католической Церкви обещанное покровительство. В это время Южная Босния была независима под владычеством Стефана Вукшича, племянника и наследника Сандаля; на него, как на катара, вся Босния смотрела как на защитника веры. Вступив в союз с Мурадом II, он снова лишил Твртко престола.

В 1444 г. был избран новый король, Стефан Томаш Остоя. Одним из первых вопросов, потребовавших от короля разрешения, был вопрос – стать ли ему на сторону ереси или католичества. Церковь продолжала

стараться обратить в католичество раздробленные остатки Боснии, не думая о том, что, увеличивая таким путем беспорядки и междоусобия, она действовала в интересах турок. Вступление нового короля требовало со стороны Церкви новых усилий. Папа Евгений немедленно дал викарному генералу францисканцев-обсерватинов Боснии, Фабиану де Бач, и его преемникам титул пожизненных инквизиторов в славянских землях. Он поручил лесинскому епископу обещать Стефану Томашу признание его избрания, если он согласится перейти в католичество. Положение Стефана было затруднительное. Все его вельможи, за исключением Петра Войшалича, были катарами; оскорбить их значило вызвать турецкое вмешательство; не принять католичества значило потерять всякую надежду на возможность помощи с запада. В конце концов он решил перейти на сторону католичества; но, боясь возбудить недовольство своих подданных катаров, отказался от короны, предложенной папой. Он разрешил устройство двух новых епископий, принял крещение и старался убедить своих подданных последовать своему примеру. Почти все вельможи обратились. Одним из наиболее упрямых был Стефан Вукшич, а также и масса населения нелегко поддавалась убеждению. Сам король не решался запрещать совершенным еретикам исповедовать их веру, что заставило инквизитора отлучить его от Церкви; но папа знал, как трудно было положение короля, и разрешил ему сохранять сношения с еретиками. Несмотря на то, что было выстроено много католических церквей, страна оставалась еретической. Будучи в Риме, легат заявил, что единственным средством против ереси был меч.

Положение короля было чересчур непрочное, так что он не мог начать преследования, которое неизбежно вызвало бы мятеж. Давая в 1446 г. несколько городов Павлу Драгишичу и его братьям, которые все были убежденными катарами, король должен был сделать оговорку, что, в случае измены, этот дар будет отнят у них только после расследования, произведенного «господином Дедом, боснийской Церковью и добрыми боснийцами». Францисканцы жаловались папе Николаю V на равнодушное отношение короля к ереси, но король говорил, что настанет день, когда он предложит своим подданным обращение или смерть, но в настоящее время его положение очень непрочное, так как еретики многочисленны и могущественны. Николай успокоил нетерпеливых францисканцев.

В 1448 г. был разбит после трехдневной битвы Ян Гуниади (Янош Хуньяди) на знаменитом Косовом поле. В 1449 г. он заключил с Мурадом II мир, длившийся семь лет. Босния была включена в мирный договор, а затем его подписала и Сербия. Избавленному теперь от опасности иноземного вторжения Стефану Томашу было предложено торжественно в присутствии представителей папы обещать Яну Гуниади окончательно уничтожить ересь. Николай V приказал лесинскому епископу – легату в Боснии проповедовать крестовый поход. В начале 1451 г. лесинский епископ сообщал, что много вельмож выразило желание обратиться; король помогал францисканцам, которым дал много монастырей. Но один доминиканец из Рагузы утверждал, что в Боснии и Сербии так мало монахов и священников что население совершенно не знает Истинной веры. Николай послал этого доминиканца и несколько других его братьев миссионерами в Боснию в то самое время, когда отправлял в Албанию, Болгарию и Сербию францисканца с двойным титулом нунция и инквизитора.

Лишь только инквизиторы начали преследование, сорок вождей катарской Церкви со множеством людей бежали к Стесрану Вукшичу, который начал помышлять о нападении на католиков Рагузы; много других еретиков бежало в Сербию и к туркам, которых они умоляли о помощи, а оставшиеся дома готовились к упорному сопротивлению. Вспыхнула кровопролитная религиозная война, и Юрий Бранкович воспользовался обстоятельствами, чтобы возобновить войну, прерванную в 1449 г. Стефан Томаш должен был отказаться от преследования и просить помощи. Раздраженный слабостью Стефана, Ян Гуниади приказал ему заключить мир с Сербией. Гуниади обвинял Стефана в том, что он не держит слова и вместо того, чтобы уничтожить еретиков,, к великому соблазну христиан оказывает им поддержку.

Когда в мае 1453 г. Константинополь перешел в руки турок, Стефан Томаш поспешил послать посольство к Мухаммеду II с изъявлением покорности. Ввиду все более и более грозившего вторжения турок невозможно было вести преследования; тем не менее папы дали Стефану Томашу часть денег, собранных на крестовый поход. Катары были унижены и наказаны, насколько это было возможно при данных обстоятельствах; вскоре они образовали в стране опасную партию недовольных. В 1459 г. король подтверждает Пию II, что он

энергично преследует еретиков, и просит прислать новых епископов. Одним из последних актов его царствования была отправка к папе епископа Ноны с тремя вельможами катарами – Юрием Кучиничем, Стойсавом Твртковичем и Радованом Виенценичем, выразившими желание обратиться. В 1461г., во время войны с хорватскими вельможами, Стефан был убит своим сыном Стефаном Томашевичем и своим братом Радивоем. Это отцеубийство дало Стефану Томашевичу терновую корону. На севере он имел врага в лице Матвея Корвина; на западе вел войну с Хорватией; на юге у него был врагом Стефан Вукшич; на востоке в Сербии, обращенной в турецкий пашалык, Мухаммед II только ждал удобного случая, чтобы подчинить себе и Боснию. Окруженная со всех сторон врагами, страна и внутри была беспокойна; она была полна явных и тайных катаров, исполненных жажды мщениия и готовых позвать на помощь первого встречного. Единственная надежда нового короля была на помощь христианского мира. Чтобы заслужить ее, он деятельно старался укрепить в своих владениях католическую Церковь; но это только ускорило его падение. От Пия II он добился только того, что легату – аббату из Спалатро были даны инструкции собирать деньги и набирать крестоносцев. Он заключил союз с Матвеем Корвином, уплатив ему крупную сумму денег, отдал ему несколько замков, порвал все отношения с турками и прекратил уплату дани Мухаммеду II. Всеми этими поступками он отдалил от себя своих подданных катаров и навлек на себя гнев султана. Много изгнанных из Боснии катаров нашли убежище в землях, занятых мусульманами; другие, особенно вельможи, вынужденные притворяться обращенными, поддерживали постоянные сношения с турками, сообщали им все, что делалось, и готовы были во всякое время оказать им помощь. О заключении договора с Матвеем Корвином было немедленно сообщено Мухаммеду, который, чтобы проверить это известие, отправил посла потребовать дани. Король Стефан свел турецкого посла в свое казнохранилище, показал ему деньги и заявил, что не желает платить требуемой с него суммы, потому что она нужна ему для защиты против врагов или для жизни в изгнании, если судьба лишит его королевства.

В течение 1462 г. разгневанный Мухаммед был поглощен делами в Валахии и отложил мщениие до будущего года. Рим не понимал опасности положения и продолжал неизменно настаивать на своем

желании ввести единую веру. Во время этой короткой передышки Пий II послал в Боснию ученых монахов, которым как на лучшее средство уничтожения ереси указал на подъем образования. Мухаммед за зиму и весну 1463 г. собрал в Андрианополе сто пятьдесят тысяч человек. Чтобы усыпить бдительность Стефана, он согласился на перемирие с ним на пятнадцать лет; когда послы Стефана возвращались с известием, за ними в четырех днях пути шла турецкая армия. Турки нигде не встретили сопротивления, пока не дошли до хорошо укрепленного королевского замка в Бобовце, способного выдержать продолжительную осаду; но начальник замка, граф Радак, катар, которого некогда принудили перейти в католичество, сдался через три дня; когда изменник потребовал себе вознаграждения, то Мухаммед упрекнул его в вероломстве и приказал обезглавить. Сдача Бобовца навела страх на всю страну. Более уже не думали сопротивляться; оставалось выбирать между бегством и подчинением. Король бежал к хорватской границе. Мухаммед-паша следовал за ним по пятам, и Стефану Томашевичу пришлось направиться в Ключ, причем ему обещали сохранить жизнь и свободу; тем не менее он был обезглавлен после того, как дал всем начальникам городов и замков приказ сдаться. В течение недели более семидесяти городов перешли в руки турок, а около середины июля вся Босния находилась в их руках. Тогда Мухаммед направился к югу и захватил земли Стефана Вукшича, но катары мужественно отстояли горы Герцеговины, и в конце июня турецкая армия отступила, уводя с собой сто тысяч пленных и тридцать тысяч молодых людей, обреченных стать янычарами.

Таким образом, без сопротивления была завоевана Босния, покинутая христианским миром, который вмешивался в ее внутреннюю жизнь только для того, чтобы зажечь религиозную борьбу. Герцеговина еще отстаивала свою независимость в течение двадцати лет. Тот факт, что в 1463 г. Матвей Корвин отвоевал большую область, столь легко занятую врагом, показывает, что без большого труда можно было избежать этой катастрофы. Эта область оставалась христианской до 1526 г., когда было сломлено в битве под Могачем могущество Венгрии. В землях, перешедших в руки турок, катары почти все приняли ислам, и секта богомилов, более десяти столетий выдерживавшая упорную борьбу за свое существование, угасла. Христиане искали спасения в бегстве; и их выселение продолжалось

беспрерывно до XVIII в. Но они бежали скорее от притеснения, чем от преследования, так как турки не мешали им свободно исповедовать свою веру. Когда ученик Джакомо делла Марка, блаженный Анджело из Вербозы, убеждал своих единоверцев покинуть страну, Мухаммед призвал его к себе и грозно спросил, почему они хотят уйти. «Мы хотим в другом месте свободно поклоняться Богу!» – ответил Анджело, и он так хорошо показал положение христиан, что Мухаммед запретил притеснять их и даже разрешил Анджело продолжать проповедовать. И с того времени францисканцы оставались там до последнего времени единственными защитниками христианства.

Глава 6. ГЕРМАНИЯ

Около 1209 г. страсбургский епископ Генрих Веринген в результате беглого расследования обнаружил, что Германия полна неверующих. Приступили к розыску, результатом которого был арест пятисот человек, принадлежавших ко всем слоям общества. Генрих устроил богословские диспуты, чтобы обратить своих пленников на путь истины, но его духовенство гораздо хуже знало Священное Писание, чем еретики. Тогда епископ объявил, что все упорствующие в своих заблуждениях, будут сожжены. Еретики выдали свои книги и отреклись; однако около ста из них, в том числе двенадцать священников, двадцать три женщины и много знатных, отказались отречься. Все отрицавшие свое еретичество были подвергнуты старинному испытанию раскаленным железом. В Страсбурге подобное испытание обнаружило виновность восьмидесяти не раскаявшихся еретиков, которые все были сожжены. Имущество осужденных было конфисковано и разделено между магистратами и всеми, кто принимал участие в «разоблачении» еретиков. Документы тех лет упоминают об открытии и наказании еретиков и в других местах Германии. Катары в Германии никогда не основывались прочно и полностью исчезли там. Зато были многочисленны вальденцы и еретики секты «Правильно живущие». Еще в 1199 г. Иннокентий III пытался заставить вальденцев Меца выдать переводы Священного Писания и послал аббата из Сито вместе с двумя другими аббатами обуздать этих еретиков. Аббаты обратились к заблудшим со словом убеждения и сожгли все экземпляры запрещенных книг, какие им удалось захватить; но, по-видимому, тогда не был сожжен ни один еретик. Почти все еретики, сожженные в 1212 г. в Страсбурге, принадлежали к вальденцам. На основании их сочинений и признаний был составлен список из трехсот заблуждений, затем соединенных в семнадцать положений. Они отрицали посвящение в духовный сан и поэтому не признавали celibата священников; отрицая чистилище, они не признавали молитвы и обедни за умерших. Вальденцы гораздо раньше св. Франциска и его учеников возвели в догмат совершенную нищету Иисуса Христа и Его учеников. Среди сожженных в Страсбурге были также правильноживущие. Секта эта, несмотря на небольшое число последователей, является первым

проявлением стремления к свободе мысли. Благодаря своей почти несокрушимой стойкости она явилась одним из самых опасных врагов, против которых пришлось бороться инквизиции. В начале XIII в. учение этой секты было создано парижским схоластиком, магистром Давидом де Динан, его товарищем по кафедре богословия, Амори де Беном, и их учениками, которые тайно распространяли его учение. Почти все они были высоко образованные богословы университета и священники. Это учение производило неотразимое впечатление на людей, склонных к мистической экзальтации.

Учение Амори было осуждено Сорбонной еще в 1204 г., сам он вынужден был отречься и умер в 1207 г. В 1210 г. в секту проник шпион – Рауль де Немур. Ознакомившись хорошо с ересью, он донес обо всем, что знал, светским властям; были произведены аресты, и виновные были осуждены собором епископов. Четверо из вождей были приговорены к пожизненному тюремному заключению, а десять еретиков сожжены. Бедные люди обоего пола, давшие совратить себя, были милостиво прощены. Несколько казней состоялось в других городах. Останки Амори были вырыты и даны собакам, после чего кости его разбросали по полям. Чтение сочинений Амори и де Динана запретили, а изучение естественных наук в Парижском университете прекратили на три года. Сочинения Аристотеля, породившие эту ересь, были публично сожжены.

Народное прозвище сектантов папелярдами показывает, что они внешне проявляли набожность и скрывали свои теории о бесполезности таинств и внешнего культа. Ересь была уничтожена и о ней с этого времени ничего не слышно; однако некоторые наставники поучали ей в Дофинэ, где они смешались с вальденцами.

Парижский университет привлекал со всех концов Европы искателей знания, и среди последователей Амори были иностранцы, распространявшие его учение. Учеником Амори был Ортлиб из Страсбурга. Большой Латеранский собор 1215 г. осудил учение Амори скорее как безумное, чем еретическое.

О первоначальной вере Братьев Свободного Духа, как называли себя ученики Ортлиба, известно мало. Главный документ, освещающий их учение в XIII в., менее касается их принципов, чем последствий отказа признать действительность церковных обрядов. Они утверждали, что несозданный мир вечен, обещали всем вечную жизнь,

отрицая воскресение плоти, и мистически представляли Св. Троицу в трех членах секты. Они предписывали самое строгое воздержание даже в браке, деторождение допускалось только духовное: единственные сыновья, которых следовало иметь, должны быть созданы путем обращения. Человекоубийство, ложь и клятва запрещались. Преследования 1212 г. в Страсбурге не уничтожили учеников Ортлиба, они подверглись в 1216 г. новым преследованиям, распространившимся до швейцарского кантона Тургау. Около середины XIII в. они были очень многочисленны в Швабии, особенно около Нордлингена и Эттингена.

Одно из положений их учения было особенно ненавистно католикам: если Бог являлся Творцом всего, то нельзя из числа Его творений исключать сатану. Некоторые последователи Ортлиба обратили главное внимание на теорию, касающуюся сатаны; их считали особой сектой луцифериан. В их еретическом учении старались, сильно преувеличивая, найти культ сатаны; их подвергали самым диким преследованиям. Впервые это неистовство проявилось в деле Генриха Миннеке, приора женского цистерцианского монастыря в Госларе. В 1222 г. Миннеке был обвинен в некоторых еретических мнениях перед своим епископом, фанатиком Конрадом фон Рейзенбергом из Гильдесгейма. Собрание прелатов, состоявшееся в Госларе, допросило монахинь и признало Миннеке виновным; ему запретили продолжать распространять свое учение. Так как он нарушил это приказание, то епископ Конрад вызвал его к себе и после трех дней допроса присудил его вернуться в свой монастырь. Миннеке проявил непокорность и был заключен в тюрьму. Он обратился к папе Гонорию с требованием справедливого суда. Гонорий в мае 1224 г. приказал епископу Конраду представить узника легату и собранию прелатов для допроса и окончательного решения. Около 1 октября легат созвал в Вардевике епископов Северной Германии; этот трибунал уличил Миннеке в том, что он заставлял монахинь видеть в нем существо выше всех людей, рожденных от женщины; он смягчал строгий цистерцианский устав; в своих проповедях он заявлял, что Св. Дух был отцом Бога Сына и, восхваляя девство, выставял брак грехом; в одном видении он видел сатану, просящего прощение у Бога, и, наконец, он утверждал, что существует небесная жена, стоящая выше Св. Девы и называемая Премудростью. Чтобы окончить это дело, потребовалось еще собрание

в Гильдесгейме 22 октября. Миннеке был назван манихеем и луциферианом; его признали виновным, лишили духовного сана; он был выдан светской власти и сожжен в 1225 г. В постановлении окончательного решения по этому делу принял участие человек, ставший известным всей Германии и представляющий самое полное воплощение безумного фанатизма той эпохи, Конрад Марбургский. Он был простым священником и не принадлежал к нищенствующим орденам, тем не менее доминиканцы признали его украшением своего ордена.

Человек твердого характера и ограниченного ума, Конрад считал физическую и нравственную пытку самым действенным путем к спасению; он высокомерно взял на себя роль бога-мстителя, карающего людей за их слабости и грехи. Вина за причиненное им зло падает на тех, которые хладнокровно выбрали его оружием в своих руках и пустили ослепленного яростью и безумием фанатика на беззащитную массу. Конрад уже давно пользовался громкою известностью. Его блестящее красноречие было способно приводить в движение народные страсти, и поэтому уже в 1214 г. его послали в Германию проповедовать крестовый поход, который был одним из поводов созыва большого Латеранского собора; и с этого времени деятельность его уже не прекращалась. Он принял участие в преследованиях ереси. Его начали называть папским представителем в серьезных делах. В 1220 г. ему было поручено угрозами духовных наказаний склонить императора Фридриха II к выполнению обета совершить крестовый поход в Святую Землю. Конраду было поручено организовать по всей Германии проповедь этого крестового похода.

Григорий 12 июля 1227 г. благодарил Конрада за преследование еретиков, уполномочивал его избрать себе помощников и предпринять с их помощью розыски всех, кого коснулась зараза ереси. Инквизиция была только еще в проекте, но это было полномочие общего инквизитора на всю Германию. Одним из мотивов этого назначения являлось желание поставить папский авторитет на место епископской юрисдикции, которая до этого времени вела местные и спорадические преследования.

Через восемь дней, 20 июня, Конрад получил новый указ, значительно увеличивавший его власть и влияние. Германская Церковь была так же развращена и испорчена, как и соседние, и до этого

времени все попытки исправить ее были безуспешны. Папа поручил Конраду произвести внутреннюю реформу германской Церкви и добиться исполнения канонов, изданных кардиналом-легатом Чинтано на национальном соборе в Майнце в 1225 г. Особенное внимание ему приказывали обратить на реформу монастырей.

Вооруженный этими почти неограниченными полномочиями, Конрад фактически стал первым духовным лицом в Германии. Не сохранилось свидетельств выполнения им своих инквизиторских обязанностей; и единственной реформой, о которой дошло упоминание, было переустройство женского монастыря в Нордгаузене: он изгнал оттуда монахинь, ведущих дурную жизнь. Но преследование нуждалось в его услугах. Император Фридрих был 29 сентября 1227 г. отлучен от Церкви за то, что не отправился в крестовый поход. Это отлучение вызвало конфликт между Церковью и государством, которым воспользовались еретики; повсюду проповедовали их миссионеры. В 1229 г. в Страсбурге снова в течение нескольких лет велось преследование вальденцев: много упорных еретиков было сожжено, более покорные подверглись разным наказаниям. В 1231 г. Григорий занялся устройством более действенной системы и 20 июня послал немецким прелатам римские статуты Аннибальдо и свои эдикты, изданные в том же году. В свою очередь еще 2 июня того же года Вормсский сейм упорядочил конфискации и постановил, что аллодиальные земли и движимость идут наследникам, а феодальные земли – сеньору; движимое имущество рабов переходит их господам; Церковь же и преследователи не принимали участия в дележе. Под давлением Григория епископы начали преследования еретиков более активно. Трирский архиепископ произвел розыск и открыл три еретических школы. Он собрал синод, чтобы судить задержанных им лиц, и послал на костер трех мужчин и одну женщину. Она была крайне благочестива; но, подвергнув ее допросу, выяснили, что она принадлежала к секте луцифериан. Однако результаты не соответствовали желаниям Григория. В октябре 1231 г. он заставлял Конрада приступить к исполнению обязанности инквизитора, хвалил его успехи в уничтожении еретиков. Конраду были предоставлены самые широкие права; он мог даже не выслушивать объяснения, а только произносить окончательное и безапелляционное решение.

Он мог требовать помощи светской власти, мог отлучать от Церкви покровителей ереси и накладывать интердикт на целые провинции. Он должен был подчиняться только декретам Св. Престола. Еретики, которые покаются, должны были получать прощение, но их надлежало подвергать пожизненному тюремному заключению. Много подозрительных людей было арестовано в самом Марбурге – рыцарей, священников и высокопоставленных лиц; одни из них отреклись, другие были сожжены. В 1232 г. поездка в Эрфурт дала Конраду возможность сжечь еще четыре жертвы. Эти результаты не оправдали надежд Григория. Вследствие этого с последних месяцев 1231 г. до конца 1232 г. разные доминиканские конгрегации получали указы, уполномочивавшие их членов приняться за преследования. Договор в Чепрано в 1230 г. установил мир между папством и империей, и Фридрих II в марте 1232 г. обнародовал в Равенне статут ко всем прелатам и сеньорам империи; он повелевал им деятельно помогать уничтожению ереси и брал под особое покровительство нищенствующих, которых папа пошлет для этого дела. Фридрих приказал светским властям преследовать всякого, на кого укажут им инквизиторы, держать арестованных до осуждения в надежных местах, карать смертью всех, кто будет признан еретиками или их соумышленниками, и подвергать пожизненному тюремному заключению всех раскаявшихся и отрекшихся от ереси. Смертной казни подлежали также и рецидивисты; их потомки до второго поколения объявлялись не имеющими права владеть феодальной землей или занимать общественные должности.

Неожиданно в это время выдвинулся доминиканец Конрад Торс, которого считали обращенным еретиком; он без всякого особого полномочия принялся очищать страну от ложных учений. С ним был мирянин Иоанн, который хвастался, что с первого взгляда узнает еретика. Его свидетельства было достаточно для Торса, который переходил из одного города в другой и осуждал без разбору. Народ в возбуждении требовал, чтобы светские власти сжигали несчастных, которых выдавал им монах. Тогда же этот доминиканец заручился поддержкой вельмож, выступая против богатых и возбудив надежду на богатые конфискации, которые могли делить между собою друзья веры. При этом он говорил: «Я сжег бы сто невинных, если бы среди них

нашелся один виновный». Многие доминиканцы и францисканцы присоединились к нему и сделали его ревностными помощниками.

Но и сам Конрад Марбургский вмешался в преследования со всей своей энергией и неумолимой твердостью. Ересь, в которой обвинялись несчастные жертвы этого избиения, была учением не вальденцев, а луцифериан. Конрад дал папе подробное описание их обрядов, подтверждающее ту веру в колдовство, которая в течение столетий вызывала по всей Европе столь страшные жестокости. Инквизиторы и народ смотрели на еретиков как на колдунов. Уже при первом появлении катаров в Орлеане в 1022 г. рассказывали истории об их адских обрядах. Несомненно, что Конраду приходилось слышать тысячи раз эти дикие вымыслы в признаниях несчастных, являвшихся пред его трибуналом. Подлинные протоколы дел о колдовстве в последующие годы настолько многочисленны, что нельзя сомневаться в готовности обвиняемых приписывать себе самые омерзительные и невероятные обряды, чтобы удовлетворить судью, допрашивавшего их и внушавшего им эти ответы. Конрад, правда, не применял пытки, но инквизиционное судопроизводство позволяло ему вырывать признания не хуже, чем это делали его преемники с помощью палачей.

В этих разоблачениях было явное сплетение лжи и большого воображения. Ознакомившись с ересью луцифериан в изложении Конрада, папа Григорий повелел уничтожить их, не щадя ни пола, ни возраста. Если невозможно обратить их, то необходимо эту язву лечить огнем и железом. Конраду было приказано проповедовать крестовый поход против луцифериан, Папа потребовал, чтобы провинциальный епископ, император и король Генрих, сын императора, направили всю свою власть на истребление люцифериан. Неограниченная власть, данная Конраду, позволяла ему просто предоставлять на выбор обвиняемому самому или сознаться в тех преступлениях, в которых его обвиняли и подвергнуться епитимьи, или прямо отправиться на костер. Такое «судопроизводство» подтверждено в официальном донесении доминиканца Бернара и майнцского архиепископа. В распоряжении Конрада не было тюрем, куда он мог бы заключать своих кающихся; осуждение на ношение крестов было ему не известно, и поэтому самой унижительной епитимьей он считал приказание обрить голову кающемуся, у которого, конечно, предварительно вырывали имена всех известных ему последователей секты. Вначале Конрад

поверил праздношатающейся двадцатилетней интриганке, которая поссорилась со своей семьей и решила ложным доносом отомстить. Она добилась, что ее ближние были сожжены. Затем некто Амфрид сознался, что ему удалось сжечь при помощи Конрада много невинных. И подобных ему людей было немало. Утверждали даже, что некоторые хитрые еретики нарочно обвиняли сами себя, чтобы при сознании показать на католиков и, таким образом, сделать ненавистным все дело инквизиторов. Никто никоим образом не мог оправдаться. Стараясь спасти свою жизнь, когда их заставляли назвать соумышленников, люди часто отвечали: «Я не знаю, кого обвинить; скажите мне имена подозреваемых вами». «Таким образом, – говорится в официальном донесении папе, – брат обвинял брата, жена – мужа, хозяин – слугу. Другие дают деньги кающимся, чтобы узнать от них, как ускользнуть или спасти свою жизнь; все это доводит до такого смятения, какого еще никогда не бывало. Я сам (Майцский архиепископ) сначала один, а потом вместе с архиепископами Трира и Кельна просил магистра Конрада вести подобные серьезные дела более осмотрительно и воздержанно, но он отказался последовать нашему совету».

Если немецкие прелаты и не пытались защищать свою паству, то, по крайней мере, они не принимали участия в диком преследовании. Конрад нашел в рядах доминиканцев и францисканцев достаточное число помощников, но белое духовенство держалось в стороне. В октябре 1232 г. Григорий писал прелатам и князьям, что еретики проповедуют публично свои заблуждения; и поэтому он приказывал им начать энергичный розыск в их владениях, арестовывать всех еретиков и подозреваемых и судить их согласно с папскими декретами 1231 г. Епископы были глубоко возмущены, видя, что папы нарушают их независимость, вводя новый суд. Нищенствующие ордены стали казаться опасным фактором: эти инквизиторы с папскими указами повсюду заменяли старую епископскую юрисдикцию. Прелаты отказывали инквизиторам в своей помощи и ждали удобного случая, чтобы раздавить этих могущественных пришельцев. Конрад предоставил его прелатам. Сначала он напал на униженных и обездоленных, а вскоре начал грозить и людям высокопоставленным. Воспользовавшись слухами о чистоте веры графов Анеберга, Лоца и Сайна, Конрад постарался на допросах собрать свидетельские показания против этих сеньоров, а затем вызвал их в свой трибунал.

Однако для рассмотрения дела графов король Генрих и майнцкий архиепископ Зигфрид созвали на 25 июля 1233 г. собор в Майнце. Граф Сайн заявил о своей невинности и предложил доказать ее «соприсяжниками». Этот собор стал национальным протестом против главенства папской инквизиции: вместо того, чтобы быть судьей с неограниченной властью, инквизитор Конрад был низведен до роли простого докладчика. Он представил своих свидетелей, но многие из них бежали, а другие мужественно заявили, что были вынуждены обвинить графа, спасая свою жизнь; те же, кто подтвердил свои показания, были личными врагами обвиняемых. Все собрание желало положить конец произвольным судам Конрада, и поднятое им преследование было совершенно прекращено. Трирский архиепископ заявил: «Я объявляю, что граф Сайн выходит отсюда, не будучи признан виновным и как добрый католик». Взбешенный этой неудачей, Конрад сейчас же начал проповедовать на улицах Майнца крестовый поход против вельмож, не явившихся к нему по вызову. Но король и архиепископ единодушно выступили против этого. Тогда он решил удалиться в Марбург. Те, против кого он проповедовал крестовый поход, положили конец его злодеяниям и убили его у Марбурга 31 июля 1235 г. Безумная деятельность Конрада Марбургского длилась не более года. Утверждали, что он сжег около тысячи человек.

«Таким образом, – говорит один из духовных того времени, – прекратилась гроза, прекратилось самое страшное преследование, которое испытали верные со времени Юлиана Отступника. Мир вздохнул свободно. Граф Сайн был той стеной, которая поддержала дом Господа: без него эта безумная ярость продолжала бы проявлять себя, нападая на виновных и невинных, на епископов и князей, на верных католиков и на нечестивых еретиков». Летом 1233 г. Григорий приказал доминиканскому провинциалу Конраду Торсу совместно с епископами вести энергично дело инквизиции и проповедовать крестовый поход против еретиков. Однако только фанатик епископ Гильдесгейма проповедовал крестовый поход, и по его настояниям ландграф Конрад Тюрингенский очистил свою страну от еретиков, уничтожил их общины и разрушил их центр Виллерсдорф. Брат его Генрих Расп и граф Кибурга (Цюриха) Гартман подняли крест. Во Франкфурте 2 февраля 1234 г. собрался сейм и рассмотрел поднятое королем Генрихом обвинение против епископа Гильдесгейма за его проповедь

крестового похода. Затем двадцать пять архиепископов и епископов почти единогласно осудили память инквизитора Конрада Марбургского; только епископ Гильдесгейма и один доминиканец защищали ее. Один из прелатов настаивал даже, чтобы тело магистра Конрада было вырыто и сожжено как тело еретика. Сейм выработал законопроект о том, что судебная власть должна очищать страну от ереси, предпочитая справедливый суд несправедливому преследованию.

В Майнце 2 апреля 1234 г. состоялся собор для окончательных решений. Граф Сайн и другие обвиняемые были признаны невиновными, восстановлены в своих правах и получили обратно секвестрованное имущество. Свидетели Конрада, уличенные в клятвопреступлении, были приговорены к семилетней епитимье. Тех, кто обвинял невинных, послали к папе, чтобы он сам наложил на них епитимью; также спросили наместника Петра, как надо поступить с несправедливо сожженными Конрадом. Убийц палача только отлучили от Церкви. Папа высказал сожаление, что предоставил магистру Конраду широкие права, ставшие источником стольких несчастий. Конрад Торс попытался продолжать свою инквизиционную деятельность; но настроение населения изменилось, и жертвы не проявляли былой покорности. Его помощника, кривого Иоанна, повесили в Оренбурге.

Епископы воспользовались всеобщей ненавистью, вызванной фанатизмом Конрада, чтобы удержать свою юрисдикцию и ограничить прерогативы инквизиции. Им помогла ссора между Фридрихом II и папством. Даже после смерти Фридриха, во время Великого Междуцарствия и при императорах, находившихся под влиянием Св. Престола, потребовалось целое столетие, прежде чем папы сделали серьезную попытку ввести инквизицию в Германии. Не известно ни одной попытки, ни одного назначения, ни одной посылки папами инквизиторов в Германию в конце XIII-XIV вв.

В 1233 г. убийство епископа Хурского было приписано еретикам. В течение 1234 г. доминиканцы и францисканцы зажгли много костров. Но в 1235 г. городские власти Страсбурга предложили монахам обращать людей словом убеждения и не сжигать никого, если не будет выслушана защита. Еретикам Галле было приписано учение, отрицавшее «власть папы», повиновение интердиктам и запрет совершать таинства священнику, бывшему в грехе; они явились в 1248

г. на суд, были благосклонно выслушаны знатью и ободрены королем Конрадом, против которого папа затевал крестовый поход.

Существование ереси и епископской инквизиции, хорошо организованной и имевшей полный кодекс судопроизводства, засвидетельствовано сочинениями Давида Аугсбургского и Пассауского Анонима. Местом деятельности Анонима была огромная Пассауская епархия, охватывавшая Восточную Баварию и Северную Австрию. Однако здесь вальденская ересь была широко распространена, как и во всей Южной Германии, несмотря на преследование. Немецкие прелаты противились введению папской юрисдикции против ереси. Епископская же инквизиция была непостоянна и недействительна. Однако преследование шло своим чередом то в одном городе, то в другом; но местное и временное преследование не отличалось настойчивостью, необходимой для уничтожения ереси. Майнцкий собор 1261 г. предал анафеме всех еретиков и приказал всем епископам уничтожить ересь в их епархиях, применил к личности и имуществу еретиков папские декреты и выработанные на предшествующем провинциальном соборе статуты.

В конце XIII и в начале XIV в. внимание католиков было привлечено некоторыми учениями, распространенными среди полумонашеских корпораций, которым долго покровительствовала Церковь. Это были общины бегинок и бегинов, бегардов, лоллардов, келлитов и т. д. Наиболее вероятно, что названия бегард и бегин происходят от древненемецкого слова *beggan*, что значит просить, нищенствовать, а название лоллардов – от слова *lullen* – бормотать молитвы. Общества лоллардов, или келлитов, были основаны в Антверпене около 1300 г. во время чумы мирянами, посвятившими себя уходу за больными и сумасшедшими, погребению мертвых; деньги лолларды добывали трудом и нищенством. Общества келлитов из Нидерландов распространились по рейнским провинциям и по всей Германии. Подобно бегардам, они становились жертвами преследования, но магистраты городов ценили их и оказывали им покровительство. В 1473 г. Карл Смелый получил от Сикста IV буллу, которая ставила их в число признанных монашеских орденов и избавляла от подсудности епископам. В 1506 г. Юлий II дал им особые привилегии.

Разные причины побуждали многих людей стремиться к монашеской жизни, не связанной, однако, обетами, отделявшими человека от обычной жизни. Особенно это стремление распространилось среди женщин, которые, оставшись без поддержки, искали защиты от опасностей, отовсюду грозивших в те времена, и покровительства у Церкви. Образовывались общины, сначала исключительно женские, члены которых давали обет сохранять целомудрие и послушание только до тех пор, пока находятся в общине, вносили на содержание общины свою часть трудом или прошением милостыни, исполняли религиозные требования и ухаживали за больными в больницах. Подобные общины впервые появились в Нидерландах уже в 1065 г. Урон, произведенный в мужском населении крестовыми походами, значительно увеличил число беззащитных женщин и дал новый толчок к развитию бегинства. Мужчины образовали подобные же общины, и вскоре ими были покрыты Германия, Франция и Италия.

Эти общины в XIII в. отвечали нравственным взглядам эпохи. Во Фландрии графы оказывали им поддержку. Григорий IX и его преемники им покровительствовали. Людовик Святой предоставил бегинам и бегинкам дома в Париже и в других городах и дал им крупные пожертвования. Поддержка вызвала быстрый рост числа этих общин. У них было множество последователей в Париже. В Кельне и его окрестностях около 1240 г. их насчитывалось до двух тысяч; столько же было их в единственной бегинской общине в Брабанте.

Над монахами можно было установить известный надзор и предписать им известные правила; но нельзя было сделать того же в отношении членов этих свободных общин, которых не связывал обет, данный навеки. Серьезная опасность для Церкви заключалась в той легкости, с которой бегины и бегинки могли впасть в противоречия католичеству.

В ту эпоху в церковных кругах некоторые понимали, что бегины могут сделаться причиной серьезных опасностей. Между прочим в вину им ставили то, что они читали и объясняли Священное Писание на народном языке. В 1250 и в последующих годах кельнские бегины и бегинки часто жаловались папским легатам на притеснения духовенства и мирян. В 1259 г. Майнцский собор осудил «вредоносную секту» бегардов и бегинков. Всем священникам было приказано

предложить этим бегардам и бегинкам изменить образ жизни и изгнать из приходов тех из них, кто проявит упорство. В 1267 г. Трирский собор запретил бегинам и бегинкам проповедовать ввиду того, что они распространяли ересь. В 1287 г. Льежский собор запретил тем, кто не жил в бегинских общинах, иметь особую одежду и пользоваться привилегиями бегинков. Около этого же времени в Швабии некоторые члены общин бегардов и бегинков старались убедить своих братьев, что им лучше служить Богу «в свободе духа»; тогда епископы начали разгонять эти общины, и многие из их членов просили дать им монастырский устав св. Августина. В это самое время ученики Ортлиба Страсбургского – Братья Свободного Духа стали выдавать себя за бегардов и бегинков и какое-то число истинных бегардов и бегинков приняло учение Амори. Число лоллардов, бегардов и бегинков, принявших это учение, было сравнительно невелико, но общины, где исповедовали самое чистое католичество, подвергались притеснениям только за то, что носили одно имя с виновными. Положение их еще более ухудшилось, когда Иоанн XXII начал преследовать ересь францисканцев-спиритуалов. Францисканские терциарии во Франции назывались обыкновенно бетонами; под этим названием стали известны и эти еретики-спиритуалы. Это смешение имело печальное влияние на участь добродетельных и правоверных бегинков: Церковь обычно распространяла осуждение на всех бегардов и бегинков, не различая их.

Основной принцип веры Братьев Свободного Духа был пантеистический: Бог – во всем, что существует. Все исходит от Бога, и все к Нему возвращается. Всякое внешнее поклонение бесполезно; это сразу уничтожало значение церковных обрядов и таинств. Человек содержит в себе все Божеские свойства; всякий может утверждать, что он создал вселенную; это было одним из обвинений, выставленных против магистра Эккарта. Человек может объединиться с Богом и делать все, что делает Бог; поэтому человек не нуждается в Боге и во всем, что он делает, нет никакого греха. В таком состоянии совершенства он ничем не огорчается, ничему не радуется; он свободен от всех обязанностей и от всякого долга. Никто не обязан работать из-за куска хлеба; все принадлежит всем вообще; всякий может брать все, что ему угодно для удовлетворения своих потребностей или своих желаний. Практические следствия этих учений были смертельны не

только для Церкви, они были также опасны и для нравственного и общественного порядка. Ссылаясь на авторитет св. Павла, Братья Свободного Духа считали себя свободными от всех стеснений закона. Одной из ветвей этой секты считали и луцифериан: пантеизм неизбежно включал и сатану в число творений Бога. В 1321 г. в Кремаре, в Пассауской епархии, открыли несколько еретиков луцифериан; епископ, зальцбургский архиепископ и герцог Австрийский решили уничтожить эту ересь с помощью доминиканской инквизиции, которой удалось здесь удержаться; преследование продолжалось до 1315 г., но не привело к полному уничтожению ереси. Все, кого открыли, остались непреклонны и погибли на кострах. Это учение особенно сильно было распространено в Чехии и в Австрии; в 1338 г. и в 1395 г. многие из его приверженцев были сожжены.

Мистическое направление, нашедшее полное выражение в учении Братьев Свободного Духа, имело последствием то, что вера, оставшаяся по внешности католической, все более склонялась к ереси. Отцом мистиков являлся францисканец Бонавентура. Он был итальянцем и проповедовал в Парижском университете. В Германии мистическое направление религиозного чувства было самым крупным явлением в духовной жизни XIV в. В первую четверть столетия огромным авторитетом и уважением пользовался магистр Эккарт, занимавший видное место в доминиканском ордене. Однако на этого последователя мистики пало подозрение, что он разделяет заблуждение бегардов, тщетно старались братья-доминиканцы спасти его; кельнский архиепископ подчинил доминиканца своей епископской инквизиции. Взятые из учения Эккарта «двадцать восемь пунктов» были осуждены Иоанном XXII как еретические. Он допускал общую божественность человека и Бога, тождественность пред Богом порока и добродетели, отрицал значение внешних действий, придавал реальное значение только внутренним действиям души и утверждал, что не следует ни сожалеть о совершенном грехе, ни просить у Бога какой-либо милости. Для иерархии, основанной на священстве, такое учение было тяжелой ересью. Эккарт являлся родоначальником немецких мистиков, благодаря которым видоизмененные основные мысли Амори влияли на развитие религиозного духа в XIV и XV вв. Все вожди общества Людей Божьих следовали теориям Эккарта и имели духовное родство с Братями Свободного Духа, хотя им и удалось остаться в границах

католичества. Как ни был гуманен и мягок Иоанн Рисбрук, один из известных богословов-мистиков Германии, однако он чувствовал к братьям Свободного Духа такой ужас, что считал их достойными костра, хотя его учение во многом схоже с учением Братьев. Ученик Рисбрука Герард Грот – основатель общины Братьев Общей Жизни одинаково строго относился к испорченности духовенства и к заблуждениям еретиков. Взгляды Грота были довольно сходны с взглядами Братьев Свободного Духа, и поэтому он с особой энергией стремился помешать их пропаганде. Монастырь августинских отшельников подозревался в том, что он заражен ересью Братьев Свободного Духа. Особенно подозревали в проповеди ереси августинского монаха Бартоломея; Грот решил тайно проследить за ним и получил нужные улики. В Голландии (тогда часть Германской империи) не было инквизиции, и Грот около 1380 г. вызвал обвиняемого на суд утрехтского епископа. Бартоломей был оправдан. Эта снисходительность возмутила Грота; он добился возобновления преследования. На этот раз Бартоломей был обвинен как еретик, принес отречение и был приговорен к ношению крестов. Августинские монахи в ответ убедили городские власти Кампена возбудить преследование свидетельствовавших против Бартоломея. Они изгнали также на десять лет друга Грота Вернера Кейнкампа, бывшего впоследствии три раза приором общин Братьев Общей Жизни. Епископ запретил Гроту проповеди. Тогда Грот попытался получить от папы Урбана VI полномочия проповедника и инквизитора и послал в Рим десять флоринов в уплату за буллы. Но он умер в 1384 г. и Голландия спаслась от неограниченного могущества инквизиции.

Его преемником был менее жестокий, чем он, Флорент Радевинс, благодаря которому конгрегации Общей Жизни распространились по всем Нидерландам и Германии, и хотя по временам их преследовала инквизиция, их взял под свое покровительство Мартин V. Они добывали средства к жизни как воспитатели или переписчики; после Реформации эти общины быстро пропали. Одна из ветвей этого ордена приняла устав и каноны св. Августина. Ее монастырь в Виндесгейме стал образцом для подражания; ереди членов ордена были Фома Кемпийский и Эразм Роттердамский.

Мистицизм Иоанна Рисбрука сильно содействовал тому религиозному движению, которое привело к Реформации, так как он

проповедовал, что человек не должен надеяться на спасение вне себя. Для Братьев Общей Жизни догма имела меньшее значение, чем внутреннее воспитание, которое одно могло сделать людей истинными детьми Бога. Проповедуя среди народа и излагая свое учение в школах, братья разрушали основы иерархии, хотя их и не обвиняли в ереси и не преследовали.

Общество Друзей Бога, зародившееся в странах Верхнего Рейна, существовало более короткое время, но было одно время очень популярно. Его основание связано с самым замечательным учеником Эккарта – Иоганном Таулером, который утверждал, что духовная индивидуальность может быть совершенно поглощена Божественной сущностью; человек, приведенный в подобное состояние, находится под полным влиянием Св. Духа, так что его поступки суть поступки третьего лица Святой Троицы. Человек, будучи ответственен за самого себя перед самим собою, может сообщаться с Богом без посредства священнослужителя.

Общество его последователей – Друзей Бога было немногочисленное: немногие могли достигнуть такой степени мистического самосовершенства, чтобы желать только того, что желает Бог, ненавидеть только то, что ненавидит Бог. Однако адепты этого учения были повсюду от Нидерландов до Генуи, от Рейнских провинций до Венгрии. Друзья Бога были отпрыском Братьев Свободного Духа, но они избежали крайностей секты, их породившей. Во многом Друзья Бога удалялись от учения Церкви; они говорили, что многие евреи и мусульмане спаслись, так как Бог не оставляет никого, кто ищет Его, и хотя эти неверные не имеют христианского крещения, но Сам Бог крестит их духовно. На том же основании они отказывались доносить на еретиков суду человеческому, боясь предвосхитить суд Божеский: они должны терпеть на земле присутствие еретиков, так как Бог находит это нужным. Однако они не были мятежниками. Бичуя испорченность и суетность духовенства, они проповедовали полное повиновение Риму. За это им многое прощала Церковь. В июне 1377 г. два Друга Бога из Оберланда отправились к Григорию XI предупредить папу об опасностях, грозивших христианству. Папа признал в них посланников Святого Духа и просил их основать большую общину их ордена.

По всей Германии наряду со сравнительно правоверными формами мистицизма продолжали действовать Братья Свободного Духа, которые сохраняли свое пантеистическое учение и не отступали от своих принципов. На рубеже XIII-XIV вв. папа Бонифаций VIII повелел преследовать еретиков, утверждавших, что совершенство для мужчины и женщины заключается в наготе и в полном воздержании от всякого ручного труда,- т. е. Братьев Свободного Духа. Первый случай преследования их в Германии произошел в 1290 г., когда францисканский лектор приказал арестовать в Кольмаре двух бегардов и двух бегинок, а затем многих других в Базеле и признал их еретиками. Два года спустя Майнцский провинциальный собор в Ашаффенбурге подтвердил осуждение бегардов и бегинок, вынесенное собором 1259 г. Это осуждение было подтверждено в 1310 г. другим Майнцским собором. В то же время каноны, регламентирующие признанные общины бегинов и бегинок, провели резкую границу между ведущими монашеский образ жизни под надзором своих настоятелей и между бродячими нищими, которые проповедовали учения, считавшиеся подозрительными. Войну против этих еретиков начал кельнский архиепископ Генрих фон Вирненбург, избранный в 1306 г. Бегины вступали в публичные пререкания с францисканцами и доминиканцами и своим упорным нищенством уменьшали милостыню, за счет которой жили нищенствующие монахи. Архиепископ объявил бегинов еретиками, отлучил их от Церкви и дал им двухнедельный срок для раскаяния; по истечении этого времени они должны были быть уничтожены светской властью. Месяц дали им на то, чтобы они оставили свой образ жизни и начали добывать свой хлеб честным трудом. Однако бегины еще и в 1308 г. свободно вели свою пропаганду, не встречая серьезной оппозиции.

Но уже в 1310 г. состоявшийся в Трире собор признал неправильным введение во всеобщее употребление Священного Писания на народном языке, чем занимались бегарды; всем приходским священникам было приказано предложить виновным под страхом отлучения от Церкви до истечения двух недель отказаться от своей преступной деятельности, а одна бегинка из Генненгау была сожжена в том же 1310 г. в Париже.

В 1309 г. летописцы упоминают о «бродячих лицемерах, называемых лоллардами», которые по всему Генегау и Брабанту

пользовались большим успехом. Собравшийся в ноябре 1311 г. в Вене собор осудил эту секту. В каноне, запрещающем эту ересь, содержится достаточно полное ее изложение. Епископам и инквизиторам было предписано хватать сектантов и, если они не отрекутся добровольно, велеть их наказывать.

Только в августе 1317 г. страсбургский епископ Иоганн Цюрихский начал преследовать бегардов и бегинок. Он действовал не на основании венских канонов, а на основании принятых Майнцским собором 1310 г. Епископ конфисковал дома, в которых происходили собрания бегардов, запретил гражданам читать, слушать или хранить у себя гимны и сочинения еретиков; эти гимны и сочинения в течение двух недель должны были быть выданы ему на сожжение. Среди преследуемых сектантов было много лиц духовного звания, получивших посвящение монахов, людей женатых и других. Учение бегардов разделялось многими гражданами, которые не были простыми бродячими нищими; они, по всей вероятности, производили обращение и удовлетворяли духовные потребности верующих. Иоганн Цюрихский произвел розыск в своей епархии и открыл много сектантов; для суда над ними он организовал инквизицию из ученых богословов; те из виновных, которые отреклись от заблуждений, были осуждены на ношение крестов (это первый случай применения в Германии этого наказания), упорствующие были выданы светской власти, чтобы она отправила их на костер. Бегарды во множестве покинули епархию, и в июне 1318 г. епископ сообщил о своем успехе коллегам.

В 1319 г. Иоганн Цюрихский приказал священникам под страхом отрешения от должности стараться, чтобы бегины и бегинки в течение двух недель слились с Церковью. Если кто из них откажется, то инквизиторы произведут расследование о чистоте их веры. Еще на большом Латеранском соборе Церковь постановила не допускать никакие конгрегации, несогласные с уже одобренными монастырскими уставами. Бегины и бегинки постепенно и почти бессознательно на практике нарушили этот канон. Но в 1319 г. Иоанн XXII, чтобы умерить бедствия, причиненные законодательством Венского собора, обещал впредь не преследовать тех, кто вступит в число терциариев одного из нищенствующих орденов. Много бегинов воспользовалось этим; но их связь с избранным ими орденом была скорее теоретическая: они сохраняли свою независимость, свою привычку к труду и свое право на

личную собственность. Буллой от 31 декабря 1320 г. и последующими указами Иоанн резко разграничил тех, кто благочестиво и скромно жил в общинах, от тех, кто бродил и вступал в споры по вопросам религиозного характера. Первых в одной Германии было по донесениям, посланным папе, до двухсот тысяч человек; Иоанн резко упрекает епископов за то, что они беспокоили этих верующих за преступления немногих. На будущее папа приказал оставить их в покое. Это вмешательство положило в 1321 г. конец преследованию бегинов Страсбурга. Но виновные подверглись действию канона Климента, применявшегося со всей строгостью. Кельнский архиепископ Генрих был одним из немногих деятельных преследователей. Он добился, что лолларды и бегарды не смели более показываться в народ. В 1322 г. архиепископ схватил самого опасного ересиарха страны, прозванного Лоллардом, родом голландца. Он был мало образован, не знал латинского языка, но отличался острым умом, умением убеждать. Успешности его миссионерской деятельности способствовали его многочисленные сочинения на народном языке, которые ходили по рукам. Он проповедовал в Майнце, где набрал много учеников, и затем в Кельне, где попал в руки архиепископа. Он не скрывал своих верований, отказался отречься. Самые жестокие пытки не заставили его выдать единоверцев. Он был сожжен на костре. Епископская инквизиция вела свои работы достаточно успешно; в 1323 г. один священник был уличен в ереси, лишен сана и сожжен на костре. В 1325 г. было случайно открыто собрание бегардов. Епископская инквизиция набрала и осудила много обвиняемых; те, кто не отрекся (приблизительно пятьдесят человек), были преданы смерти; одни из них были сожжены на костре, другие потоплены в Рейне (новое наказание). Некоторые из несчастных старались оправдаться, ссылаясь на великого доминиканского проповедника магистра Эккарта, и таким образом обрушили на голову своего наставника преследование, кончившееся его смертью. В последующие годы не было новых жертв; но ересь не исчезла в стране.

После 1331 г. новый архиепископ Валеран попытался устроить постоянную епископскую инквизицию и назначил для этого особого комиссара, обязанностью которого было разыскивать еретиков и который имел право прощать и присоединять к Церкви отрекшихся от своих заблуждений. Это был настоящий инквизитор. Однако в марте

1335 г. Валеран констатировал, что ересь росла и в городе, и в епархии; он призвал всех своих прелатов и все свое духовенство помогать инквизиции. Но и эта мера оказалась также малодейственной, как и предшествующие попытки. Еретики публично носили свою отличительную одежду и совершали свои обряды; мало того, инквизитор давал разрешение грехов, не требуя доказательств правоверия. В октябре того же года архиепископ издал новое пасторское послание, в котором отменял эти разрешения от грехов и отмечал постоянный рост ереси.

В Вестфалии также епископы уничтожали ереси в своих епархиях. В 1335 г. страсбургский епископ Бертольд попытался против еретиков применить Клементины. В том же году несколько жертв было сожжено в Меце. В 1336 г. в Магдебурге было открыто несколько Братьев Свободного Духа, которые признались пред судьей в своих верованиях. Однако архиепископ выпустил их на свободу, когда они на словах отреклись от своих заблуждений. Но в том же году был первый случай папской инквизиции в Северной Германии. Августинский отшельник монах Иордан получил полномочие инквизитора на всю Саксонию. Но он слабо знал инквизиционное судопроизводство; и, открыв в Ангермюнде гнездо луцифериан, предложил им оправдаться посредством священного очищения. Четырнадцать из них не могли найти необходимого числа соприсяжников и были тотчас же сожжены. Из Ангермюнде Иордан отправился в Эрфурт, где присутствовал на разборе дела бегарда. Еретик утверждал, что он сын Божий и воскреснет через три дня после своей смерти; судьи попытались признать его сумасшедшим, но он утверждал, что в здравом уме, отказался отречься и погиб на костре.

В 1336 г. была открыта в Австрии крупная секта луцифериан. Их обряды – это вечный рассказ о колдовстве. Они заразили своей ересью огромное число людей, и для их уничтожения были широко применены костер и другие жестокие наказания.

В следующем году много простых людей в Бранденбурге были вовлечены в поклонение дьяволу тремя злодеями, которых обратил в бегство один доминиканец. Однако простые люди продолжали упорствовать в своих заблуждениях и предпочитали костер отречению. Другой случай луциферианизма был обнаружен в Зальцбурге в 1340 г. В кафедральном соборе священник Рудольф бросил на землю чашу с

причастием, уже раньше подобное святотатство он совершил в Галле. Он упорствовал в своей ереси и был сожжен. В 1339 г. три старика-ересиарха Братьев Свободного Духа были арестованы в Констанце и судимы епископом. Они были признаны виновными в святотатстве и богохульстве, но твердо стояли на своем до тех пор, пока их не повели на казнь; тогда они отреклись и были осуждены на пожизненное заключение в башне на хлеб и воду. В 1342 г. двое других были доведены силою до раскаяния в Вюрцбурге.

Однако преследование еретиков велось с перерывами. Поэтому, например, в Швабии в 1347 г. ересь бегардов распространялась беспрепятственно и безудержно. Еретик Иоганн Мехлин открыто проповедовал свое ложное учение по всей Верхней Германии; его красноречие привлекало к нему огромное число учеников, даже среди знатных и духовных. Подобная веротерпимость существовала и в Нидерландах, так как известно, что около этого времени в Брюсселе жила одна женщина, писавшая трактаты о Духе Свободы и о Любви. Небольшая секта, основанная ею, просуществовала до начала XV в. В тридцатые годы XIV в. кардинал Пьер д'Айльи приказал инквизитору уничтожить еретиков; преследование шло без жестокостей, лишь с помощью проповеди; однако можно думать, что инквизитор не ограничивался одним этим, так как еретики составили заговор убить его; но инквизитор внезапно исчез.

После спорного избрания в 1314 г. Людовика Баварского отношение между империей и папством были чрезвычайно натянуты. Победа при Мюльдорфе в 1322 г., обеспечившая Людовику императорскую власть, вызвала в 1323 г. окончательный разрыв между Людовиком и Иоанном XXII. Каждый из противников называл своего врага еретиком и объявлял его лишенным всех прав. Когда Иоанн предал Германию интердикту, то Людовик в ответ на это начал жестоко преследовать духовных лиц, признававших папские духовные наказания. Это препятствовало преследованию ереси. Когда в 1347 г. Людовик умер и императором был признан его соперник Карл IV, «император священников», Рим надеялся, что будет разбита оппозиция епископов папской инквизиции и что начнется постоянное и систематическое преследование; в Германии будет покончено с веротерпимостью. В 1348 г. Иоганн Шанделанд, доктор доминиканского монастыря в Страсбурге, был назначен папским

инквизитором для всей Германии. Но в 1347 г. «черный мор» перешел с Востока в Европу; он быстро распространялся в течение 1348-1349 гг., охватив Францию, Италию, Венгрию, Германию и Англию. В одной только Флоренции с марта по июль 1348 г. умерло до ста тысяч человек. В Париже погибло пятьдесят тысяч жителей; в С.-Дени и Страсбурге по шестнадцать тысяч.

Бедствия черного мора вызвали лихорадку раскаяния, хотя Германия менее пострадала, чем остальная Европа; в ней погибло только около четверти населения, но весной 1349 г. страна вдруг покрылась толпами флагеллантов (бичующихся), заглаживавших свои грехи самобичеванием. От Польши до Рейна процессии флагеллантов встречали мало препятствий. Однако в Эрфурте городские власти запрещали им вход; из Магдебургской провинции их прогнал архиепископ. Когда флагелланты Страсбурга решили устроить постоянное братство, Карл IV воспротивился этому; эти бродячие толпы уже приняли угрожающий характер; в разных местностях эти фанатики жестоко преследовали евреев; толпы нападали на церкви и духовенство. В Турнэ оратор флагеллантов объявил, что нищенствующие монахи – скорпионы и антихристы; на границах Мейсена два доминиканца, вздумавшие образумить толпу флагеллантов, были побиты камнями. 20 октября 1349 г. вышла булла, осуждавшая флагеллантов. Это осуждение основывалось на презрительном отношении их к «власти ключей» (папе) и церковному благочинию, в устраивании самостоятельных общин и совершении обрядов, несходных с общепринятыми. Папа упоминал о жестокостях, совершенных ими против евреев, и о покушениях против собственности и юрисдикции Церкви. Всем прелатам было приказано распустить немедленно конгрегации бичующихся; тех же флагеллантов, которые не послушаются, заключить в тюрьму до нового распоряжения, а в случай нужды прибегать к помощи светской власти.

На Констанцском соборе 1417 г. Герсон говорил, что члены секты флагеллантов доходили до отрицания таинства исповеди и покаяния, так как они восхваляли особую форму сердечного сокрушения, считая ее не только выше той формы покаяния, которая предписывается Церковью, но даже и мученичества, говоря, что они сами проливают свою кровь, а кровь мучеников была пролита другими. Эти идеи были близки к ереси. Когда булла, осуждавшая флагеллантов, была получена

немецкими прелатами, то они решили строго применить папские предписания. Священники объявляли флагеллантов нечестивой сектой, осужденной Святым Престолом. Тем, кто смиренно вернется к вере Церкви, обещали прощение, а тем, кто будет упорствовать, грозили строгим применением канонов. Многие из этих еретиков были казнены или подверглись различным пыткам, многие были заключены в тюрьмы. На провинциальном соборе кельнский архиепископ отлучил от Церкви всех духовных, присоединившихся к флагеллантам. Весной 1353 г. этот прелат приказал всем деканам и ректорам собрать капитулы, прочесть его указ и принять меры к публичному и поименному отлучению от Церкви всех, кто не подчинится, виновные должны быть отрешены от должности. Лихорадка бичевания рассматривалась Церковью как настоящая ересь. К толпам флагеллантов, с момента первого их появления, во многих местностях приходили еретики, считавшиеся лоллардами, бегардами и келлитами. Охваченные общим преследованием, все они оказывали друг другу поддержку.

Около конца 1352 г., став папой, Иннокентий VI попытался ввести в Германии папскую инквизицию; с этой целью в июне 1353 г. он подтвердил инквизиторский мандат Иоганна Шанделанда и просил всех немецких прелатов оказывать ему действительную помощь. Вредное безумие бегардов, говорил он, снова проявилось, и нужно принять серьезные меры против этого зла; так как инквизиция не имела в епархиях своих тюрем, то прелатам было предложено предоставить в полное распоряжение святого трибунала епископские тюрьмы. Хроника сообщает, что Иоганн отличался энергией и имел успех. Однако ничто не свидетельствует о его содействии осуждению на костер бегардского ересиарха Бертольда фон Рорбака в 1356 г. Неудача, которой встретила попытка Иннокентия ввести свою инквизицию, сказывается в решении, принятом архиепископом на весеннем синоде в Кельне в 1357 г. Отмечая рост секты бегардов, грозящей заразить весь город и всю епархию, прелат совершенно не упоминает ни о папской инквизиции, ни о канонах. Он упоминает о мерах, принятых его предшественниками, и, согласно с ними, приказывает всем приходским священникам выступить против еретиков, грозя им, что в случае небрежности они сами будут преследуемы; он также грозит отлучением

от Церкви всем, кто милостыней поддерживает существование бегардов.

Попытка введения папской инквизиции была возобновлена. В 1366 г. доминиканец Генрих Агро имел полномочие инквизитора на Майнцскую провинцию и епархию Бамберга и Базеля. Он вел деятельное расследование в Страсбургской епархии; но епископ не позволил ему действовать самостоятельно и придал ему своего vicария, не только как епископского представителя для вынесения окончательного приговора, но и как настоящего помощника инквизитора. Жертвой инквизиторов была одна бегинка, которую судили около пятидесяти лет перед этим епископским судом и которая отреклась от ереси. Как еретичка-рецидивистка, она была сожжена.

В 1367 г. Урбан V назначил инквизиторами в Германию двух доминиканцев, уполномочив их выбрать себе vicарных. Единственными еретиками, против которых им поручалось действовать, были бегарды. Прелатам и магистратам было приказано оказывать деятельную помощь инквизиторам и предоставить в их распоряжение все тюрьмы, пока германская инквизиция не будет иметь своих собственных. Уже в 1368 г. инквизицией был сожжен в Эрфурте один бегард.

Однако вначале духовные и светские князья Германии были мало расположены оказывать поддержку преследованиям. Но 9 и 10 июня 1360 г. император выпустил в Лукке два эдикта, которыми всем прелатам, князьям и магистратам было приказано преследовать и считать изгнанными из империи бегардов и бегиннок. По требованию инквизиторов всякий, кто подаст милостыню членам запрещенной секты, должен быть арестован и наказан так, чтобы другим было страшно. Специальный пункт приказывал прелатам повиноваться всем указаниям инквизитора относительно ареста и тюремного заключения еретиков. Прелаты должны оказывать инквизиторам всякую помощь, принимать их и давать им стражу. Инквизиторам покровительствовал император. Все права, привилегии, вольности и неприкосновенности, предоставленные им предшествующими императорами или правителями отдельных провинций, сохранялись и подтверждались, несмотря ни на какой закон или обычай, противоречащие им. Два герцога, два графа, два рыцаря были назначены охранителями и блюстителями, обязанными выступать всякий раз, когда инквизиторы

обратятся к ним с жалобой. Они должны наблюдать за тем, чтобы треть конфискованного имущества еретиков, бегардов или бегинов поступала инквизиции; они должны преследовать всякого, кто будет препятствовать или вредить святому трибуналу, и должны поступать примерным образом как с личностью, так и с имуществом виновных. Всякое нарушение эдикта повлечет за собой штраф в сто марок, половина которого будет обращена в пользу фиска, а другая в пользу обиженных. Всякий, кто прямо или косвенно, тайно или явно будет мешать или вредить инквизиторам или их агентам, подлежит конфискации имущества в пользу императорской казны и лишению почестей, должностей, привилегий и неприкосновенности.

Недвижимое имущество бегардов должно быть отдано инквизиции, которая обратит его в тюрьмы; жилища бегинок будут проданы, а деньги, вырученные от продажи, будут разделены на три части, из которых одна назначалась на ремонт дорог и городских стен, а другая – инквизиторам на благотворительные цели, и особенно на содержание узников. Жертвам на приготовление к выселению из домов было дано только три дня.

Благодаря покровительству императора папская инквизиция начала действовать; еретики (Братья Свободного Духа) были совершенно уничтожены в Магдебурге, Бремене, в Тюрингии, Гессене, Саксонии и других местах. В Магдебурге и Эрфурте инквизиция сожгла много еретиков, а других заставила или принять католичество, или бежать. В 1369 г. в Нордгаузене инквизитор арестовал сорок бегардов. Семеро из них упорствовали в своем заблуждении и были сожжены, остальные отреклись, и на них были наложены разные епитимьи. В 1372 г. Григорий XI заявил, что инквизиция уничтожила ересь и еретиков в центральных провинциях и что они переселились в пределы Брабанта, Голландии, Штеттина, Бреславля и Силезии; поэтому папа настоятельно предлагал прелатам и вельможам оказывать энергичное содействие усилиям святого трибунала. Папа довел число инквизиторов до пяти и предоставил право назначать и смещать их генералу и провинциалу доминиканцев или одному из них; ни император, ни епископ не имели права мешать свободному отправлению ими своих обязанностей.

Карл IV увеличил прерогативы инквизиции новой привилегией, которая оказалась первым симптомом событий будущего: инквизиторам

предоставили право книжной цензуры и право назначать нотариусов для каждой епархии и замещать их в случае смерти или неспособности. После борьбы, тянувшейся с перерывами около ста пятидесяти лет, папская инквизиция была организована и введена в Германии окончательно и систематически. Святой трибунал находился почти исключительно в руках доминиканцев; францисканцы в качестве инквизиторов встречаются редко.

В 1372г. инквизиция судила еретика – гальберштадтского епископа Альберта. Этот прелат публично проповедовал учение, наносившее смертельный удар призыванию святых, заупокойным обедням и пожертвованиям в пользу духовенства. Григорий XI приказал инквизитору вместе с приором Эрфурта и с одним августинским монахом принудить епископа отречься, а в случае его отказа передать дело на суд папы. В начале 1373 г. папа назначил императорского капеллана-доминиканца инквизитором в Трирскую, Кельнскую и Люттихскую епархии, указав ему на бегинок и бегардов, как на главную добычу. Император Карл дал новому преследователю все привилегии, указанные в императорском рескрипте 1369 г., и приказал герцогам Люксембурга, Брабанта, Лимбурга и Юлиха, князьям Монса и Клеве и графам Марки, Кирхберга и Шпангейма действовать в качестве охранителей и блюстителей эдикта. Хотя деятельность инквизиции была главным образом направлена против Братьев Свободного Духа, не забывали и флагеллантов, которые в 1372 г. снова появились в различных местностях Германии. Григорий XI послал инквизиторам инструкции об истреблении этих еретиков. В 1373 и гг. это неукротимое стремление к покаянию выразилось в новой форме, которая впервые проявилась в Ахене при освящении церкви. Толпы, состоящие в большинстве из бедных и простых людей обоего пола из Рейнских провинций, наводнили Фландрию, танцуя и распевая, как бесноватые. На них долго смотрели как на одержимых бесом, но когда толпа этих плясунов собралась в Герестале уговориться об избииении всех каноников и духовных лиц Люттиха, то поняли, что это безумие совсем не безвредно. Оно распространилось на значительную часть Германии и держалось несколько лет. Хотя эта мания сама по себе не заключала ереси, но в некоторых местностях она вызвала еретическое отношение к таинствам, совершенным недостойными священниками.

Едва только правильно организованная инквизиция принялась за работу, бегарды и бегинки еретики стали главным объектом ее деятельности, а бегарды и бегинки католики – ее алчности: страдания последних скоро вызвали к ним сочувствие, поэтому Григорий XI в апреле 1374 г. требовал от архиепископов Майнца, Трира и Кельна донесений о жизни обвиняемых, которых он примет под свою защиту, если они окажутся невинными, или накажет их, если они действительно виновны. Из Кельна и Вормса пришли ответы, удостоверившие, что преследуемые общины состояли из верных католиков. В Кельне гражданские власти жаловались папе на доминиканского инквизитора, который мучил бедных людей, и просили, чтобы были прекращены начатые дела. Жертвы, люди простые и мало образованные, вели такой примерный образ жизни, что даже духовенство защищало их от инквизиции.

После смерти в 1378 г. Григория XI и Карла IV инквизиция не могла действовать независимо от епископов. В 1381 г. не было инквизиторов в епархиях Ратисбона, Бамберга и Мейсена, архиепископ Пражский, в качестве папского легата, приказал епископам назначить их и грозил в случае неповиновения сам сделать назначение. Впрочем, инквизиция не совсем прекратила свою деятельность. Под 1392 г. хроника упоминает о папском инквизиторе, который в Вюрцбурге нашел среди крестьян и простого народа флагеллантов и бегардов. Они подчинились наложенной на них епитимьи – принять участие в крестовом походе, который проповедовался тогда против турок. Это первый случай применения этого наказания в течение почти целого столетия. Затем этот инквизитор в Эрфурте нашел много таких же еретиков; некоторые из них оказались упорными и были сожжены, на других была наложена епитимья, а остальные бежали. В следующем году папский инквизитор Альберт приказал сжечь в Кельне видного бегарда – бывшего бенедиктинского монаха.

Около этого времени после долгого перерыва снова вспомнили о вальденцах, которые дотоле не привлекали к себе внимания благодаря их внешнему сходству с католиками. Они производили многочисленные обращения крестьян и ремесленников и заполнили всю Германию своими последователями, к которым можно прибавить близко родственную секту винкелеров. Около 1390 г. они были открыты в Майнце, где жили тихо в течение ста лет. Архиепископ в 1392 г. дал

полномочия епископского инквизитора епископу Туля, декану св. Стефана и священнику гамбургского собора. Папский инквизитор мог, если ему было угодно, присоединиться к ним. Назначенным инквизиторам было предоставлено право арестовывать еретиков, судить их, пытать и выдавать в руки светской власти. Им было приказано действовать согласно с методами инквизиции. Много вальденцев содержалось уже в епископской тюрьме; был предпринят энергичный розыск других еретиков. Благодаря широкому применению пытки удалось получить нужные признания и разоблачения. Упорствовавшие были выданы в руки светской власти, и в 1392 г. в Бингене состоялось аутодафе, на котором было сожжено тридцать шесть еретиков.

Открыли вальденцев в 1391 г. в Польше, Венгрии, Баварии, Швабии и Саксонии. В 1395 г. были заражены Нидерланды, Вестфалия, Пруссия и Польша, а Тюрингия, Мейссен, Богемия, Моравия, Австрия и Венгрия насчитывали еретиков тысячами. Между Штеттином и Кенигсбергом вальденцы долго жили спокойно. Но один из их министров, напуганный вновь начавшимися преследованиями, отрекся в 1391 г. от своей веры и выдал имена своих духовных детей. Церковь воспользовалась этой изменой. Целестинский провинциал был назначен папским инквизитором. В первые дни 1393 г. он прибыл в Штеттин, уполномоченный пражским архиепископом и епископами Лебуса и Камина, чтобы действовать от их имени. Он сделал общий вызов, а затем вызвал поименно подозреваемых еретиков. Некоторые из подозреваемых бежали. Но огромное большинство виновных смирилось. Согласно обычаю, инквизитор проявил снисхождение к тем, кто покаялся и добровольно отрекся. Все приносили присягу, что будут преследовать ересь и еретиков. Не было надобности прибегать к пытке; не оказалось ни одного мятежного и не пришлось зажигать костров. Обвиненные были приговорены к ношению крестов и к различным епитимьям. Если их родители умерли еретиками, то они должны были указать место их погребения для того, чтобы останки мертвых могли быть вырыты. С января 1393 г. по февраль 1394 г. инквизитор рассмотрел четыреста сорок три дела. Из Померании он переехал на юг, где также нашел много вальденцев, но они не изъявили покорности. Эти еретики были многочисленны в Австрии уже с середины XIII в., и инквизиция прилагала большие усилия к их уничтожению. В начале

XIV в. преследование сделалось более жестоким, когда стали соперничать в защите веры папские и епископские инквизиторы. Но ересь продолжала распространяться; около 1315 г. вальденцев насчитывали в Австрии восемьдесят тысяч человек. Истребление их не было безопасным. Около 1318 г. был убит доминиканский инквизитор, а в 1338 г., когда было открыто много еретиков, то за них отомстили, убив многих духовных из белого и монашеского духовенства. Это, однако, не остановило преследование. Действовали инквизиторы в Штирии и в Баварии между 1365 и 1380 гг.; труды их увенчались массой жертв и обращений. Целестинский монах из Померании в 1391 г. обратил в Эрфурте много видных вальденцев, вступивших в разные католические ордены. Этот целестинец из Померании, действуя на основании инквизиторского мандата, данного ему пассауским епископом, нашел в Штирии много вальденцев и в своем отчете, написанном в 1395 г., выражает несправедливое опасение, что еретики сделались всемогущими. Преследуемые вальденцы Вольферна сожгли в 1393 г. своего приходского священника в его доме со всей его семьей, а вальденцы Штейера в 1395 г. подожгли ригу своего священника за то, что он принял к себе в дом инквизиторов. Но эти акты мщения были жестоко наказаны. В 1397 г. в Штейере было заключено в тюрьму и осуждено более тысячи вальденцев, до ста из них были сожжены, а остальные подверглись различным наказаниям. Был осужден даже десятилетний ребенок на ношение крестов. В 1395 г. после двухлетней работы была сделана тысяча обращений от Тюрингии до Моравии, и инквизиторы в Австрии и Венгрии надеялись окончить скоро вторую тысячу. В 1401 г. инквизиторы энергично работали среди вальденцев Венгрии; в том же году целестинец с неменьшим рвением работал в Штирии, а затем в 1403 г. в Вене.

Около 1400 г. в Страсбурге было начато жестокое преследование еретиков-винкелеров; кроме Страсбурга их общины были в Майнце и Гагенау. В признаниях они называли своих единоверцев, живущих в Нордлингене, Ратасбоне, Аугсбурге, Тишенгене, Золотурне, Берне, Вейссенберге, Шпейере, Иольцгаузене, Верте, Фридберте и Вене. Хотя они и не были вальденцами, но имели так много общего с ними, что различие между этими двумя сектами заключается скорее в организации, чем в учении. В 1374 г. один из этих винкелеров перешел в католичество. Из боязни, чтобы он не выдал маленькой общины, его

убили; наемные убийцы принесли покаяние и получили прощение. Несколько лет спустя инквизитор, которому грозила подобная же месть, покинул город. Преследование окончилось осуждением до тридцати семейств; многим еретикам удалось остаться незамеченными. Среди них был только один знатный, который отрекся и лет двадцать спустя занимал видную должность в городе. Хотя несколько еретиков были сожжены в Ратисбоне, еретики Страсбурга подкупили инквизитора, и он приговорил несколько виновных только к епитимье. Доминиканцы требовали, чтобы еретики были сожжены, но городские власти ходатайствовали пред епископским судьей, и самым суровым наказанием было изгнание, однако для получения признания применялась пытка. После этих событий о винкелерах и вальденцах в Страсбурге не было слышно ничего до сожжения в 1458 г. еретика. В Германии святой трибунал более обращал внимание на бегардов, чем на вальденцев. Епископы и многие инквизиторы соединились против бегардов, но подозреваемые имели покровителей среди прелатов. Около конца 1393 г. эти могущественные друзья просили для бегардов покровительства Бонифация IX. Бонифаций 7 января 1394 г. в бреве немецким прелатам приказывал расследовать, не виновны ли подозреваемые в заблуждениях, осужденных Климентом V и Иоанном XXII, и не принадлежат ли они к какому-нибудь не утвержденному монашескому ордену. Если ничего этого не окажется, то папа соглашался поддерживать их. Это бреве до 20 октября 1396 г. оставалось в силе. Инквизиция, однако, посвоему изложила дело Бонифацию: в течение ста лет ереси скрывались под маской бегардов и бегинок; почти каждый год в разных городах империи сжигали не раскаявшихся еретиков; но всякому мероприятию против бегардской ереси мешали папские статуты, направленные к ее защите. Бонифаций буллой от 31 января 1396 г. снова привел в действие декреты Урбана V, Григория XI и Карла IV и приказывал инквизиции энергично преследовать бегардов и лоллардов. Эта мера позволяла притеснять католические общества наравне с еретиками Братями Свободного Духа. Некоторые епископы приказали священникам отлучать от Церкви и преследовать бегардов. Однако это усиление преследования вызвало новое вмешательство друзей жертв. Добрались, что Бонифаций снова издал буллу, подтвердив указ об уничтожении еретиков; папа добавляет, что существуют благочестивые общины, известные под именем

бегардов, лоллардов, и что члены этих общин должны просить милостыню и жить по принятому ими уставу. Он угрожает отлучением от Церкви всякому инквизитору, который будет притеснять их, если только эти бегарды и лолларды не будут признаны виновными духовными судьями епархии. Подобное решение было равносильно предоставлению дела на усмотрение местных властей. Святой трибунал добился от Бонифация IX подтверждения этих булл в 1395 г. В 1399 г. удалось увеличить до шести число инквизиторов для одной только доминиканской провинции Саксонии, которая охватывала огромные округа архиепископий Майнца, Кельна, Магдебурга и Бремена, к которым присоединялись еще Рюген и Камин. Камин принадлежал к Гнезненской провинции, а Рюген составлял часть епархии Роскильда, суффрагана Лундской митрополии в Швеции. Это единственный пример распространения инквизиционной юрисдикции на скандинавскую страну, если не считать бесплодной попытки ввести там инквизицию в 1421 г. вследствие волнений, вызванных гуситами.

Через несколько лет после этого увеличения могущества инквизиции в Саксонии Бонифаций издал новую буллу, приказывающую прелатам и светским князьям Германии оказывать помощь и покровительство монаху Эйларду Шеневельду и другим инквизиторам и предоставить свои тюрьмы в распоряжение инквизиторов. Эйлард энергично принялся за дело в странах, соседних с Балтийским морем. В 1402 г. он приказал муниципальным магистратам Любека арестовать дольчиниста; обвиняемый был неоднократно допрошен в присутствии многих духовных, монахов и мирян и сожжен. В 1403 г. инквизитор арестовал в Страсбурге священника, который был сожжен на костре как закоренелый еретик. В Ростоке Шеневельд осудил за ересь одну женщину, которая прогнала своего сына, цистерцианского монаха, убеждавшего ее отречься: она также погибла на костре.

В это время ересь подвергалась также преследованиям светских властей. В 1400 г. в Нидерландах городские власти Маастрихта прогнали флагеллантов. Сеньор Первейса заключил в тюрьмы целую толпу флагеллантов, а город Тонгр запер свои ворота перед этими фанатиками, и эта эпидемия безумия была прекращена.

Около 1400 г. после пятнадцатилетнего перерыва инквизитор-доминиканец поднял в Базеле против бегинов и бегинок борьбу,

тянувшуюся десять лет. В 1401 г. епископ Гумберт и городской совет по настоянию Иоанна Пасториса уничтожили общества бегинов и бегинок, которым было предоставлено на выбор или отказаться от жизни в общинах и от своей одежды, или покинуть город. Городские власти Берна, а потом и Страсбурга последовали этому примеру. Одни из бегинов и бегинок приняли предложенные им условия, другие удалились в изгнание. Многие из них тайно поселились в Майнце, но были открыты, и архиепископ Иоанн II приказал преследовать их как еретиков. Дело поручили Генриху фон Штейну, который взялся за него энергично. Беглецы, большинство из которых были женщины, попали в тюрьму; была заключена в тюрьму даже одна монахиня, а мальчика родом из Ротенбурга приговорили носить кресты.

От преследования инквизиции около 1397 г. был вынужден бежать в Вену с двумя своими учениками знаменитый наставник Братьев Свободного Духа Николай Базельский. Там все три еретика были открыты и арестованы. Знаменитый Генрих из Гессена (Лангенштейн) взялся обратить их; но они снова впали в заблуждение и были преданы костру.

Немного позднее в Констанце погиб бегард Бургин, основатель чрезвычайно строгой секты. Арестованный отказался отречься от своего учения и был сожжен. Чтобы скрыть свою принадлежность к запрещенному обществу Братьев Свободного Духа, их последователи в Брюсселе основали секту Людей Ума.

В 1414 г. секта флагеллантов (или Братьев Креста, как они сами себя называли) продолжала еще существовать. Некто Конрад Шмидт придал ереси окончательную форму. Развитие этого верования, отличающегося презрением и ненавистью к духовенству, показывает, что население продолжало видеть в Церкви чужеземную и угнетающую силу, какую она была в XII в. В его глазах Рим не научился ничему и по-старому оставался неверен закону Христа. Конрад Шмидт проповедовал свое заблуждение в Тюрингии, где и были в 1414 г. открыты его последователи в Зангергаузене. Прибыл инквизитор Шеневельд. Князьям Тюрингии и Мейсена было приказано помогать инквизитору уничтожать ересь. Широко применяли пытки, удалось схватить сразу много жертв. Шеневельд сжег девяносто одного еретика в Зангергаузене, сорок четыре в соседнем городе Винкеле и очень много в разных деревнях. Но ересь была настолько сильна, что это не

уничтожило ее: через два года, в 1416 г., были снова найдены еретики и снова был послан Эйлард, который допросил обвиняемых, наложил покаяние на отрекшихся и выдал упорствующих в руки светской власти. Шеневельд уехал до приведения казни в исполнение, а после его отъезда князья смешили покаявшихся с не покаявшимися и сразу в один день сожгли до трехсот человек. С этого времени секта флагеллантов потеряла всякое значение. Однако причины, породившие эту ересь, продолжали существовать; существовала тайно и сама ересь. В 1453 и 1454 гг. снова открыли в Тюрингии Братьев Креста, и инквизиция постаралась «образумить» их. Центрами секты были Ашерслебен, Зондерсгаузен и Зангергаузен; в последнем городе было сожжено в 1454 г. двадцать два человека, мужчин и женщин, как упорных еретиков. В 1481 г. было сожжено несколько человек в Ангальте, после чего деятельность секты постепенно прекратилась.

К началу XV в. папская инквизиция не имела во всех городах Германии организованные суды, но в местностях, зараженных или предрасположенных к заражению, Церковь принимала самые энергичные меры. В 1418 г. собор Зальцбургской провинции призвал епископов уничтожать ересь и применять каноны к светским властям, которые проявят в этом небрежность, и приказал также всем князьям и владетельным лицам хватать и заключать в тюрьму всякого, на кого прелаты или инквизиторы укажут им как на подозрительного. Таким образом, епископы в конце концов признали папскую инквизицию и стали оказывать ей помощь.

Несмотря на вмешательство Мартина V на Констанцском соборе, правоверных бегинов и бегинок продолжали притеснять. В 1431 г. на их защиту выступил Евгений IV. В булле, обращенной к немецким прелатам, он напоминает о благосклонном отношении к бегинам своих предшественников и о тех притеснениях, которым они, вопреки предписаниям Рима, подвергаются со стороны инквизиторов. Епископам поручалось заставить инквизицию уважать волю папы под угрозой духовных наказаний, не обращая внимание на привилегии и особую неприкосновенность врагов бегинов и бегинок; прелаты получили право отлучать от Церкви даже самих папских инквизиторов. Но если бегины пользовались покровительством папы, то Братьев Свободного Духа он продолжал деятельно преследовать. В Цюрихе были судимы и приговорены к ношению крестов наставник Братьев

Бурхард и его ученики; снова после этого уличенные в ереси, они были сожжены. В Ури также сожгли еретиков – Братьев Свободного Духа. В Констанце принудили такого еретика отречься от ереси. В Ульме много еретиков были присуждены к публичному покаянию. В Вюртемберге был наказан крупный ересиарх, вину которого удалось установить с великим трудом.

Вюрцбургский собор в 1446 г. принял канон Майнцкого собора 1310 г., предписывавший изгнание всех бродячих бегардов, которые проповедовали в глухих местах. В 1453г. Николай V официально присоединил бегардов, в качестве терциариев, к нищенствующим орденам. Некоторые из них повиновались. Но некоторые из Братьев Свободного Духа и правоверных бегардов обоого пола отказались подчиниться новому закону. Избранный в 1460 г. аббат в Гиршау изгнал всех бегинов из их дома в Альтбурге за их дурное поведение и поместил на их место доминиканских терциариев. За это бегарды составили против аббата заговор, первыми жертвами которого сами и пали. Бамбергский синод 1491 г. применил к бегардам постановление Клементин. Монах Иоганн из Моравии, умерший в Брюнне в 1492 г., прославился своей энергией в преследовании гуситов и бегардов. Но эти мятежные сектанты продолжали существовать; когда наступила Реформация, они много содействовали распространению учения Лютера.

Торжество гуситов в Чехии отразилось и в Германии; но здесь распространение ереси подверглось энергичному стеснению. В 1423 г. Сиенский собор строго приказал инквизиторам и епископским судьям каждое воскресенье торжественно предавать еретиков-гуситов проклятию во всех главных церквах; всем, кто будет помогать ловить еретиков, были обещаны индульгенции, как за поход в Святую Землю; то же было обещано и князьям, которые должны были арестовывать мятежников и изгонять их из своих владений. В 1420 и 1423 гг. в Ратисбоне, в 1424 г. в Вормсе и в 1426 г. в Шпейере были сожжены священники, принявшие учение Гуса. Даже после того как Базельский собор признал гуситов, в Германии их продолжали преследовать как еретиков. Около 1450 г. Иоганн Мюллер начал проповедовать учение Гуса во Франконии. Но он был вынужден бежать, а сто тридцать человек из его учеников были арестованы и препровождены в Вюрцбург, где они уступили перед убеждениями аббата Иоганна

Грумбахского и кафедрального проповедника магистра Антония и отреклись от заблуждений. Более печальная участь постигла в Швабии вальденца Фридриха Рейзера. В Гейльсбронне он примкнул к гуситам. В 1458 г. он был в Страсбурге открыт и арестован со своими сторонниками. Пытка вырвала у него все признания, которые от него потребовали; но он отрекся от своих слов. Ересиарх был сожжен одновременно со своей служанкой.

Между учением самых крайних гуситов и учением вальденцев было достаточно много общего. В 1467 г. остатки таборитов – Чешских Братьев легко нашли вальденцев на территории, отделяющей Австрию от Моравии, где они жили более двухсот лет. Эти сношения не остались незамеченными, и Церковь быстро захватила еретиков. Епископ вальденцев Стефан был сожжен в Вене; многие из вальденцев бежали в Моравию, другие – в Бранденбург, где существовали вальденские общины; эти общины, вскоре открытые, преследовали, но все же уничтожить их окончательно не удалось. Некоторые спасшиеся еретики переселились в Чехию, где их приняли в свою общину Чешские Братья. Тесная связь между Братями и вальденцами породила новую ересь, получившую особое название. В 1479 г. Сикст IV предложил вновь назначенному венскому инквизитору приложить все усилия к уничтожению гуситов и николинистов, получивших свое имя от Николая Силезского. Они принимали общее с Чешскими Братями учение: ничто не может оправдать убийства человека. Несмотря на гонения, существовало достаточно гуситов и вальденцев, заклятых врагов Рима, чтобы образовать группу недовольных и поддержать восстание, когда появился Лютер.

Много указаний предсказывало в XV в. неизбежность близкого разрыва. Между людьми, выражавшими презрение к власти Рима, наибольшею известностью пользовался Григорий Геймбургский, который доказывал на основании Св. Писания, трудов отцов Церкви и истории, что Церковь подчинена государству. В октябре 1460 г. он был объявлен еретиком. В октябре 1461 г. папа послал монаха проповедовать веру и предохранить верных от заблуждений, распространяемых Григорием; он приказал городским властям Нюрнберга отобрать имущество Григория и изгнать отлученного от Церкви или выдать его судьям, которые приговорили бы его к наказанию. Григорий бежал в Чехию к Юрию Подебраду. В 1471 г.

Подебрад умер, и Григорий переселился в Саксонию, где ему оказал покровительство герцог Альберт, примиривший его с Сикстом IV. На Пасху 1472 г. Григорий получил папское прощение, а в августе того же года умер после двадцати пяти лет непрестанной борьбы с папством.

Григорий Геймбургский олицетворяет восстание против Рима правящих классов, а Ганс Никлаусгаузенский представляет оппозицию официальной Церкви низших классов населения. Ганс Бёгейм, родом из Чехии, основался в Никлаусгаузене близ Вюрцбурга. Он утверждал, что Св. Дева поручила ему объявить народу, что Христос не может долее переносить гордость, алчность и сластолюбие духовенства и что мир погибнет из-за испорченности священников, если они не исправятся. Рим несправедливо правит Церковью. Он сам, Ганс Бёгейм, может давать индульгенции своим ученикам. Народ толпами валил из рейнских провинций, Баварии, Тюрингии, Саксонии и Мейсена послушать вдохновенного проповедника. Вюрцбургский епископ много раз запрещал паломничество в Никлаусгаузен, но все эти запрещения не имели никакого действия. Епископ в начале июля 1476 г. послал стражу схватить Ганса. Тот сознался под пыткой, что все его откровения были ложны, и был приговорен к костру 19 июля. Но даже и смерть ересиарха не открыла глаза его ученикам. Спустя три месяца майнцский архиепископ Дитер наложил интердикт на Никлаусгаузен, чтобы прекратить паломничества.

Григорий Геймбургский и Ганс Никлаусгаузенский воплотили в себе ненависть, которую питало против Рима все светское население от самого знатного до самого скромного из граждан. Иоганн фон Рухрат из Везеля свидетельствует, что это чувство разделяли и многие члены Церкви. Рухрат был одним из самых выдающихся богословов и проповедников, которыми могла в то время гордиться Германия. Подобно Лютеру, истинным предшественником которого он был, он начал с нападков на индульгенции по случаю юбилейного 1450 г. Шаг за шагом он дошел до отрицания за Церковью разных прав, до отрицания предания и отцов Церкви и до утверждения, что сила в одном только Писании.

Майнцскому архиепископу Дитеру Изембургскому в 1479 г. грозили от Рима большие неприятности, если он не выдаст Иоганна.

В Майнцской провинции не было инквизитора, и поэтому был послан кельнский инквизитор доминиканец Гергард фон Эльтен. Его

сопровождал брат Иаков Шпренгер, который еще не был инквизитором, но впоследствии занимал этот пост и сжег много колдуний. В то же время прибыли в Майнц богословы Гейдельбергского и Кельнского университетов, которые должны были участвовать в суде как эксперты и заседатели. Дело велось при открытых дверях, в присутствии многочисленных слушателей из светских и духовных лиц. Собрание началось 8 февраля 1479 г., под председательством инквизитора Эльтена, помощником которого был архиепископ Дитер. Иоганн хотел защищаться, но его прервали, обругали и пригрозили, так что он просил только прощения. После этого его подвергли долгому и утомительному допросу. Комиссии из докторов Кельна и Гейдельберга поручили решить судьбу обвиняемого. На другой день Иоганн снова явился и подвергся новому допросу, во время которого он попытался доказать справедливость своих теорий.

10 февраля приступили к обращению заблудшего. «Если бы Христос был здесь, – сказал Иоганн, – и если бы вы обращались с Ним так, как обращаетесь со мной, то вы осудили бы Его как еретика». Преклонный возраст, истощение сил, темная и холодная тюрьма сломили его упорство. Он публично отрекся и покаялся; его сочинения были сожжены в его присутствии, а сам он был приговорен к пожизненному заключению в августинском монастыре в Майнце. Он умер в 1481 г.

Карьера, сделанная одним из преследователей Иоганна, Шпренгером, показывает, что рвение инквизиторов прилагалось к уничтожению колдунов. Колдовство сделалось самой грозной ересью в конце XV в., и на остальные религиозные заблуждения не обращали особого внимания. В статутах, выработанных в 1491 г. бамбергским синодом, глава, посвященная ереси, останавливаясь на мельчайших подробностях колдовства и чародейства, упоминает только об одном отступлении от учения Церкви – утверждении, что таинства, совершенные нечистыми руками, недействительны. Приказывая считать виновным в соучастии всякого, кто не выдаст еретика, синод даже не упоминает об инквизиции. Но инквизиторы продолжали действовать, как это видно из попытки преследования Иоганна Рейхлина. Как глава гуманистов и главный представитель новой школы в Германии, Рейхлин принял участие в споре с доминиканцами, которые, будучи яркими томистами, готовы были до смерти защищать

схоластику. Когда Рейхлин выступил на защиту евреев и их литературы против нападков ренегата Пфэфферкорна, то тотчас же ухватились за представившийся случай, чтобы избавиться от него. В 1513 г. доминиканский инквизитор, приор Иаков фон Гохштратен, прибыл из Кельна в Майнц с намерениями осудить Рейхлина как еретика. Последний обратился с жалобой в Рим к папе Льву X, человеку просвещенному и гуманисту. Лев благосклонно принял жалобу и поручил шпейерскому епископу решить вопрос. Это был страшный удар инквизиционному могуществу. С Рейхлина было снято всякое подозрение в ереси, преследование было признано неосновательным, и издержки по делу были возложены на Гохштратена под угрозой отлучения его от Церкви в случае неповиновения. Этот приговор был утвержден Римом в 1515 г.; папа под страхом штрафа в три тысячи марок наложил молчание на обвинителей Рейхлина. Гуманисты торжествовали победу. Ульрих фон Гуттен опубликовал под псевдонимом Елевферия Бицена памфлет: он выставляет Гохштратена разбойником, который, в качестве обвинителя и судьи, преследует невинных. О доминиканцах Ульрих говорит, что они хуже турок. У позорного столба оказались доминиканский орден и все, что он представлял. Доминиканцы Кельнского университета открыто заявили, что они, если только папа не отменит своего решения, будут жаловаться первому же собору, откажутся подчиниться папскому решению, объявят, что Лев X больше не папа, и вызовут раскол. Лев X смирился и в 1516 г. отменил приговор. Между тем лютеранское движение становилось все более и более грозным; с каждым днем чувствовалась настоятельнее нужда в поддержке доминиканцев, и в 1520 г. Лев окончил все дело, отменив решение шпейерского епископа, наложил на Рейхлина молчанье и возложил на него все убытки. Мало того, Гохштратен был восстановлен в своих обязанностях. Но было уже слишком поздно, чтобы эти запоздалые поправки могли принести какую-нибудь пользу инквизиции, в услугах которой Церковь нуждалась теперь более чем когда-либо прежде. Когда 31 октября 1517 г. Лютер прибил к церковным дверям в Виттенберге свои тезисы относительно индульгенций, то инквизитор вроде Бернара Ги сумел бы заставить его замолчать или принудить к публичному отречению, которое уничтожило бы его влияние, или отправил его на костер, если бы он отказался смириться. Но инквизиция никогда не пускала

глубоких корней на германской почве; а в начале XVI в. у Гохштратена были связаны руки; инквизитор Баварии и Франконии доктор Иоганн Экк был сам гуманистом, способным спорить и грозить, но не действовать; инквизитор Северной Германии Тецель сознавал свое бессилие и ограничивался только тем, что нападал на смелого новатора, поносил его и называл архиеретиком, дерзким и мятежным схизматиком.

В Германии не было национальной Церкви; духовенство было подчинено Риму, и это подчинение с каждым днем становилось все более тяжелым благодаря финансовым условиям; но не было ничего, что могло бы занять место инквизиции. Известная свобода слова стала обычным явлением, и на нее смотрели с некоторою терпимостью, если только не страдали от этого доходы св. Петра. Подобное положение дела, объясняет, возможно, тот факт, что значение восстания Лютера было лучше понято в Риме, чем на месте. Когда генеральный аудитор папской канцелярии объявил Лютера официально еретиком, то легат в Германии, кардинал Каэтано, написал в Рим, что сумеет сам окончить дело, что нечего представлять папе этот ничтожный вопрос. Легат не исполнил данного ему приказания арестовать Лютера. Через год Лев X отправил Каэтано новое послание с приказанием вызвать доктора Мартина и после тщательного допроса или оправдать его, или осудить. Раньше, чем Каэтано получил эти новые предписания, Лютер явился к нему согласно прежнему вызову; но, объявив себя во всем покорным сыном Церкви, он проявил грозную независимость и остался безнаказанным. Легат, если бы и захотел прибегнуть к силе, то не имел бы никакой возможности нарушить указы аугсбургских магистратов о покровительстве Лютеру. Преследование было парализовано, и неизбежная Реформация пошла своим путем.

Глава 7. ЧЕХИЯ

Чехия составляла часть большой майнцской архиепископии, которая плохо наблюдала за столь удаленным округом. В такой сравнительно независимой Церкви, естественно, было открытое поле для деятельности еретических миссионеров. Вальденская ересь уже сравнительно рано распространилась среди чехов.

Пассауский инквизитор около середины XIII в. описывает цветущее положение вальденских церквей в Австрии, вдоль чешской и моравской границы. На западе еретики были в ратисбонской епархии. Иннокентий IV пригласил в 1245 г. венгерских прелатов помочь искоренять ересь, так как не рассчитывал на духовенство Чехии, и так как там не было еще инквизиции. Иннокентий утверждает, что ересь распространилась здесь широко не только среди простого народа, но также среди князей и вельмож. Всех последователей ереси папа отлучил от Церкви; земли их были конфискованы в пользу первого пришельца; всякий, кто после отречения снова впадет в ересь, строго, согласно с канонами, будет выдан без суда в руки светской власти. В 1257 г. король Пржемысл Отокар II просил Александра IV помочь ему подавить ересь, которая все продолжала распространяться; ответом на эту просьбу было введение инквизиции в Чехии. Полномочия инквизиторов на Чехию и Моравию получили от папы два францисканца. Следов их деятельности не сохранилось. В 1301 г. пражский синод отметил быстрое распространение ереси и всем приказывал доносить обо всем, им известном, епископским инквизиторам. Так что до этого времени, очевидно, применявшиеся в других местах законы о розыске и наказании еретиков в Чехии не применяли.

В 1318 г. пражский епископ был вызван Иоанном XXII в Авиньон по поводу обвинений, возведенных на него вышеградским каноником в соумышлении ереси. Каноник утверждал, что еретики были многочисленны и хорошо организованы. На основании того, что каноник доносил об их верованиях, можно заключить, что они были одновременно вальденцами и луциферианами. В это время луциферианизм процветал в Австрии, откуда проник в Чехию. Две эти ереси вполне уживались в стране. Епископ разрешил своим

инквизиторам применять к этим еретикам строгие меры только по настоящему требованию короля Иоанна Люксембургского. Четырнадцать из обвиняемых были признаны виновными и выданы светской власти; но вмешался епископ и велел выпустить их на свободу, за исключением врача Ричарда, оставшегося в тюрьме. Епископ лишил милости инквизиторов, которые были его личными агентами, а не папскими делегатами. Все это было со стороны прелата огромным преступлением; и он поплатился за это многими годами плена в Авиньоне. Возможно, одной из причин нападков на него было его враждебное отношение к францисканцам.

Таким образом, внимание папства было привлечено существованием ереси в Восточной Европе и неудовлетворительностью местной организации, предназначенной бороться с ересью. Были приняты меры к введению святого трибунала. В 1318 г. Иоанн XXII назначил доминиканца и францисканца инквизиторами краковской и бреславльской епархий; одновременно с этим в Чехию и Польшу были назначены инквизиторы доминиканец и францисканец. Духовным и светским властям было приказано помогать им по их первому требованию. Польша, несомненно, не менее Чехии нуждалась в надзоре инквизиторов, так как краковский епископ был так же нерадив, как и его пражский коллега, и в 1319 г. он получил от Иоанна XXII строгий выговор за мягкость и небрежность, благодаря которым еретики сделались дерзкими в его епархии. В 1327 г. Иоанн приказал доминиканскому провинциалу Польши назначить инквизиторов, чтобы остановить волну ереси, шедшую с Запада. Германия и Чехия высылали монахов-миссионеров. Король Владислав приказал правителям своих городов всемерно помогать инквизиции.

Энергичная деятельность преследователей увенчалась успехом. Среди еретиков были и Братья Свободного Духа, но большинство их составляли вальденцы, у которых была в Чехии прекрасно организованная Церковь, высылавшая проповедников в Моравию, Саксонию, Силезию и Польшу. Инквизиторы, назначенные Иоанном XXII, приняли энергичные меры к подавлению ереси. В 1330 г. городами, наиболее зараженными ересью, были Сааз и Лон. Еретиков было много в Праге и ее окрестностях. Поэтому в 1335 г. Бенедикт XII назначил францисканца инквизитором в Ольмюцскую епархию, а доминиканца – в Пражскую. Всем прелатам было приказано оказывать

им содействие, а королю Иоанну и его сыну, будущему императору Карлу IV, управлявшему королевством, папа предложил обнажить меч против врагов веры. Инквизитор в Праге был деятелен: в 1344 г. в его руках находилось несколько конфискованных домов.

В польской провинции Силезии ересь и преследование развились широко. Епископ Бреславльский назначил инквизиторами доминиканцев и францисканцев, усилиями которых в 1315 г. в Швейднице было сожжено пятьдесят человек; также были аутодафе в Бреславле, Нейссе и в других местах. Это преследование не прекратило враждебного отношения народа к Церкви; немного позднее там появился ересиарх Иоанн Пирна, который открыто учил, что папа – антихрист, а Рим – вавилонская блудница и синагога сатаны. Городские власти и народ приняли в Бреславле его учение. В 1341 г. в Бреславль был назначен из Кракова инквизитор, которому было поручено уничтожить эту ересь. Еретики подняли население против инквизитора; последний был убит. За это преступление на жителей наложили унижительную епитимью, а кости Иоанна Пирны были вырыты и сожжены. Силезия осталась центром ереси, которую сменявшие друг друга инквизиторы, епископские и папские, не могли уничтожить.

В 1344 г. Прага была отделена от далекого Майнца и образовала самостоятельную архиепископию; Карл, в то время маркграф Богемский, назначил архиепископом Арнеста из Пардубиц. Через два года Карл был избран избирателями Трира и Кельна императором Священной Римской империи в противовес Людовику Баварскому, как опора папства; месяц спустя Карл вступил на чешский трон. В 1347 г. в Праге был основан университет. Расположение папы и императора немедленно придало этому учреждению особый блеск. Архиепископ Арнест занял пост канцлера, кафедры были заняты учеными схоластиками; студенты стекались со всех концов Европы, и вскоре этот университет соперничал по числу студентов и по своей известности с более старыми университетами Оксфорда, Парижа и Болоньи.

Чехия во вторую половину XIV в. была одним из самых свободных, просвещенных и богатых королевств Европы. Но и нигде духовенство не было так испорчено и не отличалось более светским характером; процветали все злоупотребления, которые только были возможны при неприкосновенности лиц духовного звания. В 1344 г. Климент VI обратился к Арнесту, в то время еще только пражскому

епископу, с посланием, в котором обращал внимание прелата на чересчур частые злоупотребления и скандалы в его епархии. В те же годы и в Германии, и в Чехии Церковь постоянно подвергалась поборам со стороны курии для восполнения ее собственных расходов. И папам в этих условиях приходилось считаться с неудовольствием, порожденным поборами, а также с общим усилившимся убеждением, что именно продажная и испорченная римская курия стала очагом заразы для всей Европы.

Чехия была страной для пап особенно опасной, глубоко зараженной ересью. Архиепископ Арнест сейчас же после своего избрания приступил к решительному исправлению нравов своего духовенства и искоренению ереси. В последнем ему много помогал Карл IV, этот «император попов». Арнест часто собирал синоды и учредил институт «Корректоров», на обязанности которых лежало посещать разные местности провинции и карать всякого, отступившего от истинной веры; он учредил также епископскую инквизицию, назначением которой было преследование и уничтожение ереси. Архидиаконам было приказано предпринять лично, или через деканов, или через приходских священников тщательное расследование в их епархиях, не возбуждая подозрения виновных; о всяком, кто будет найден виновным или подозреваемым в ереси, необходимо сейчас же донести архиепископу или инквизитору. Подобные же инструкции были снова изданы в 1353 г.

После смерти Арнеста в 1364 г. его преемник Иоанн проявил не меньшую бдительность, как это видно из бывших при нем синодов в 1366 и 1371 гг. В 1381 г. епископ Иоанн в качестве папского легата на свою провинцию и на епархии Ратисбона, Бамберга и Мейсена на соборе в Праге отмечал успех вальденцев и бегардов. Он резко порицал епископов, которые по небрежности или по скупости не назначали инквизиторов, и грозил, что сам назначит в своих епархиях инквизиторов.

В стараниях уничтожить ересь действовала только епископская инквизиция; по крайней мере ни до, ни после 1372 г. в Чехии не было еще папской инквизиции. Умственное движение, вызванное Пражским университетом, порождало много людей, замечательных не только по своей эрудиции и благочестию, но и по той смелости, с которой они нападали на пороки Церкви и подвергали сомнению существенные

вопросы догматического учения. Появление этих предшественников Гуса показывает, насколько на население Чехии влияло вальденское учение.

Первым из этих предшественников был Конрад Вальдгаузенский, умерший в 1369 г. Он был строгий католик, но в своих речах обличал пороки духовенства и нищенствующих монахов. Милич из Кремзира, который в 1363 г. занял должность частного секретаря императора, смело нападал на преступления духовенства и народа. Чтобы избавиться от этого противника, белое духовенство донесло на него императору и архиепископу; но из этого ничего не вышло. Тогда составили против него обвинительный акт из двенадцати пунктов и послали его папе, и в январе 1374 г. Григорий XI издал буллы, в которых Милич объявлялся закоснелым ересиархом и ему ставилось в вину, что он наполнил своими заблуждениями всю Чехию, Польшу и Силезию. По словам обвинителей, Милич проповедовал, что антихрист уже пришел, что Церковь мертва и что папы, кардиналы, епископы и прелаты не видят истины. Против Милича было возбуждено инквизицией преследование. Тогда он подал жалобу папе. В пост 1374 г. он прибыл в Авиньон, без труда доказал свою невиновность, и 21 мая ему было разрешено проповедовать среди кардиналов. Умер он 29 июня до опубликования окончательного оправдательного решения.

Дух мятежа и волнения не ограничился одним разоблачением злоупотреблений духовенства; некоторые стали подвергать сомнению догмы, порождавшие их. Лучшим выразителем этого направления был Матвей из Янова, который начал проповедовать такие ереси, что его не могло защитить от преследования даже покровительство самого епископа. На синоде 1389 г. он был вынужден публично отречься от того, что он видел идолопоклонство в иконах, отрицал мощи и значение предстательства святых, настаивал на необходимости ежедневного причастия для всех. Ему было запрещено на шесть месяцев проповедовать и исповедовать всюду кроме своей приходской церкви.

На том же синоде священник Андрей должен был также отречься от еретического ученья об иконах; священнику Иакову на десять лет запретили проповедь за то, что он еще более дерзко проповедовал подобные же учения, добавляя, что утверждения святых отцов Церкви не заслуживают никакого доверия. Дорогу к близкому восстанию

прокладывали еще и другие: Генрих Ойта, Фома Штатный, Ян Стекно и Матвей Краковский.

Мало-помалу человеческая мысль освобождалась, и когда в 1393 г. в Праге проповедовали папскую индульгенцию, настоятель церкви Св. Мартина в Альтштадте, Венцеслав Роль, осмелился заявить, что это простой обман. Подобное положение вещей было весьма благоприятно для развития вальденской ереси. Миссионеры, пришедшие из Чехии, основали вальденские общины в Бранденбурге и Померании. Один хорошо осведомленный писатель говорит в 1395 г., что этих еретиков насчитывали тысячами в Тюрингии, Мейсене, Чехии, Моравии, Австрии и Венгрии, хотя тысячи из них были в течение двух лет обращены в местностях, находившихся между Тюрингией и Моравией.

В то время, когда Чехия была театром волнения, подобные же движения зародились в Англии. Со дня установления при Григории VII теократии никогда иерархии не грозила большая опасность, как с выступлением Уиклифа. Впервые выдающийся ученый богослов и философ, а не простой монах или крестьянин, решился поднять вопрос о господстве Церкви в земной и загробной жизни ее членов. Он указывал на противоречия между Св. Писанием и официальным учением Церкви и поведением духовных лиц.

Тайна влияния Уиклифа в том, что все выводы его были результатом горячего и кропотливого искания истины; он не щадил ни князей, ни прелатов. Все, от крестьянина до схоластика, признавали в нем своего вождя. Деятельность Уиклифа продолжалась довольно долго. Простые вальденцы Испании и Германии стали с этого времени известны под общим именем уиклифитов. Но сохранилось его учение благодаря его чешским последователям, на родине же ересиарха, в Англии, его труды были уничтожены общими усилиями Церкви и государства.

Ересь Гуса была почти точным воспроизведением учения Уиклифа. Года через четыре после смерти Уиклифа, в 1388 и 1389 гг. были составлены против учеников покойного обвинения из двадцати пяти пунктов; написанные ими на английском языке опровержения представляют краткое изложение учения. Пункты его учения касались вопросов контроля Церкви над душами и участием верующих и злоупотреблений, проистекавших из мирских интересов и распущенности духовенства.

Учение Уиклифа уничтожало всякую идею о предстательстве человека, о молитвах святым, об оправдании добрыми делами, одним словом, все, что выдвинула Церковь, чтобы взять в свои руки и продавать вечное спасение. Уже в 1377 г. Григорий XI приказал возбудить преследование против Уиклифа, как против еретика. Но в силу политического положения страны все усилия привести в исполнение эти распоряжения не имели успеха. Уиклиф не был даже ни разу отлучен от Церкви и умер спокойно в своем Лёттеруортене 31 декабря 1384 г. Рим не предпринимал никаких новых действий, пока не возник вопрос о ереси Уиклифа в Праге. В 1409 г. папа Александр V приказал архиепископу Збинку запретить распространение заблуждений и чтение книг Уиклифа; но тем не менее когда в 1410 г. Иоанн XXIII передал еретические сочинения на рассмотрение комиссии из четырех кардиналов, а последние пригласили для этого целое собрание богословов, то большинство высказалось, что архиепископ Збинек, сжегши эти книги, не достиг ничего. Формальное и решительное осуждение было произнесено только в 1413 г. на Римском соборе, а затем на Констанцском соборе 1415 г. Уиклиф был объявлен ересиархом, было приказано вырыть его останки, и заблуждения его были заклеены авторитетом вселенской Церкви.

Гус, во всем следовавший Уиклифу, до конца мог верить в подлинность ложных грамот, принесенных в 1403 г. из Праги, в которых оксфордский университет объявлял Уиклифа прекрасным католиком; он мог также вполне чистосердечно утверждать, что книги Уиклифа постоянно читали и изучали в стране и Парижском университете с 1390 г.

До этого времени никто из чехов не пошел так далеко, как смелый англичанин; однако многие следовали потому же пути, не говоря уже о тех, кто тайно исповедовал вальденскую ересь, а также и о массе немецкого населения, возмущенного продажей духовных мест и торговлей индульгенциями.

Движение, которое с середины столетия шло в Чехии, все усиливаясь, получило новый толчок, когда стали читать и распространять в бесчисленных списках сочинения Уиклифа. В одной рукописи Венской библиотеки перечислены девяносто его сочинений, известных в Чехии, и остатки многотомных трудов Уиклифа, большая часть которых была в Англии уничтожена, следует искать в этих

немецко-славянских землях. Со временем Уиклифа стали почитать как пятого евангелиста. Насколько велико было его прямое влияние, видно из той точности, с какой Гус воспроизвел до мельчайших подробностей учение Уиклифа.

Ян из Гусинца, более известный под именем Гуса, бывший главным представителем и первым мучеником уиклифизма в Чехии, родился, как полагают, в 1369 г. и вследствие бедности своих родителей должен был рано начать зарабатывать на жизнь. В 1393 г. он получил степень бакалавра свободных наук, в 1394 г. бакалавра богословия, в 1396 г. степень магистра свободных наук; но степени доктора он не имел никогда, хотя уже в 1398 г. он был лектором университета. В 1401 г. он стал деканом богословского факультета, а в 1402 г. - ректором. Его первые шаги не позволяли думать, что из него выйдет реформатор; в 1392 г. он истратил свои последние четыре гроша на покупку индульгенции, не оставив себе ничего на иную еду, кроме черствого хлеба. В 1400 г. он был посвящен в священники, а через два года назначен проповедником в Вифлеемской часовне, где благодаря своему красноречию вскоре сделался духовным руководителем народа. Немного позднее он начал изучать сочинения Уиклифа и сильно почувствовал пороки испорченной церкви; а когда в 1403 г. архиепископ Збинек из Гасенбурга назначил Гуса проповедником на ежегодных синодах духовенства, то он обратился к собравшемуся духовенству с резкими упреками по поводу его развратной и дурной жизни, вызывавшей к нему ненависть и презрение всех людей. В 1407 г. после особенно резких нападок духовенство пришло в ярость и пожаловалось на Гуса архиепископу Збинку; Гус лишился места проповедника. В это время он был признанным главою партии, старавшейся очистить Церковь и вернуть ей древнюю простоту. Около него сгруппировались люди ученые и выдающиеся своим благочестием: Стефан Палеч, Станислав из Цнаима, Ян из Есинца, Иероним Пражский и др. Гус по своим умственным дарованиям стоял ниже некоторых своих соратников, но его неустрашимый характер, несокрушимая прямота, чистота жизни и мягкость характера вызывали к нему огромные симпатии народа, непререкаемым авторитетом для которого вскоре он сделался.

Старая вражда и ненависть между немцами и чехами обостряли религиозный спор. Благодаря своим порокам и гнету духовенство не

пользовалось уважением у народа; с жадностью люди слушали горячие нападки Вифлеемского проповедника; и учение Уиклифа, подрывавшее все основы иерархической системы, принималось как непреложная истина и распространялось среди всех слоев общества. Король Венцеслав и королева София готовы были оказать им всякую поддержку.

Духовенство и его друзья не могли спокойно позволить лишиться себя привилегий и богатств. Проповедников, обличивших пороки духовенства, заключили в тюрьму как еретиков и изгнали. Против сочинений Уиклифа было поднято ожесточенное преследование. Слабой стороной этих сочинений с богословской точки зрения было учение о пресуществлении (превращении хлеба и вина в плоть и кровь Христа). Хотя Гус и его ученики и не приняли этого учения, но все же оно оставалось слабым местом, где легко было произвести нападение. Синод 1405 г. самым решительным образом подтвердил учение о пресуществлении; всякий, несогласный с этим, был объявлен еретиком и на него приказано было доносить архиепископу, чтобы тот наказал его. В 1406 г. это было снова подтверждено в еще более угрожающей форме, откуда можно заключить, что теории Уиклифа имели упорных защитников; это засвидетельствовано также и небольшим трудом Фомы Штатного, написанным в 1400 г. Уже в 1403 г. университет формально осудил двадцать пять положений, извлеченных из сочинений Уиклифа. По поводу этих книг возник ожесточенный спор. В 1408 г. осуждение было подтверждено; в 1410 г. архиепископ Збинек торжественно сжег во дворе своего дворца двести экземпляров запрещенных книг.

В борьбе против уиклифитов король Венцеслав благоразумно остался нейтральным; в 1408 г. он склонил университет послать депутацию кардиналам, которые не повиновались ни Бенедикту XIII, ни Григорию XII. Среди депутатов находились Стефан Палеч и Станислав Цнаимский, но в Болонье депутация в полном ее состав попала в руки папского легата Бальтасара Косса (впоследствии папы Иоанна XXIII), который всех депутатов заключил в тюрьму как подозреваемых в ереси, и только с большим трудом удалось добиться их освобождения. Это охладило рвение Стефана и Станислава; они из самых горячих друзей Гуса стали его самыми опасными и неумолимыми врагами.

В этом деле университет не пошел навстречу желаниям короля. Гус воспользовался недовольством Венцеслава, чтобы вызвать

революцию в университете, который до этого времени более всех мешал его проектам реформы. Университет, как обычно, был разделен на четыре национальности, из которых каждая имела голос, и, таким образом, голоса иностранцев всегда подавляли голос чехов. Было решено поэтому ввести порядок Парижского университета, где французы располагали тремя голосами, а все иностранцы вместе – одним. Нерешительность Венцеслава затянула решение, и король подписал указ только в январе 1409 г. Тогда профессора и студенты-немцы поклялись или добиться отмены этого указа, или покинуть университет; все их протесты не привели ни к чему, и они, покинув Прагу, основали свой университет в Лейпциге и распространили по всей Европе слух, что Чехия – гнездо еретиков. Уиклифизм беспрепятственно стал распространяться на всю страну. Тщетно Александр V и Иоанн XXIII приказывали Збинку уничтожить ересь; тщетно воинственный прелат созывал собрания и издавал грозные указы. Збинек, в конце концов, отказался в 1411 г. от своей неблагодарной кафедры и вскоре умер.

Новый архиепископ Альбик из Уничова, бывший до этого врачом Венцеслава, был совершенно неспособен бороться с новым учением. Он в 1413 г. отказался от своих обязанностей. Его преемник Конрад из Вехты после некоторого колебания связал свою судьбу с судьбою сторонников Гуса. Во время этих волнений в Праге основалась папская инквизиция, но и она в гуситском движении не заметила ничего такого, что требовало бы ее вмешательства. Однако она была в состоянии действовать против вальденцев и других признанных еретиков. Когда в 1408 г. король Венцеслав приказал архиепископу Збинку произвести тщательный розыск ереси, то священник церкви Св. Духа в Праге Николай из Виллемоница был осужден как еретик инквизиторами и заключен в тюрьму за утверждение, что он может с разрешения Христа проповедовать без разрешения епископа. Гус вступился за узника, но освобождение его было отложено, так как он отказался на Евангелии подтвердить клятву, данную им перед Богом.

Ян Гус

Одним из обвинений, выставленных против Гуса в Констанце, было проявление им расположения к вальденцам и другим еретикам. Однако, предпринимая свое роковое путешествие в Констанц, Гус получил от папского инквизитора, епископа Назаретского Николая, официальное удостоверение, заверенное нотариусом, в котором говорилось, что инквизитор знает Гуса уже давно и очень коротко, что никогда не сдыхал от него ни одного еретического слова и что никто никогда не доносил инквизиции на него как на еретика. Но между учением Гуса и вальденцев было очень много общего, так что Гус не мог не чувствовать некоторой симпатии к этим еретикам. Во время этого смутного времени влияние вальденцев сильно возросло, и еретики действовали открыто.

Уже с 1371 г. часто учение Уиклифа проповедовали в Чехии странствующие священники, несмотря на многократно повторяемые запрещения им проповедовать. Народ толпами сбегался слушать

проповедников, не обращая внимания на отлучения от Церкви; знатные и крестьяне с жадностью принимали новое учение. В 1410 г. на другой день своего избрания Иоанн XXIII передал кардиналу Колонна доносы, поступившие в Рим на Гуса, и 20 сентября Колонна потребовал его личной явки. Гус послал уполномоченных подать папе жалобу на это решение кардинала; но их заключили в тюрьму; и, когда в феврале 1411 г. Колонна отлучил Гуса от Церкви, жалоба его не была еще рассмотрена. 15 марта отлучение было объявлено во всех пражских церквях, за исключением двух. Так как народ принял сторону Гуса, то весь город был предан интердикту, на который никто не обращал внимания, и Гус продолжал проповедовать. Энергичную оппозицию со стороны чехов вызвало и то, что в конце 1411 г. Иоанн XXIII объявил крестовый поход, оплачиваемый индульгенциями, против Владислава Неапольского, поддерживавшего притязания на папство Григория XII. Стефан Палеч, еще остававшийся другом Гуса, был в это время деканом богословского факультета. Едва вырвавшийся из Болонской тюрьмы, он не решился идти против Иоанна XXIII и объявил, что никакая власть не может мешать распространению индульгенций. Гус выступил против Стефана; этот спор превратил их дружбу во вражду. 16 июня 1412 г. Гус в проповеди резко осудил индульгенции и заявил, что продавцы индульгенций – воры, которые ловким обманом отбирают то, чего не могут взять силой; на несправедливое отлучение от Церкви, произнесенное папою, не стоит обращать внимания. Пассауский декан Венцеслав Тим, уполномоченный проповедовать крестовый поход в Чехии, отдавал продажу индульгенции на откуп дававшим больше; это еще более увеличивало общее негодование.

Через несколько дней после проповеди Гуса толпа, предводительствуемая Вуком из Вальдштейна, любимцем короля Венцеслава, прибила буллы об индульгенции к позорному столбу, который затем торжественно сожгла. Этот поступок остался безнаказанным, и Вук продолжал пользоваться дружбой короля. Поражение папы было полное – 12 июля в трех церквях три молодых ремесленника, Ян, Мартин и Станислав, прервали проповедников, объявлявших об индульгенциях, и заявили, что индульгенции – обман. Несмотря на вмешательство Гуса, они были арестованы и казнены; много других мятежников было заключено в тюрьму и подвергнуто пытке. Тогда вспыхнули беспорядки, узников выпустили на свободу.

Иоанн XXIII (бывший разбойник, развратник и казнокрад), низложенный Констанцским собором, вновь предал Гуса отлучению от Церкви и повелел скрыть Вифлеемскую часовню; сторонники Гуса были отлучены от Церкви: всякий, кто в тридцатидневный срок не отречется от ереси, должен был лично явиться перед римской курией. Но, несмотря на все это, Гус продолжал проповедовать; когда же была сделана попытка арестовать его на самой кафедре, то прихожане не допустили этого. Гус обратился к собору и в резких выражениях доказывал, что вынесенное против него решение не имеет никакой силы. В вышедшем вскоре после этого трактате «О церкви» Гус резко заявил, что алчный папа является заместником Иуды Искариотского, кардиналы, если они не входят дверями Христа, – разбойники и воры. Однако из-за присутствия Гуса в стенах Праги были прекращены все церковные службы. По просьбе короля Гус удалился в Козий-Городок, откуда руководил своими сторонниками в городе. Здесь он написал много обличительных сочинений, в том числе трактат «О церкви», который был публично прочитан в Вифлеемской часовне 8 июня 1413 г.

Тщетно старался король Венцеслав прекратить все возраставший накал страстей, усугублявшихся взаимной ненавистью немцев и чехов. Первая половина 1413 г. прошла в спорах, проповедях, памфлетах, которые только возбуждали страсти сторон. Спор привел к вопросу о причинах испорченности духовенства, которые, как ясно видел это Уиклиф, Гус и их ученики, были неразрывно связаны с основными принципами, на которых покоилось все здание римской Церкви: или «власть ключей» была непреложной истиной, от которой зависело спасение человеческого рода, или это был ловкий и дерзкий обман, удовлетворявший честолюбие и алчность.

Венцеслав решил прекратить распри изгнанием вождей «консервативной» партии, Стефана Палеча, Станислава и Петра Цнаимских и Яна Илию. Гус и его единомышленники брали верх в стране. В то время, как в Чехии защитники старого порядка теряли свое влияние, было решено созвать собор, который положит конец Великому Расколу, произведет реформу Церкви и уничтожит ересь. Уже много было сделано попыток добиться этого, но политика итальянских пап отодвигала окончательное решение. Вражда одновременно избираемых разными кликами пап чрезвычайно осложняла задачи европейской политики. Особенно это отражалось на Германии, где всякий князь или

независимый прелат выбирал себе папу, какого хотел, что вело к сильным и непримиримым ссорам. Не менее актуальным был и вопрос о реформе духовенства, злоупотребления, испорченность, продажность и распущенность которого давали себя чувствовать всем. Вновь актуальной стала и борьба против ереси, так как дела в Чехии принимали грозный характер, и император Сигизмунд, в качестве наследника своего бездетного брата Венцеслава, был заинтересован в успокоении королевства. Тщетно пытался Иоанн XXIII добиться того, чтобы собор состоялся в Италии, где для Св. Престола было бы возможно руководить решениями. Все, кроме итальянцев, настаивали, чтобы было избрано другое место. Сигизмунд выбрал епископский город Констанц. Иоанн, теснимый Владиславом Неаполитанским и изгнанный из Рима, был вынужден уступить и 9 декабря 1413 г. издал буллу, созывавшую собор 1 ноября 1414 г. На собор, кроме прелатов и духовных, должны были явиться также все князья и независимые владетели или прислать своих уполномоченных. Булла сопровождалась императорскими указами, подписанными Сигизмундом, так что можно было быть уверенным, что государство и Церковь объединятся, чтобы добиться желанного всеми результата.

Уже то, что этот собор был созван, чтобы рассудить соперничавших пап, показывает, что его считали выше наместника Петра. Решение его должно было быть безапелляционно. Хроникер утверждал, что, кроме членов собора, прибыло в Констанц шестьдесят тысяч пятьсот лиц, из них шестнадцать тысяч знатных, рыцарей и князей. И для Сигизмунда, и для Венцеслава было чрезвычайно важно, чтобы какое-либо окончательное решение положило конец борьбе, разрывавшей чешскую Церковь. Не поехать для Гуса теперь значило отказаться от дела всей своей жизни, признать себя еретиком. Много чешских духовных лиц, его противников, не преминут представить его идеи в ложном свете, и если он сам не будет защищать свое дело, то все будет потеряно. Кроме того, Гус считал себя вполне согласным с Церковью и думал, что собор благосклонно отнесется к его взглядам. Он надеялся склонить прелатов на сторону выработанных им реформ и на то, что они не посмотрят на него как на еретика, которому по законам инквизиции предстоит выбор между отречением и костром.

Гус приготовил три речи. В первой доказывалось, что закона Христа достаточно для управления Церковью; вторая представляет

полное изложение его учения; в третьей Гус объявляет причиной расколов и беспорядков гордость, алчность и пороки духовенства. Гусу (уже в Констанце) был вручен императорский и королевский охранный лист. Гус явился на собор в Констанц к его открытию, хотя сам не был вполне уверен в своей безопасности. В запечатанном письме, которое он оставил своему ученику, магистру Мартину, и которое надлежало вскрыть только по получении известия о его смерти, говорится, что он подвергся преследованию из-за желания обуздать распущенность нравов лиц духовного звания, и он опасается, что эти преследования будут доведены до крайности. Однако Гус принял некоторые меры предосторожности: взял удостоверение от Назаретского епископа, инквизитора Николая, и велел также расклеить по всей Праге составленное на латинском и чешском языках извещение, что он готов явиться перед архиепископом, который тогда председательствовал на собрании чешского духовенства; он приглашал всех противников своего вероучения явиться и выступить против него с обвинением или пред прелатом, или пред Констанцским собором и заявлял, что готов подвергнуться наказанию за ересь, если будет признан виновным, с условием, что обвинители, если не докажут своих обвинений, подвергнутся наказанию, равному по силе обвинению. Гус был принят архиепископом, который являлся также папским легатом. Он удостоверил верность Гуса католичеству, если не считать отлучения от Церкви. Нотариально засвидетельствованная копия этого акта была передана Гусом Сигизмунду.

Гус выехал в Констанц 11 октября 1414 г. в сопровождении трех друзей, Яна Хлумского, Вацлава Дубы и Генриха Лаценбока, назначенных Сигизмундом охранять его. Имя Гуса уже было известно по всей Германии. Его встречали как важного гостя, а не как отлученного; ни одно место, где он останавливался, не подвергалось интердикту. Во всех городах он прибывал к церковным дверям извещения о том, что отправляется в Констанц, чтобы защищать свою веру, и приглашал явиться всех, желавших опровергнуть его.

2 ноября Гус прибыл в Констанц. После непродолжительного спора один из пап-соперников Иоанна XXIII снял с него отлучение и разрешил ему свободно посещать церкви: в то же время ему предложили не являться на торжественное открытие собора. В Констанц прибыли два его самых ожесточенных врага, Михаил

Дейчброд и пассауский декан Венцеслав Тим, к ним присоединился Стефан Палеч, привезший с собой ловко сделанные выборки из наиболее крайних сочинений Гуса. Тим торговал в Праге индульгенциями, его «дело» сорвал Туе. Пражский священник Михаил Дейчброд уверил короля Венцеслава, что может сделать производительными заброшенные золотые копи близ города. Король дал ему на это предприятие много денег, но он бежал с деньгами в Рим, где купил себе место прокуратора. В 1412 г. он послал в Рим обвинения против Гуса, но последний заявил, что они ложны. На другой день по приезде Гуса в Констанц Михаил прибил на дверях церкви объявление, что он будет обвинять на соборе Гуса, как отлученного от Церкви и подозреваемого в ереси.

В глазах католиков было уже возмутительным фактом одно то, что Гус разгуливает на свободе, открыто не обращая внимания на отлучение папы и защищая уже признанные заблуждения Уиклифа. Было весьма вероятно, что Гус выполнит свое намерение обратиться с проповедью к духовенству и безжалостно и красноречиво обрисовать пороки папского двора и всего духовенства, доказать на основании Св. Писания, что вся система совершенно не основана на законе Христа.

Самым верным средством было поступить с Гусом по существующим законам, как с еретиком и подсудимым. Стефан Палеч, Михаил Дейчброд и множество других чешских докторов и священников, задетых Гусом, уже собрали больше обвинений, чем было нужно для гибели человека. Инквизиционное судопроизводство прежде всего старалось помешать обвиняемому бежать. Кардиналы решили арестовать его. 28 ноября они устроили заседание во главе с папой и послали к Гусу вызов явиться для защиты своей веры. Гус, хотя и заявил, что этот вызов является нарушением охранной грамоты, но тотчас же согласился отправиться, заметив, однако, при этом, что явился в Констанц выступить публично перед собором, а не тайно перед кардиналами, и добавив, что его не имеют права заключить в тюрьму в силу охранной грамоты. Когда кардиналы сказали, что он обвиняется в распространении многих еретических учений, Гус ответил, что скорее умрет, чем даст уличить себя хотя бы в одной ереси: он явился в Констанц, готовый отречься, если будет признан виновным в заблуждении. На это кардиналы заметили: «Ты ловко ответил», и допрос окончился. Но Иоанн XXIII повелел Гуса и Яна Хлумского

заклучить под стражу. У кардиналов опять состоялось заседание, на котором действовали Стефан Палеч и Михаил Дейчброд. С арестованным Гусом вступил в беседу на сложные богословские темы магистр Дидако, знаменитый ломбардский богослов, подсланный кардиналами.

С наступлением ночи Яна Хлумского отпустили, но Гуса под стражей отвели по приказанию лозаннского епископа к старшему певчому собора, а через восемь дней перевели в доминиканский монастырь на берегу Рейна. Здесь его заперли в келью рядом с отхожим местом, где он опасно заболел. Но его смерть была нежелательна, и папа послал лечить его своих врачей.

После ареста Гуса Иоанн XXIII снял с себя всякую ответственность и свалил вину на кардиналов. Охранная грамота, выданная императором Гусу, была адресована ко всем князьям и подданным империи, как к духовным, так и к светским, и объявляла, что Гус находится под особым покровительством императора и государства. Грамота имела значение охранной на все время деятельности собора и на обратный путь в Чехию. Она была подписана 18 октября, когда Гус уже выехал из Праги, а получена Гусом уже по приезде в Констанц. 13 мая 1415 г. присутствовавшие на соборе чехи подали докладную записку о том, что поступок с Гусом является нарушением охранной грамоты. Кардиналы прибегли ко лжи: хотя всякий в Констанце знал во время ареста о существовании охранной грамоты, тем не менее они утверждали, что этот документ был вручен Гусу якобы только через две недели после его ареста, и, таким образом, поднятое против него дело нисколько не нарушало данных ему гарантий. Этот довод, ложность которого была засвидетельствована самим Сигизмундом на заседании 7 июня, был равносителен признанию, что гарантии были даны, но незаконно нарушены. Сигизмунд, узнав об аресте Гуса, немедленно приказал выпустить его на свободу, грозя в случае неповиновения выломать двери тюрьмы. Он заявил, что покинет Констанц и грозил лишитъ собор своего покровительства. Однако весь христианский мир возлагал на этот собор такие большие надежды, что Сигизмунд не мог решитъся на подобный шаг. Но были правы его современники, считая его человеком, недостойным доверия. Во время долгих переговоров, возникших между Базельским собором и гуситами, в которых он принимал участие, Сигизмунд одинаково был

готов обмануть обе стороны. Он всегда был готов на все, лишь бы на минуту выйти из затруднительного положения, и не задумывался нарушить слово, если это было ему выгодно. Тем более в таком случае. Если бы Сигизмунд твердо защищал Гуса, то императора отлучили бы от Церкви «за помеху действиям инквизиции»; если бы он привел в исполнение свою угрозу освободить Гуса силой, то подлежал бы пожизненному изгнанию и лишению всех своих владений. И поэтому уже 1 января 1415 г., когда собор официально обратился к Сигизмунду с просьбой не вмешиваться в рассмотрение дела Гуса, он издал указ, в котором признает за собором полную независимость в вопросах веры и заявляет, что собор имеет полное право преследовать всякого еретика. 8 апреля он отменил все грамоты об охранном листе. В феврале и мае Сигизмунд отверг решительное заступничество за Гуса чешских и моравских вельмож. Когда 7 июня Гус вторично был выслушан собором, то Сигизмунд советовал Гусу покориться, «так как ему нечего больше надеяться на какую-либо человеческую помощь». «Мы никогда не будем покровительствовать тебе в твоих заблуждениях и закоснелости, говорил Сигизмунд Гусу.- Поистине, мы скорее собственноручно приготовим тебе костер». На последнем заседании 6 июля Гус заявил следующее: «Я явился на собор вполне добровольно, присутствующий здесь император обещал мне, публично поклявшись честью, что я буду свободен от всякого насилия, дабы я мог засвидетельствовать мою невиновность и разъяснить мою веру всякому, кто подвергнет ее сомнению». Сигизмунд на заседании 7 июня обратился к Гусу: «Говорят, что мы не можем по закону оказывать покровительство еретика или человеку, подозреваемому в ереси». Принцип инквизиционной практики установил, что еретик лишается всех прав, что с человеком, обвиненным в ереси законным числом свидетелей, следует поступать как с еретиком, пока он не оправдается, что еретик не мог пользоваться охранным листом. Конечно, это было равносильно признанию Гуса уже заранее виновным; но это был обычный прием инквизиционного процесса. Все статуты и законы, мешавшие свободной деятельности инквизиции, признавались юридически не имеющими значения. Когда казнь Гуса вызвала по всей Чехии сильное негодование и были посланы по этому поводу довольно резкие письма на собор, то бывшие там церковники подтвердили декретом от 23 сентября 1415 г., что никакой охранный лист, кем бы он

ни был выдан, не мог нанести ущерба католической вере или помешать надлежащему трибуналу разбирать, судить и присудить еретика или лицо, подозреваемое в ереси, если бы даже это лицо, полагаясь на охранный лист, явилось на место суда, куда оно не посмело бы явиться без этого.

Собор так полно принял это учение, что, когда в 1432 г. Эгерский конвент определил основные условия переговоров между гуситами и Базельским собором, он специально отметил, что ни один канон, ни один декреталий не может быть применен с целью нарушения или признания ничтожными охранных грамот, выданных чехам для явки на собор. июня 1415 г. собор осудил защищаемое Гусом причащение мирян хлебом и вином; объявил еретиками священников, которые будут делать это, и приказал предавать их в руки светской власти; приказал всем прелатам и инквизиторам преследовать как еретиков всех, кто будет отрицать действительность причастия мирян одним только хлебом. Кроме того, Гуса обвиняли еще и в других заблуждениях и преступлениях. Всего этого было более чем достаточно для возбуждения дела по обвинению в ереси. Уже 1 декабря 1414 г. были назначены комиссары для ведения допроса; в сущности, это были инквизиторы; собор представлял собой собрание сведущих лиц, которому, как известно, надлежало утвердить приговор. Обвинение заключало в себе нечто вроде требовательного акта против Гуса, который был вручен комиссарам прокураторами и фискалами собора и в котором говорилось о беспорядках в Праге, об отлучении Гуса от Церкви и о проповедовании им ереси Уиклифа. Гусу предъявили сорок два заблуждения, извлеченных из его сочинений Стефаном Палечем. На эти обвинения он ответил письменно, указав искажения, которые извратили смысл некоторых мест, так как одни положения приводились, а другие умалчивались. Так как ему было запрещено чтение книг и ему не дали даже те трактаты, откуда были извлечены обвинительные пункты, то его ответы показывают удивительную силу его памяти, а также быстроту и ясность мысли. Иногда комиссары сами приходили к нему в тюрьму для допроса. С комиссарами являлись и помогали им Михаил и Стефан. Обвиняемому читали каждый пункт обвинения и спрашивали, таково ли его верование; отвечая, он разъяснял, какой смысл он придавал мнению, которое ставили ему в вину. Затем его спрашивали, желает ли он защищать свое толкование; он отвечал

отрицательно, говоря, что подчинится решению собора. Трудно было показать себя более послушным и правоверным, но ересь была преступлением. Раз преступление это было совершено, хотя бы и по незнанию, недостаточно было вернуться к учению Церкви; надо было, чтобы обвиняемый сознал свои заблуждения и отрекся от них; только после этого на него можно было смотреть как на кающегося и заменить ему смертную казнь пожизненной тюрьмой.

На публичном заседании 8 июня он горячо отстаивал свое учение. Свидетели под присягой показали, что он учил противному. Он не имел права выставить свидетелей, которые опровергли бы это. Судьи признали его еретиком, и ему не оставалось ничего иного, как покаяться и отречься или отправиться на костер.

Для своей защиты Гус мог прибегнуть только к одному средству – отвести свидетелей, так как они питали к нему ненависть. Но в окончательном решении 7 июня не упомянуто ни одного имени. Когда же Гус спрашивал имя кого-либо из них, то ему отказывали сообщить его. Это было вполне согласно с правилами инквизиционного судопроизводства. На месте казни Гус заявил, что он был осужден на основании показаний лжесвидетелей за заблуждения, которых никогда не проповедовал. Чехи, бывшие в Констанце, в записке, поданной собору 31 мая 1415 г., заявили, что показания против Гуса были даны его смертельными врагами. Его друзья одно время думали воспользоваться этим обстоятельством, чтобы лишить свидетелей доверия. Гус просил комиссаров позволить ему обратиться к адвокату, который составил бы возражения на их показания. Сначала комиссары согласились, но потом отказали, заявив, что противозаконно, чтобы кто-нибудь защищал человека, подозреваемого в ереси. Это было обычно для инквизиционного судопроизводства. Докладные записки, которые друзья Гуса неоднократно подавали на собор, и старания их перед Сигизмундом были также преступлениями, которые делали их «соумышленниками», и если бы только захотели применить к ним закон, то их можно было бы тотчас же заставить молчать и подвергнуть строгим наказаниям. В короткое время против Гуса было собрано показаний более чем достаточно для его осуждения, и если бы костер являлся конечной целью преследования, то казнь можно было бы скоро привести в исполнение. Но инквизиция раскаявшегося еретика предпочитала еретика сожженному. Поэтому было применено все,

чтобы сломить упорство виновного медленностью ведения дела и тюремным заключением, способным отнять всякую надежду. Михаил Дейчброд ходил околодверей его камеры, говоря: «Клянусь Богом, мы сожжем этого еретика, стоившего мне так много флоринов». 20 марта Иоанн XXIII тайно бежал из Констанца. Тогда собор передал Гуса констанцскому епископу, который ночью перевел своего пленника в замок Готлибен, находившийся по ту сторону Рейна в нескольких верстах от города и поместил его, закованного в цепи, в камеру под крышей высокой башни. Бежать оттуда было немыслимо. Гус в течение многих лет находился под отлучением от Церкви по подозрению в ереси; и все это время он продолжал совершать богослужения и называл папу антихристом, анафемы которого заслуживают презрение. Уже одно это делало его бесспорным еретиком.

16 мая собор заявил, что уже в 1411 г. Гус должен был выступить перед Святым Престолом с защитой своего учения и был отлучен от Церкви, что с этого времени он проявил себя не только еретиком, но и ересиархом, оставаясь под отлучением и проповедуя запрещенные учения повсюду, даже в самом Констанце. Первого июня специально посланная собором депутация предъявила Гусу тридцать пунктов, в которых содержались собранные против него улики. Посланцы вернулись и сообщили, что Гус покоряется собору, но упорно настаивает, чтобы были приняты к рассмотрению только пункты, в которых будет доказано, что он заблуждался. Гус в цепях был привезен в Констанц и заключен в тюрьму францисканского монастыря.

Предъявленные ему обвинения в ереси были уже доказаны, и если бы он продолжал отвергать их, то оставалось одно – отдать его в руки светской власти. Но король потребовал, чтобы ничего не делалось в отсутствие Гуса, чтобы сочинения обвиняемого были предъявлены судьям, чтобы можно было проверить слова каждого. Таким образом, исполнялось желание Гуса публично защищать себя. Перед ним положили книги, из которых были извлечены пункты обвинения. Он признал эти сочинения своими. Когда же он попросил, чтобы ему пояснили, в чем состоят его заблуждения, то ему предложили прежде всего, строго согласно с законом, отречься от ересей. 6, 7 и 8 июня в присутствии Сигизмунда Гус храбро защищался. Собрание порой превращалось в толпу, неистово вопившую: «На костер его! На костер!»

Конечно, все это было насмешкой над правосудием. Дебаты окончились усиленными просьбами кардиналов к Гусу отречься, причем ему обещали снисхождение, если он попросит об этом собор. Он просил, чтобы его выслушали еще раз, и заявил, что он покорится, если его доводы и основания будут найдены недействительными. На это кардинал Петр д'Айльи возразил, что все доктора единогласно решили потребовать, чтобы Гус сознался в том, что совершил преступление, опубликовав положения, которые поставлены ему в вину, чтобы он поклялся, что никогда более не будет верить в эти ереси и проповедовать их, и чтобы он принес публичное отречение. Один из членов собора нашел предосудительным, что от виновного требовали отречения, так как он не заслуживает ни малейшего доверия. Но отказать в отречении было делом совершенно незаконным; даже еретик-рецидивист имел право сознаться и отречься, и собор не мог допустить столь явного нарушения правосудия.

Чтобы отказать Гусу в неотъемлемой привилегии отречения, согласились на ложный перевод одного места из его послания к своим ученикам, написанного на чешском языке. В этом месте Гус будто бы говорил, что он, если бы его принудили отречься, отрекся бы только устами, а не сердцем. Политические обстоятельства, однако, были самые благоприятные для применения обычного приема инквизиции, предпочитавшей покаявшегося мученику. Поэтому удвоили усилия, чтобы заставить Гуса отречься. За обещаниями снисхождения в случае изъявления покорности скрывался приговор, в котором высказывалась радость видеть виновного смиренно просящим прощения, и в то же время объявлялось, что Гус нечестивый мятежник, присуждаемый к лишению духовного сана и к пожизненному духовному заключению. Такое наказание полагалось по канонам раскаявшимся еретикам.

Более всего мешало Гусу отречься то обстоятельство, что ему на основании свидетельских показаний были приписаны ереси, которых он не проповедовал. Судьи признали его виновным в них, но Гус отрицал, что он разделял их. В глазах закона подобное отрицание было открытым мятежом и только отягчало его вину. Первым условием воссоединения с Церковью было сознание под присягой во всех заблуждениях, а затем отречение от них. Это значило самым торжественным образом совершить клятвопреступление перед Богом, а

для человека такой высокой честности, как Гус, такое преступление было хуже смерти.

Борьба тянулась целый месяц. В последнем публичном заседании 8 июня кардинал Забарелла предложил Гусу искусно составленную формулу отречения. В ней говорилось, что Гус снова заявляет, что он никогда не разделял многих заблуждений, приписанных ему, что он во всем покорится решению и приказаниям собора, откажется, отречется и отрешится от заблуждений, которые поставлены ему в вину, и примет духовное наказание, которое собор найдет нужным наложить на него. Гус отверг предложение кардинала и смело избрал смерть.

Но до самого последнего дня делались попытки сломить его волю. 1 июля депутация прелатов пыталась убедить Гуса, что он должен отречься; но он заявил, что отречься не может ни от одного из своих положений. 5 июля Забарелла и Петр д'Айли предложили Гусу, что не будут считать его виновным в ересь, доказанных свидетелями, если он согласится отречься от учений, извлеченных из его сочинений. Но Гус утверждал, что большинство из этих извлечений неверно, и оставался непреклонным. Вечером того же дня Сигизмунд послал друзей Гуса, Яна Хлумского и Вацлава Дубу, а также четырех епископов спросить узника, отречется ли он или будет упорствовать. Гус ответил, что готов отречься от всех положений, неверность которых будет доказана. Епископы объявили его закостелым в заблуждениях и покинули.

Утром 6 июля было прочтено решение собора, осуждавшее виновного за заблуждения, написанные им, и за ереси, доказанные свидетелями; он объявлялся закоренелым и неисправимым еретиком, отказавшимся вернуться к вере Церкви, вследствие чего подлежал лишению священнического звания и выдаче в руки светской власти.

Вновь советовали ему отречься. Гус заявил, что он не может, не сказав неправды перед Богом, сознаться в заблуждениях, которых никогда не разделял. Согласно обычаю, не было надобности ни в каком светском суде. Раз духовный трибунал объявлял человека еретиком и выдавал его в руки светской власти, законы, карающие ересь, действовали сами собой, и поэтому Сигизмунд приказал графу-палатину Людовику заняться обвиненным и поступить с ним как с еретиком. Граф приказал сжечь осужденного.

Перед епископским дворцом сожгли книги Гуса. Перед костром Ульрих Шоранд приблизился к Гусу с последним предложением

отречься от еретической веры, так как без отречения, согласно каноническим законам, никто не сможет принять от него исповедь. Гус отказался. Затем он обратился к толпе с речью на немецком языке, утверждая, что он на основании показаний свидетелей-клятвопреступников претерпел за заблуждения, которым не следовал, но ему не дали говорить. Когда его привязали к столбу на костре и обложили двумя возами хвороста и соломы, то граф-палатин и прево стали в последний раз заклинять его отречься. Он мог бы еще спасти свою жизнь, но продолжал повторять, что его осудили на основании лжесвидетельских показаний за заблуждения, в которых он никогда не был виновен. Подожгли костер... Когда все было кончено, тело казненного тщательно растерли в пепел, который бросили в реку; даже землю вокруг костра срыли и увезли.

В Чехии все единодушно, от короля до последнего крестьянина, смотрели на осужденного и казненного еретика как на мученика, жертву расправы и вероломства. Как только узнали в Констанце о взрыве возмущения в Чехии, собор 26 июля обратился к чешским властям и уверял их, что к Гусу и к Иерониму Пражскому относились чрезвычайно снисходительно, что упорная ересь первого заставила собор выдать его в руки светской власти и что так же поступят со всеми другими еретиками. Собор убеждал чехов ревностно преследовать еретиков, чтобы оправдать доброе мнение, составившееся у него об их католичестве на основании отзывов литомышльского епископа. Послание собора 26 июля вызвало созыв народного собрания, на котором был составлен адрес, подписанный приблизительно пятьюстами баронами, рыцарями и дворянами Чехии и Моравии. Они подтверждали свою уверенность в невиновности и католичестве Гуса, который был несправедливо предан смерти без признаний и законных доказательств его виновности. Они предполагали, что та же участь постигла и Иеронима. Они заявляли, что обвинение в ереси, брошенное на всю Чехию, дело обманщиков, что всякий, кто стал бы поддерживать это заявление, нахально соврал бы, показал бы себя самым низким изменником и самым худшим еретиком, и они станут преследовать его как такового перед будущим папой. Магнаты также объявили, что позволят всем священникам свободно проповедовать истины Священного Писания, не допустят, чтобы кто-либо из епископов стеснял их, если они не будут проповедовать ереси, и не примут

никакого отлучения от Церкви и никакого интердикта, идущего из-за границы. Собор приказал сжечь этот протест.

За несколько дней перед казнью Гуса гнев чехов был возбужден еще и тем, что пражский студент, которого считали верным слугою Бога, был в течение двенадцати часов арестован в Ольмюце, подвергнут пытке, осужден и сожжен. Собор принял около этого времени энергичные меры также и против Иеронима Пражского, хотя чешские вельможи ошибочно думали, что Иеронима уже постигла участь Гуса.

Иероним Пражский родился в Праге. Примерно с 1400 г. он оставался верным сторонником и помощником великого реформатора Яна Гуса в его борьбе против испорченности Церкви. Уже в Париже, Кельне, Гейдельберге и Кракове, где он был удостоен высших университетских степеней, Иероним вызвал недовольство схоластиков своим учением. В Париже канцлер университета Герсон даже изгнал его. В Оксфорде он собственноручно переписал сочинения Уиклифа и принес их в Прагу. Во время второго посещения Оксфорда он был арестован как еретик и освобожден только благодаря вмешательству Пражского университета. В Литве он старался обратить язычников; в России он пытался вернуть к истинной вере схизматиков греческой Церкви. В Польше и Венгрии он распространял учение Уиклифа и Гуса. Изгнанный в 1410 г. из Венгрии, он был арестован в Вене и заключен в тюрьму по приказанию папского инквизитора и консисторского судьи за то, что проповедовал учение Гуса и «заразил этой ересью» Венский университет. Было начато против него дело, и был назначен день для его защитительной речи; до назначенного срока его выпустили на свободу, взяв с него клятву не выезжать из города под страхом отлучения от Церкви. Считая клятву, взятую силой, не имеющею никакого значения, он бежал. Венский университет дал знать Пражскому университету, что над Иеронимом более года тяготело отлучение от Церкви и его обвиняют в ереси, а следовательно, он подлежит осуждению. В то же время учеников Иеронима в Вене продолжала преследовать инквизиция. Университет, защищавший их, навлек на себя подозрение в ереси. Хотя Иероним был мирянин, он проповедовал перед многочисленными восторженными слушателями в Венгрии, Польше и Чехии. Все его современники свидетельствуют о его чудесных дарованиях. Благодаря своим знаниям, своему

несравненному умению вести споры и гибкости своего ума, он был для Церкви почти столь же опасен, как твердый и безупречный Гус.

Иероним с беспокойством следил из Праги за событиями в Констанце и не мог не попытаться помочь спасению Гуса. 4 апреля 1415 г. он тайно прибыл в Констанц. Христан из Прахатиц, один из главных учеников Гуса, также прибыл в Констанц, где его немедленно арестовали и против него выдвинули обвинение. Благодаря вмешательству чешских послов Христан был освобожден под клятву явиться по первому вызову в суд, но он бежал в Чехию. Иероним в Констанце расклеил по стенам объявление, в котором подтверждал католичество Гуса, после чего тотчас же удалился в Иберлинген и попросил себе охранный лист, и хотя получил двусмысленный ответ, вернулся в Констанц и 7 апреля прибил к дверям церкви другое объявление, обращение к Сигизмунду и собору. Он заявлял, что добровольно явился отвечать на обвинения в ереси; если его признают виновным, он готов понести заслуженное наказание. 9 апреля, получив от присутствовавших в Констанце чехов обещания безопасности, он покинул город, так как духовные власти разыскивали его жилище. Однако в Гирсау 24 апреля он был арестован. При нем были найдены компрометирующие бумаги. Иеронима заковали в цепи и отправили в Констанц. Собор 18 апреля вызвал его на суд инквизиции. Иероним должен был явиться в двухнедельный срок; в противном случае ему грозило преследование за неявку. Ему предлагали охранную грамоту с оговоркой, что эта гарантия подчинена требованиям веры. Так как не знали еще об его аресте, то 2 мая был сделан новый вызов и было приказано начать дело в отсутствие обвиняемого; 4 мая эта мера была повторена. 24 мая Иероним в цепях был приведен в Констанц в доминиканский монастырь. Канцлер Парижского университета Герсон, его старый противник, обвинил Иеронима в том, что он проповедовал заблуждения в Париже, Гейдельберге и Кельне. Ректоры двух последних университетов подтвердили это обвинение. Из монастыря Иеронима отвезли в тюрьму, где держали в цепях и морили голодом. Стефан Палеч, Михаил Дейчброд и другие были готовы дать показания против обвиняемого. Процесс начался согласно обычному инквизиционному судопроизводству. Судьи нашли в Иерониме противника, гораздо более ученого и ловкого, чем Гус. Тем не менее он колебался между упорством и подчинением и 11 сентября прочел

длинное отречение, в котором заявил, что не мог допустить мысли, чтобы Гус был способен проповедовать ересь; не мог поверить, чтобы тридцать положений, осужденных собором, действительно принадлежали Гусу, пока не убедился в противном, получив в руки книгу, писанную собственной рукой ересиарха. Он добровольно и от чистого сердца осуждал эти положения, одни – как еретические, другие – как ложные, третьи – как вызывающие соблазн. Равным образом он осудил и сорок пять положений Уиклифа. Он всецело подчинился собору, отрицал то, что отрицали доктора, и просил, чтобы на него наложили заслуженное наказание. Он написал чехам, что Гус заслуженно подвергся казни, что он сам, Иероним, узнав ясно теперь заблуждения своего друга, не может его защищать.

Это было, в сущности, формальное отречение, которое инквизиция обычно требовала от своих узников. На общем заседании собора 23 сентября Иероним опять повторил свое отречение и закончил торжественной клятвой, в которой призывал анафему на головы всех, кто совращал его с пути истинной веры, и на самого себя, если совершал подобное преступление. Ему объявили, что он не может вернуться в Чехию, но что ему предоставят право выбрать себе местожительством какой-нибудь монастырь в Швабии при условии, что он пошлет на родину письмо, в котором должен подтвердить ложность как своего учения, так и учения Гуса, и убеждать своих соотечественников отречься от ереси.

В обвинительном акте против Иеронима ему ставится в особую вину отказ написать это письмо. Однако существование этого письма, написанного 12 сентября, доказано. Каноны предписывали строгое тюремное заключение для обращенных еретиков, раскаяние которых считалось всегда сомнительным.

24 февраля 1416 г. была назначена новая комиссия, которой поручили было начать новое следствие против Иеронима. Узника снова подвергли допросу по всему делу, начиная с ересей Уиклифа до восстания против интердикта, возбужденного Иеронимом в Праге, и до отлучения его от Церкви в Вене. 27 апреля комиссары составили свой доклад, чиновник, обязанный преследовать ересь, добавил длинный обвинительный акт, в котором перечислялись все преступления Иеронима. Иероним отвергал, вопреки отречению, что он еретик, и жаловался на свой незаконный арест. В отношении Иеронима, как и в

отношении Гуса, был применен неизменный принцип инквизиционного судопроизводства, по которому отрицание еретических мнений увеличивало вину.

В этом деле более, чем в процессе Гуса, собор принял на себя роль инквизиционного трибунала. Комиссарам был предоставлен свободный выбор средств для получения признания. 9 мая они представили вторичный доклад обо всем деле. 23 мая пред полным собором Иерониму были прочтены главные пункты обвинения. Он выслушал молча часть обвинений, признал или отверг другие, делая при случае оговорки. Допрос окончили 26 мая. Старшина комиссаров, константинопольский патриарх Иоанн заявил, что Иероним признан виновным в четверной ереси, но следовало дать ему слово для защиты. Если Иероним сознается в своих заблуждениях и раскается, то его следует простить, но если он будет упорствовать, то дело должно идти законным путем.

Иероним произнес защитительную речь. Что касается его отречения, то судьи обещали, что с ним поступят снисходительно, если он отдаст себя на милость собора; он отрекся, послал в Чехию письмо, которое приказали ему написать, осудил учение Гуса. Гус, заявил он, был праведник и святой, с судьбой которого он связал бы до конца свою судьбу. Ни одно прегрешение, совершенное им здесь на земле, не лежит так тяжело на его совести, как позорное отречение. Уиклиф в своих сочинениях высказал истину более глубокую, чем кто-либо до него, и только одна боязнь костра могла заставить его, Иеронима, осудить подобного наставника. Затем он заявил, что пороки духовенства и римской курии заставили Уиклифа и Гуса выступить в качестве реформаторов. Иероним как рецидивист, признавшийся в своем возврате к ереси, не мог рассчитывать на снисхождение, тем не менее собор ему дал четыре дня на размышление и раскаяние.

30 мая собор собрался рано утром; в десять часов Иероним был уже на костре. Перед казнью зачитали его отречение. Он признал его и сказал, что только боязнь костра вырвала у него это отречение. После этого константинопольский патриарх Иоанн прочел приговор, осуждавший Иеронима как сообщника Уиклифа и Гуса и объявил его еретиком-рецидивистом, отлученным от Церкви и преданным анафеме. Казнен он был на том же месте, где и Гус принял свою мученическую смерть.

Ян Хлумский, смелый защитник Гуса, не покинул Констанц и был во власти собора; 1 июля он присягнул защищать истинную веру, признал, что Гус и Иероним заслужили наказание, и выразил желание, чтобы его заявление было послано в Чехию.

Глава 8. ГУСИТЫ

Пороки духовенства были признанной причиной и оправданием альбигойского и вальденского восстания в XIII в., безжалостно подавленного; но зло, вызвавшее его, даже не попытались уничтожить. Это и во второй раз породило восстание, и снова злоупотребления, источник доходов для Церкви, были оставлены, но покарали людей, которые отвергали сами принципы, порождавшие это зло.

Канонический закон и инквизиционное судопроизводство давно уже придерживались того принципа, что единственным средством борьбы против ереси была сила; всякое же противоречие признанным Церковью авторитетам считалось ересью. Констанцкий собор усилил негодование, вызванное казнью Гуса и Иеронима, объявив ересью веру, которую тогда исповедовало большинство населения Чехии.

31 августа 1415 г. собор дал литомышльскому епископу Иоанну полномочия инквизитора для уничтожения распространенных в Чехии ересей. Король Венцеслав дал Иоанну охранный лист; но невозможно было заставить уважать каноны доведенное до отчаяния население. Поэтому 23 сентября константинопольский патриарх Иоанн и епископ Санлиса Иоанн были декретом назначены комиссарами (или, вернее, инквизиторами) для суда над всеми гуситами – еретиками. Им было дано право вызывать всех еретиков или подозреваемых в ереси к себе в римскую курию. Вызов мог быть общий или личный. Но так как страна была готова к восстанию, то эта мера только укрепила крайнюю партию. Это ясно из адреса, посланного 30 декабря 1415 г. собору вельможами, которые выразили возмущение казнью Гуса и отказывались от всякого повиновения курии. В ответ 20 февраля 1416 г. подписавшим адрес и сторонникам Гуса и Уиклифа было предложено в течение пятидесяти дней явиться на собор по обвинению их в ереси. Не явившихся пригрозили судить заочно. Так как было опасно вручить этот вызов обвиняемым в Чехии, то его прибили к церковным дверям в Констанце, Ратисбоне, Вене и Пассау. Все формальности были соблюдены, 3 июня обвиняемые были объявлены виновными в неявке, а 4 сентября поручили Иоанну Константинопольскому вести дело.

Сожжение Яна Гуса

Уже 27 марта 1416 г. собор решил прибегнуть к силе. Фанатик Иоанн Литомышльский получил полномочия легата и был послан к сеньорам Газенбурга, к Иоанну Михельсбургскому и другим баронам, известным своим враждебным отношением к народной партии. Прелат повез с собою грамоты, в которых собор призвал вельмож вместе с легатом изгнать и уничтожить всех еретиков-гуситов. Сигизмунд 21 и 30 марта письменно благодарил католиков-вельмож за их благочестие и предупреждал гуситских вельмож, что, если они будут упорствовать в своем заблуждении, то весь христианский мир соединится против них в крестовом походе. Пражской университет ответил 23 мая публичной декларацией, в которой подтверждал безукоризненное правоверие Гуса и его выдающиеся заслуги, а также учёность и строгое правоверие Иеронима.

В декабре 1416 г. собор направил Сигизмунду послание, в котором отмечал, что казнь Гуса и Иеронима усилила ересь; два этих еретика почитаются наравне со святыми и мучениками; вельможи и дворяне открыто не повинуются указам собора и не позволяют опубликовывать его решения. Собор просил Сигизмунда силой покорить мятежных еретиков. Сигизмунд переслал это послание Венцеславу. В циркуляре от 3 сентября 1417 г., адресованном католикам Чехии, император высказал подозрение, что брат его благосклонно относился к ереси, император призвал всех своих подданных прилагать все усилия к уничтожению ереси. Великий Раскол окончился 11 ноября 1417 г. избранием папы Мартина V, который в 1411 г., будучи еще кардиналом

Оттоне Колонна, осудил и отлучил Гуса от Церкви. В феврале 1418 г. собор обнародовал нечто вроде ультиматума из двадцати четырех пунктов: король Венцеслав должен был поклясться уничтожить ересь Уиклифа и Гуса; предписывалось возвратить и вознаградить изгнанных священников и верных католиков; восстановить почитание икон и соблюдать обряды Церкви. Все еретики должны принести отречение. Главные ученые еретики – Ян из Есинца, Яков Малый, Симон Рокицана и шестеро других – были вызваны на суд в Рим; от причастия мирян хлебом требовалось отдельное отречение; всякий, разделяющий учение Уиклифа и Гуса, всякий, считающий святыми Гуса и Иеронима, должен был быть сожжен как еретик-рецидивист, т.е. без права отречения и надежды на прощение. Всем гражданам предписали оказывать епископским судьям поддержку по их первому требованию под угрозой разделить участь соумышленников ереси. Это было только применение действующих законов. Для их исполнения Сигизмунд обещал посетить Чехию с четырьмя епископами и одним инквизитором и сжечь всех, кто откажется отречься от своих заблуждений.

Мартин V направил 22 февраля 1418 г. буллу к прелатам и инквизиторам Чехии и Моравии, а также соседних стран: Пассау, Зальцбурга, Ратисбоны, Бамберга, Мейсена, Силезии и Польши. Папа отмечает, что смерть Гуса и Иеронима не заставила еретиков раскаяться, и приказывает прелатам и инквизиторам ловить мятежников и отдавать их в руки светской власти. Всякий, не выполняющий это, будет смещен. Светские князья получили приказание арестовывать всех еретиков, держать их в оковах и карать по приговорам инквизиторов. Папа давал указания относительно суда, наказаний и конфискаций согласно с установившейся инквизиционной практикой. Папа стремился помочь Сигизмунду в обещанном им походе. Однако в декабре 1418 г. император ограничился угрозами Венцеславу крестовым походом, если тот не уничтожит ересь сам.

К этому времени почти все Чешское королевство стряхнуло с себя ярмо Церкви, хотя в Кутне-Горе немецкие рудокопы уже уничтожали еретиков. Доктрины Уиклифа, принятые Гусом, торжествовали повсюду. Архиепископ Конрад 1 ноября 1415 г. и повторно 1 февраля 1416 г. запретил утраквизм, или причастие под обоими видами. В 1417г. Пражский университет высказался в пользу утраквизма и заявил, что не имеет никакого значения ни одно человеческое решение, изменяющее

установление самого Христа и практику древней Церкви; этот пункт учения стал отличительной чертой гуситов от католиков. В догму были введены еще новые положения. Уже в 1416г. Христан из Прахатиц упрекал Венцеслава Коранду в том, что он отрицает чистилище, значение молитв за мертвых и предстательство святых, осуждает почитание Св. Девы, мощей и икон, дает причастие только что крещеным младенцам, не признает обряды и низводит Церковь к первоначальной простоте.

Другие еретики учили, что можно служить литургию не только в церкви, но и во всяком другом месте, и что миряне могут совершать таинство крещения в пруду или в проточной воде. Образовалась радикальная секта, которая, принимая идеи Уиклифа, стала позднее известна как табориты. Другая, более умеренная, была партия чашников, или утраквистов. Начались споры партий. Чтобы положить конец этим спорам, 25 января 1417 г. в своей записке университет ставил всем в обязанность верить в чистилище, в пользу предстательства святых, в значение молитв и милостыню на поминовение мертвых, в иконы Христа и святых, в употребление кадила, кропления, колоколов, в поцелуй мира, освящение купели, соли, хлеба, воска, огня, ветвей, яиц, сыра и другой пищи. Не надлежит слушать ни одного новатора, проповедующего учение, не согласное с этим, пока он не докажет истины своего учения перед университетом. В сентябре 1418 г. эту декларацию подтвердили, добавив к ней осуждение учений, запрещавших клятву, казни по приговору суда и таинства, совершаемые священниками, находящимися в состоянии смертного греха.

Религиозные споры вызывали по временам кровавые столкновения: приверженцы наиболее крайних сект собирались со всего королевства на горе Бехине, которую они стали называть Табор. 22 июля 1419 г., в день св. Марии Магдалины, там собралось сорок тысяч человек. Они поднимали даже вопрос о низложении короля Венцеслава и о возведении на престол Николая, господина Гусинца, защищавшего их перед королем, за что его изгнали; по настоянию духовного вождя таборитов священника Венцеслава Коранды этот проект был оставлен, но мир партий не был восстановлен. 31 июля произошли беспорядки на Новом-Граде в Праге. Народ под предводительством Яна Жижки захватил городскую ратушу. Два дня

спустя после смерти короля (15 августа) толпа разграбила церкви и монастыри доминиканцев и картезианцев. Вспыхнула междоусобная война. Наконец, 13 ноября королева заключила с гражданами Праги перемирие до 23 апреля 1420 г. София обещала соблюдать Божеский закон и причастие под обоими видами; граждане обязывались больше не разбивать образов и не грабить монастырей. Но Жижка прибыл в Прагу и разрушил монастыри в городе и в окрестностях. Королева София осадила Пльзень.

Вспыхнула жестокая война. Немецкие рудокопы из Каурзима и Кутны-Горы побросали в заброшенные копи всех попавших им в руки чашников. Баварцы, пришедшие на помощь Рачко из Риземберга, привязали к дереву священника чашников Нааквасу и сожгли его живым. Жижка не уступал им в жестокости: сжигая монастыри, он нередко сжигал в них и монахов. Обе стороны часто отрубали пленникам руки и ноги.

Сигизмунд, став законным королем Чехии, послал в Прагу делегатов с предложением оставить чашу тем мирянам, кому причастие вином было разрешено при Венцеславе, созвать народное собрание и представить на рассмотрение Св. Престола спорные вопросы. Собрание баронов и духовенства решило принять эти условия. В день Рождества 1419 г. Сигизмунд прибыл в Брюнн, куда для принесения присяги явились вельможи и представители городов. Вскоре новый король отстранил от должностей всех кастелянов и чиновников – сторонников гуситов. Был издан императорский эдикт об искоренении гуситов, уиклифитов и признающих чашу. На этот раз не произошло восстания, но Жижка принялся укреплять гору Табор. Эта гора, представлявшая природную крепость, вскоре сделалась совершенно неприступной и долго была убежищем для непреклонных сектантов- таборитов. В большинстве это были простые крестьяне, показавшие рыцарству Европы, на что способны свободные люди, одушевленные религиозной ревностью и ненавистью к иноземцам. Они были грозой всей Германской империи. Сначала казалось, что Сигизмунд намерен мирно вступить во владение своим королевством. Беспорядки, вспыхнувшие в Силезии, привели Сигизмунда в Бреславль, куда прибыл и папский легат, которому Мартин V поручил проповедовать крестовый поход, оплачиваемый индульгенциями. Пражский купец Ян Краса, случайно попавший в этот город, сказал смелое слово в защиту Гуса. Он был

арестован, остался непреклонен в своей вере и осужден к костру легатом и прелатами из свиты Сигизмунда. В это время в Бреславле был арестован и осужден как еретик пражский студент Николай из Вифлеема, посланный городом к Сигизмунду испросить его согласия на употребление чаши. Перед казнью 15 марта 1420 г. Николай отрекся от своих заблуждений. Крása был непоколебим; его сожгли. 17 марта легат объявил крестовый поход.

В Чехии после бреславльских событий Сигизмунду сохранили верность только некоторые бароны и немногие немцы, оставшиеся еще в стране. 3 апреля пражские утравквисты в торжественной клятве соединились с таборитами, чтобы вместе защищаться против Сигизмунда. В 1421 г. Церковь подняла весь христианский мир, чтобы уничтожить еретиков, утверждавших, что Гус и Иероним были невиновны, и принимавших причастие в том виде, в котором в течение двенадцати веков его принимали все христиане. Пять раз в течение 1421 г. крестоносцы вторгались в Чехию, терпели поражение и были изгнаны. Во время осады Праги все пленные чехи были сожжены как еретики, без всякого расследования. Гуситы в течение десяти лет успешно отражали крестоносцев, но вскоре разногласия внесли раскол в их среду.

Чешские реформаторы делились на два лагеря: умеренных – чашников, или утравквистов, и таборитов, представителей крайних идей. Чашники признавали окончательными учения Гуса и Якобелла из Миса. Пражский университет 1 августа 1420 г. принял четыре положения, которые на протяжении более столетия служили исповеданием веры секты: 1) свободная проповедь слова Божьего; 2) причащение мирян под двумя видами; 3) секуляризация церковных имуществ и возврат к евангельской жизни Христа и апостолов; 4) наказание за все преступления, совершенные против Божеского закона, не взирая ни на личность, ни на обстоятельства. Эти четыре положения немедленно были приняты общиной строгих утравквистов Праги.

Утравквисты старались основать свою Церковь по возможности ближе к традициям древней Церкви. Они принимали все учения католической Церкви и даже учение о праве вязать и разрешать на таинстве исповеди; они восставали и протестовали только против злоупотреблений, порожденных мирскими стремлениями духовенства. Это была пуританская реформа, создавшая пуританскую общину.

Утраквисты, старавшиеся строго удержаться в границах католичества, считали название их еретиками тяжелым и незаслуженным оскорблением.

Вальденцы, приветствовавшие успех уиклифитских и гуситских учений, старались помешать господству консервативного учения утраквистов. Под энергичным управлением Жижки, Коранды, Николая Пильграмского и других решительных людей наиболее передовые элементы населения быстро образовали могущественную партию, которая выступила с определенной верой и целью и образовала секту таборитов.

В 1421 г. утраквисты и табориты окончательно определили свои учения. Направление, принятое таборитами, представляло много аналогий с верованиями, приписанными в 1395 г. вальденцам Австрии инквизитором Петром. В 1431 г. Прокоп Великий и другие вожди таборитов издали исповедание своей веры. Они заявляли, что не верят ни в чистилище, ни в предстательство Св. Девы и святых, ни в заупокойные обедни, ни в индульгенции и т. д. Таборитский епископ Николай Пильграмский решительно утверждал, что Христос только духовно присутствует в хлебе и вине, что не следует поклоняться освященным Дарам.

Табориты и утраквисты, разделенные столь резкими разногласиями в религиозных взглядах, ссорились, взаимно преследовали друг друга, но объединялись, когда Европа высылала против них армии. Смерть Жижки в 1424 г. мало изменила положение. Непосредственные ученики покойного образовали отдельную партию орфелинов, но они во всем продолжали действовать совместно с таборитами. После смерти Жижки во главе секты стал воин-священник Прокоп Голый или Великий.

Гуситизм распространялся в соседних странах, преимущественно на юг и восток. Для его уничтожения в Венгрии и дунайских провинциях потребовалась поддержка инквизиции. Успех гуситской проповеди в Польше вызвал издание эдикта, в котором 6 апреля 1424 г. король Владислав V приказывал своим подданным помогать уничтожению еретиков. Всякий поляк, возвращавшийся на родину из Чехии, должен был подвергаться допросу инквизиторов и епископских служащих; все же, кто не возвратится на родину до 1 июня, будут

объявлены еретиками, имущество их будет конфисковано, а их дети ограничены в правах.

В 1427 г. Прокоп перешел в наступление. До 1432 г. он разорил все соседние провинции. В 1429 г. во Франконии, Саксонии и Фогтланде он захватил более ста замков и крепостей и вывез в Чехию огромную добычу. Мейсен, Лузация, Силезия, Бавария, Австрия, Венгрия узнали силу гуситских армий. Вторгавшиеся после каждого набега немедленно уходили, показывая этим, что их целью было не завоевание новых областей, а отмщение за обиды. Поэтому те, кому приходилось нести все тяготы борьбы папской власти за главенство, требовали мира с чехами.

В то же время христианский мир требовал реформы, обещанной Констанцским собором. При роспуске собора в 1418 г. сторонники реформ добились постановления, чтобы следующий общий собор был созван через пять лет, затем через семь лет третий, а потом соборы должны повторяться каждые десять лет; были приняты также меры против возможных уверток со стороны папы.

Мартин постарался выполнить те две задачи, которые были предъявлены ему при избрании, – подавление ереси и реформа Церкви. С этой целью он в 1422 г. послал в Германию своего легата. Так как поход 1421 г. окончился неудачно, то легату для успешного выполнения первой половины его задачи было приказано вновь проповедовать крестовый поход. Изданный легатом, согласно с папскими инструкциями, декрет описывает пороки германского духовенства в выражениях столь же резких, как и выражения Гуса и его сторонников. Мероприятие, выработанное для устранения этих зол, предписывало только новое применение тех средств, которые безрезультатно применялись в течение столетий.

Пять лет прошло после роспуска Констанцкого собора, и не было сделано ничего существенного ни в деле борьбы с ересью, ни в деле реформы Церкви, когда в назначенный срок собрался в 1423 г. Сиенский собор. Однако собрание решило, что число явившихся прелатов и князей недостаточно для рассмотрения вопроса о реформе Церкви, но достаточно для того, чтобы вновь обещать отпущение грехов всем, кто будет содействовать уничтожению еретиков. Всем христианским князьям было предписано оказать содействие выполнению этого дела под страхом наказания.

Всякие торговые сношения с еретиками были запрещены, в особенности продажа им съестных припасов, одежды, оружия, пороха и свинца. Если кто-либо будет вести с ними торговые сношения, то князь, допустивший это в своих владениях, должен быть наказан согласно с законами против ереси. Чтобы вынудить Чехию смириться, надо было изолировать ее и заставить голодать.

Все усилия, направленные к реформе, были парализованы легатами. Убедившись, что под контролем папства немыслима никакая реформа, собор попытался сократить до двух или трех лет семилетний срок, назначенный для созыва нового собора. Но 8 марта 1424 г. легаты объявили, что собор распускается. Следующий собор был назначен в Базеле в 1431 г. Мартин сделал вид, что продолжает неоконченные реформы, и поручил вести их трем кардиналам, приказав направлять к ним все жалобы и проекты. Неохотно, под сильным давлением сторонников реформ в Церкви, Мартин 11 января 1431 г. поручил легату, кардиналу Джулиано Чезарини, проповедовать против гуситов крестовый поход, обещая участникам полную индульгенцию; в то же время он дал этому прелату полномочие открыть очередной собор и председательствовать на нем. Одним из наиболее энергичных сторонников собора был кардинал Сиены. Если бы он предвидел будущее, то несомненно умерил бы свое рвение: через три недели умер Мартин, и 3 марта кардинал Сиены был избран папой под именем Евгения IV. Кардинал Джулиано проповедовал пятый крестовый поход против гуситов, который поддержали в Германии, опустошаемой чехами. Вскоре прелат возглавил армию около ста тысяч человек. Чехи попросили у Сигизмунда охранных грамот для поездки на Базельский собор, соглашаясь представить спорные вопросы на обсуждение собора, который решил бы их на основании авторитета Св. Писания. Им было отказано и дано понять, что они должны без рассуждения принять решения собора. Чехи обратились ко всему христианскому миру с нападкамии на светскую власть папы и индульгенции, изданные с целью подавления их восстания. Протест чехов был получен собором 10 августа, почти в то самое время, когда в Таасе крестоносцы бежали без боя при первых звуках военного гимна гуситских отрядов. Изнуренные и разбитые немецкие князья были готовы вступить в переговоры со своими непобедимыми соседями. 15 октября собор

решил пригласить чехов на совещание и дать им охранную грамоту. Но исполнено это было только 20 ноября.

Однако 18 декабря Евгений решил распустить собор и через восемнадцать месяцев созвать новый в Болонье под личным председательством. Собор, уверенный в поддержке императора Сигизмунда, отказался повиноваться папе. Кардинал Джулиано встретился с папой как представитель сторонников реформы. Объясняя мотивы своего неповиновения, прелат нарисовал яркую картину положения Церкви в Германии. По его словам, испорченность духовенства в Германии вызывает такое возбуждение против Церкви, что если не будет сделано никакой реформы, то население поднимется, подобно гуситам, против духовенства. Магдебург прогнал своего архиепископа и все духовенство; граждане просили у гуситов помощи. Население Пассау изгнало своего епископа и осадило один из его замков. Эти два города находятся в соседстве с Чехией, и если они соединятся, то к ним примкнет много других городов. В Бамберге с еретиками, разногласие между гражданами и епископом и капитулом дошло до опасного ожесточения. Если собор будет распущен, то эти конфликты примут более серьезный характер и в них примет участие много других крупных центров.

Гуситские идеи быстро распространялись по Германии, благодаря глубокому отвращению, которое внушало к себе неисправимо развращенное духовенство. Церковь могла ожидать всеобщего восстания. Единодушно поддержанный всем христианским миром к северу от Альп, собор оказал решительное сопротивление папе. Сигизмунд принял сторону собора и в ноябре 1432 г. объявил, что берет под свою защиту отцов собора. Евгений в феврале 1433 г. согласился предоставить собору свободу действий. Но в июле снова объявил роспуск собрания и в сентябре подтвердил это. Собор приступил к суду над папой, и в декабре Евгений отменил свои буллы. Когда же снова вспыхнула ссора, то собор в январе 1439 г. отстранил папу, в июне низложил его, а в ноябре того же года избрал на его место Амедея Савойского под именем Феликса V.

Тем временем шли переговоры между собором и гуситами; на совещании 18 мая 1432 г. в Эгере было установлено, что разногласия будут обсуждаться на основании авторитета Св. Писания и творений древних отцов Церкви. Четыре положения, представлявшие общее

основание учений утраквистов и таборитов, были приняты как резюме их требований и легли в основу споров, которые велись в Базеле, в Праге, в Берне и Штутьвейссенбурге вплоть до окончательного совещания в Иглау в июле 1436 г. Часто споры принимали бурный характер. Когда Иоанн Рагузский, говоря о гуситах, употребил слово еретики, то Ян Рокицана, один из делегатов утраквистов, потребовал, чтобы всякий, кто выдвинет подобное обвинение, был обязан подтвердить это под угрозой наказания. Представитель таборитов Прокоп присоединился к этому протесту и заявил, что он никогда не пришел бы в Базель, если бы знал, что подвергнется подобному оскорблению. Иоанн Рагузский и лионский архиепископ должны были извиниться. Пригласили гуситов принять участие в соборе, но они не попались в эту ловушку.

Чехи заставили официально признать свои четыре положения под названием *Comractata* («Сжатое изложение»). 26 ноября 1433 г. в Праге был заключен договор об этом. Но это соглашение не разрешало всех затруднений. Четыре положения были лишь кратким изложением веры и допускали бесконечно разнообразные толкования. Диалектикам собора не трудно было разбить их и лишить всякого практического значения. С другой стороны, гуситы могли легко развивать их так, чтобы оправдать свои требования. В сущности, дело было так мало улажено, что в апреле 1434 г. собор обложил весь христианский мир половиной десятинного сбора для организации крестового похода против гуситов.

Когда в январе 1434 г. легаты покинули Прагу, между таборитами и утраквистами поднялись споры по поводу последствий переговоров. Между обеими сектами существовало, кроме религиозного, и политическое различие. Табориты в большинстве были крестьяне или бедные люди. Они не хотели принимать в свои ряды ни баронов, ни дворян, желали к четырем основным положениям прибавить еще два, чтобы обеспечить Чехии независимость и вернуть все конфискованные имущества. Разногласия между двумя партиями дошло до крайности, и они прибегли к оружию.

Табориты осаждали Пльзень, принявший сторону Сигизмунда, когда в Новом-Граде в Праге двадцать две тысячи их последователей были вырезаны без разбора пола и возраста. Они сняли осаду и 9 мая отправились к Праге, чтобы отомстить городу; но лишь появившись под

стенами Праги, пошли в Моравию. Между тем, утравквисты заключили союз с католическими баронами, которые, щедро одаренные собором, дали еретикам сильное подкрепление. Столкновение произошло в воскресенье 30 мая около Липан. Весь день и всю ночь тянулась ожесточенная битва, кончившаяся только в три часа утра в понедельник. Прокоп и тринадцать тысяч таборитов остались на поле битвы. Резня была настолько ожесточенной, что в плен взяли меньше ста человек. Могущество таборитов было окончательно сломлено.

Правда, они сохраняли еще за собою гору Табор, пока не были полностью уничтожены Юрием Подебрадом в 1452 г. Но и после почти полного уничтожения таборитов оставалось много поводов к ссоре. Так что в августе 1434 г. стали готовиться к новому крестовому походу. Compactata были официально подписаны 5 июля 1436 г., но мир, заключенный при взаимном недоверии и условия которого поддавались прямо противоположным толкованиям, не мог уладить глубокие разногласия.

Когда Сигизмунд прочно укрепился на чешском престоле, обряды и церемонии римской Церкви вновь заменили господствовавшую в течение двадцати лет церковную службу, отрицавшую всякую пышность.

Могущество императора-короля все увеличивалось. В марте пала таборитская крепость Кениггреца. Немного позже осадили Сион, крепость Яна Рогача, могущественного барона, отказавшегося покориться. Рогач был взят, приведен в Прагу и повешен в присутствии императора вместе с одним священником и шестьюдесятью своими сторонниками. Около декабря 1437 г. Базельский собор объявил, что причастие под одним видом есть церковный закон, который не может быть изменен, и в январе 1438 г. издал эдикт, в котором напоминал, требуя строгого применения канонов, о булле, изданной Мартином V 22 февраля 1418 г. против Уиклифа, Гуса и Иеронима. Эта мера придала новую энергию таборитам и другим недовольным в Чехии. Найдя себе поддержку у польского короля Казимира, претендента на чешский престол, гуситы открыто стали в оппозицию к наследнику Сигизмунда Альберту. Через четыре месяца после его смерти, в феврале 1440 г., родился его сын Владислав; в период долгого малолетства короля утравквисты взяли главенство над таборитами и католиками. В 1441 г. в Кутне-Горе состоялся собор, организовавший национальную Церковь

на принципах утраквистов. Проводилось много совещаний с таборитами, и спорные пункты были предложены на рассмотрение народного собрания в 1444 г. Это собрание решительно высказалось в пользу учений утраквистов и, таким образом, нанесло таборитам последний удар. Города, остававшиеся еще верными им, отпали один за другим. Члены общины рассеялись; большинство их перешло на сторону утраквистов. Как секта табориты исчезли, когда в 1452 г. Юрий Подебрад занял гору Табор и рассеял остатки сектантов.

После смерти Альберта власть в Чехии перешла в руки двух правителей, Птачка, представителя утраквистов, и Мейнгарда из Розенберга, победителя при Липанах, представителя католической партии. После смерти Птачка в 1445 г. его приемником стал Юрий Подебрад, могущественный барон и талантливый военачальник, его советником был Рокицана. Вступивший в 1447 г. на папский престол Николай V послал в 1448 г. в Прагу легата. Чехи энергично требовали от легата подтверждения Compactata и признания избрания Рокицаны архиепископом. В Праге начались волнения, и легат тайно бежал из Праги вместе с Мейнгардом из Розенберга. Мейнгард был пойман и заключен в тюрьму, где вскоре и умер. Юрий стал неограниченным правителем Чехии. В 1452 г. Владислав был признан королем, а Юрий стал регентом. Юный монарх умер в конце 1457 г., а вскоре был коронован Юрий. Во время его царствования утраквистский архиепископ Пражский Рокицана до самой смерти в 1471 г. сохранял почти неограниченное влияние.

Таким образом, у власти в Чехии утвердились утраквисты. С их символом веры Compactata официально в январе 1436 г. на совещании в Штульвейсенбурге согласились прелаты – представители Базельского собора. Чехи утверждали, что папа санкционировал Compactata, но не могли представить этому никаких положительных доказательств. Действительно, ни в одном акте об утверждении решений Базельского собора ни папа Евгений IV, ни Николай V Compactata не упоминают.

В сущности, Рим никогда и не думал признавать компромисса, выработанного собором. В то время как отцы собора старались восстановить гуситов в вере, Евгений всюду, где только мог применить власть, трудился над уничтожением еретиков обычным путем.

Уже издавна между Чехией и Венгрией были тесные отношения, и гуситизм широко распространился по этой стране и по расположенным

к югу славянским областям. Уже с 1413 г. учения уиклифитов были занесены в Хорватию студентами Пражского университета. Так как Сигизмунд был королем Венгрии, то и здесь Compactata принимали для легализации гуситов. Compactata были изданы по-венгерски, по-чешски, по-немецки и по-латыни. Сигизмунд выдал венгров Риму. Через шесть недель после подписания Compactata в Иглау, 22 августа 1436 г., Евгений назначил инквизитором в Австрию и Венгрию брата Джакомо делла Марка, который еще в январе того же года присутствовал на совещании в Штульвейссенбурге. Брат Джакомо до конца года объехал всю Венгрию, всюду уничтожая еретиков.

Этот фанатик уничтожил фратичелли Италии, катаров Боснии, гуситов Венгрии. В начале 1437г. к югу от Дуная он предавал смерти всех, кто отказывался обратиться, и предотвратил в Сремской епархии восстание гуситов. Евгений назвал Джакомо «энергичным и неумолимым истребителем ереси» и предоставил ему право назначать себе помощников, так что сам он являлся как бы генерал-инквизитором порученной ему провинции. Благодаря его стараниям 25 апреля 1438 г. бароны и города Польши образовали лигу для истребления ереси; это произошло накануне вступления Польши в Чехию на защиту гуситов от императора Альберта. В 1439 г. инквизитор Джакомо выдал в Среме в руки светских властей, как еретиков, одного священника и трех его единомышленников. Друзья осужденных освободили узников. Архиепископ Калочи принял сторону не инквизитора, а обвиняемых. В 1440 г. Джакомо покинул Венгрию, и на его место никто не был назначен. В январе 1444 г. Евгений IV ввиду распространения гуситизма назначил инквизитором в Славонию и Венгрию викария обсервантинов; ему было предоставлено право назначать себе помощников, которые пользовались полной независимостью от местных епископов. Всем, кто будет оказывать им помощь, были обещаны индульгенции; тем же, кто откажется помогать, грозило отлучение от Церкви, которое мог снять только папа или инквизитор. В июле 1446 г. Евгений снова упоминает о распространении гуситизма в Венгрии и Молдавии.

Рим даже во время своей ссоры с отцами Базельского собора проявлял энергию в подавлении гуситизма и пренебрегал Compactata. Николай V совершенно не обращал внимания на договор, подписанный собором, и видел в утравкистах только простых еретиков. Тщетно чехи

предлагали покорность, если только будут подтверждены *Compactata*, причем подразумевалось и признание папой Рокицаны пражским архиепископом. Но папство стояло твердо и скорее залило бы огнем и кровью весь христианский мир, чем признало, что Базельский собор имел право купить мир уступкой гуситам в вопросе о причастии. Кроме того, оставался еще вопрос о признании Рокицаны. Папские соглядатаи в своих донесениях в Рим изображали Рокицану как самого нечестивого и вероломного еретика: признать его означало бы нанести смертельный удар остаткам католичества в Чехии. И поэтому Рим никогда и не думал его утверждать.

Когда падение Мейнгарда из Розенберга сосредоточило всю власть в руках Юрия Подебрада, Николай V направил в Чехию инквизитора-миссионера, викарного генерала францисканцев-обсервантинов Джованни да Капистрано, инквизитора с 1417 г. В 1451 г. он уничтожил фратичелли; но по просьбе Николая прервал это кровавое дело, чтобы заняться обращением гуситов. Его инквизиторская власть была распространена на чешские области.

Несмотря на просьбу императора, Подебрад и Рокицана категорически запретили Капистрано посетить Прагу. Генерал с письмами императора к католическим вельможам и их главе Ульриху Мейнгарду из Розенберга отправился в июле в Моравию. Епископом в Ольмюце был католик, и Капистрано не встретил никаких препятствий при обращении еретиков-гуситов. Он начал действовать в Брюнне (Брно) 1 августа 1451 г. и к маю 1452 г. произвел более одиннадцати тысяч обращений. Однако он не имел права применять инквизиционные приемы. Когда обращения бывали добровольные, он воссоединял кающихся с Церковью, накладывая на них епитимьи, и оставлял за ними имущество и должности. В случае же упорства еретиков Капистрано приходилось ограничиваться только убеждением, не прибегая ни к тюрьме, ни к костру.

В начале миссии Капистрано Рокицана в дружеских выражениях упрекал инквизитора, что он осуждает как ересь причастие под двумя видами, разрешенное чехам Базельским собором. Но генерал требовал «взятия назад чаши» и признания главенства папы. Капистрано, сделав таким образом невозможными дружеские переговоры с утравкистами, тем не менее в 1452 г. потребовал от Подебрада помощи и

покровительства, которые должны были оказываться папскому уполномоченному и инквизитору.

В 1452 г. чехи обратились с жалобами к сейму немецких князей. Они указывали на свою покорность Св. Престолу и на то, что условия *Comtractata*, запрещающие считать еретиками причащающихся под двумя видами, нарушены монахом Капистрано, именующим себя папским уполномоченным и инквизитором, который объезжает чешские земли, объявляя всех утраквистов еретиками. Со своей стороны Капистрано в письме к папе осуждал предложения примирения, сделанные кардиналом-легатом, и сообщал, что надеется на успех переговоров с немецкими князьями о новом крестовом походе против гуситов. Легат Николай Куза в июне 1452 г. обратился к чехам с энцикликой. В ней он ясно говорил им, что всякий, кто не с Церковью, тот против нее; что следует забыть *Comtractata*, так как это соглашение якобы не привело к единению, и требовал только полного и простого повиновения Св. Престолу. Чтобы вызвать еще большее возмущение, он с удивительным цинизмом ручался им, что Церковь настолько добрая мать, что не может позволять своим детям то, что вредно для них.

Конец 1452 г. Капистрано посвятил объезду Германии с целью поднять крестовый поход против чехов. Но его старания остались безуспешными вследствие взятия Константинополя турками в мае 1453 г. и всеобщей паники, вызванной этим.

Из Бреслава Капистрано летом 1453 г. отправился в Польшу и в Кракове заключил в тюрьму медика-магистра, на которого пало подозрение, что он был доверенным Рокицаны. Из Польши он снова послал Подебраду просьбу о выдаче ему охранного листа для проезда в Прагу; ему отказали, сославшись на прежний отказ и указав, что король Владислав не желает нарушать спокойствие в своем королевстве. 15 мая 1454 г. Капистрано покинул Краков и отправился в Бреславль и Ольмюц, откуда он надеялся проникнуть в Чехию. В письме от 13 июня король Владислав просил ольмюцкого епископа заставить молчать Капистрано, который, в резких выражениях обличая чехов, приносил больше вреда, чем пользы.

С лета 1454 г. до лета 1455 г. по просьбе Энея Сильвия Пикколомини деятельность Капистрано была поглощена борьбой против турок, и гуситы на время были оставлены в стороне.

Избранный 8 апреля 1455 г. новый папа Каликст III немедленно послал легатов проповедовать по всей Европе крестовый поход против турок. Венгры, особенно обеспокоенные грозящим вторжением Мухаммеда II, просили Капистрано поддержать их. С разрешения Каликста, подтвердившего все данные Николаем привилегии, Капистрано принялся за организацию крестового похода. Однако Капистрано не терял из виду ненавистных гуситов. Момент казался благоприятным для примирения ввиду угрозы турецкого вторжения, и чехи надеялись добиться не только утверждения Compactata, но и красной шапки для Рокицаны. Но Капистрано 24 марта 1456 г. писал из Будапешта Каликсту, убеждая его не идти на примирение с чехами. Воззвание инквизитора было услышано, и все предложения компромисса были отвергнуты Римом. Неожиданно пришла весть, что Мухаммед II осадил Белград. Регент Венгерского королевства, граф Трансильванский Ян Гуниади, при помощи некоторых немецких крестоносцев собрал венгерские силы; к нему же присоединился Капистрано в качестве духовного вождя крестового похода. В боях с 14 июля по 22 июля 1456 г. войско Гуниади и гарнизон Белграда полностью разбили армию Мухаммеда. Это поражение вместе с геройским сопротивлением, оказанным Скандербегом в Албании, остановило турецкое вторжение. Но 11 августа от эпидемии умер Ян Гуниади. Эта смерть помешала победителям воспользоваться должным образом своей победой.

Красноречие Капистрано вызвало у христианского войска лихорадочный приступ религиозного возбуждения; деятельность его была неутомима. Но 23 октября, когда был нанесен неверным последний удар, он умер. Друг и соперник Капистрано, Джакомо делла Марка, в 1457 г. занял его место. Ему были даны те же полномочия инквизитора и крестоносца. Турецкая опасность была еще настолько грозна, что Джакомо не мог тратить свое время на преследование и всецело посвятил себя организации войны против ислама; когда он вернулся в Италию, ему (францисканцу) пришлось защищаться от обвинения в ереси, выдвинутого против него доминиканцами. Его преемниками были его ученики. Хотя францисканцы в течение целого поколения работали над обращением утраквистов, однако успеха они не имели, так как не могли прибегать к обычным инквизиционным приемам.

Надежда привести Чехию к повиновению с каждым днем становилась все слабее. Во время гуситских войн нашлись могущественные бароны и города, готовые энергично поддерживать папу и императора. Во время междуцарствия сначала было смешанное управление, одинаково разделенное между католиками и уtrakвистами. При правлении Подебрада католические города были покорены один за другим, а в духовных вопросах всемогущим стал уtrakвист Рокицана. Правда, в учении и порядках двух Церквей разница была не велика, кроме вопроса об употреблении чаши; но независимость спасала от алчности римской курии. После избрания и коронации в 1458 г. Юрия Подебрада у Рима не осталось надежд на мирное возвращение чехов в лоно Церкви.

Однако вначале соглашение казалось возможным. Незадолго до своей смерти в конце 1457 г. Владислав предполагал послать в Рим посольство с целью добиться примирения, и Каликст III выразил желание видеть Рокицану, пользовавшегося в Риме широкой известностью. Подебрад короновался вполне по римскому обряду. В день своей коронации он присягнул повиноваться Каликсту и его преемникам, восстановить веру и преследовать еретиков. Папа признавал его королем Чехии. Он послал в Рим послов, обещавших, что вслед за ними придет Рокицана, который обеспечит подчинение Чехии. Когда несколько месяцев спустя Каликст умер и под именем Пия II папой стал Эней Сильвий, то появилась надежда на разумное соглашение: он участвовал в переговорах, приведших к Compactata. Новый папа был озабочен необходимостью объединения христианского мира против турок; все ожидали, что он сознает, насколько важно примирение с Чехией. Юрий отправил послов в Рим с новым изъявлением покорности и с просьбой об утверждении Compactata. Пий II, однако, объявил, что Юрий может быть признан королем Чехии, если уничтожит ересь; для этого папа обещал прислать ему легатов. Легаты прибыли. Не признавая Рокицану, Пий поручил управление архиепископией пражскому декану Венцеславу, католику и яркому врагу Рокицаны. Тотчас же произошло всеобщее восстание. Венцеслав добился признания своих прав, но власть осталась в руках Рокицаны. Юрий заключил в тюрьму прокуратора курии, посланного папой в качестве проповедника, и продержал его там три месяца. Пий категорически отказался признать королем Юрия: еретик не может

носить корону, а верноподданническая присяга, принесенная его подданными, не имеет никакого значения. Единственным средством для Юрия получить права королевского достоинства было вернуться в лоно Церкви. В июне 1464 г. Пий II издал буллу, в которой упоминались все обиды, нанесенные Церкви Чехией; объявлялось, что *Compactata*, как никогда не получавшие утверждения Св. Престола, не имеют никакого значения; он вызвал Юрия явиться в стовосьмидесятидневный срок на суд римской курии по обвинению его в ереси. Через два месяца Пий II умер, но его преемник Павел II (1464-1471) продолжал дело, пользуясь старыми инквизиционными средствами. В 1465 г. были назначены три кардинала судить Юрия как еретика-рецидивиста; в августе они признали его, как простого смертного, явиться в шестимесячный срок. Не выжидая окончания этого срока, папа в первых числах декабря издал буллу, освобождавшую всех подданных Юрия от их обязанностей в отношении него.

В 1468 г. Подебрада снова не раз вызывали на суд кардиналов. В феврале 1469 г. гусит Юрий Подебрад был проклят вместе с Рокицаной, и постановили, чтобы трижды в год во время обедни их предавали анафеме во всех кафедральных соборах.

Когда в 1408 г. немецкие князья заключили перемирие на пять лет с целью собрать свои силы против ислама, то Павел II послал епископа проповедовать крестовый поход против Чехии с дарованием за это полного прощения грехов. Королевство было отдано королю Венгрии, Матвею Корвину, который поднял крест и во главе армии крестоносцев занял Моравию. Это было началом долгой войны, во время которой Юрий умер в 1471 г., перед смертью с него было снято отлучение от Церкви. Королем Чехии был избран Владислав II, сын Казимира Польского. В 1475 г. Владислав и Матвей заключили соглашение: они оба были признаны королями Чехии; за Матвеем до его смерти оставались Моравия, Силезия и большая часть Лузании; тот, кто переживет другого, получал все королевство. В 1490 г., после смерти Матвея, Владислав получил три провинции, а вскоре прибавил к ним Венгрию.

Владислав- добрый католик- сделал попытку сломить упорство утраквистов, но в Праге вспыхнули кровавые беспорядки, которые едва не стоили ему жизни. Наконец, в 1485 г. на собрании в Кутне-Горе согласились на взаимную терпимость, и Владислав после этого не

выступал против утраквистов. Огромное большинство населения составляли утраквисты, т.е. еретики. Время от времени назначали инквизиторов-миссионеров, но они ограничивались проповедями и словопрениями. В 1463 г. Пий II счел даже нужным предупредить викарного генерала обсервантинов, чтобы братья в своих сношениях с еретиками исключительно действовали мерами кротости и убеждения. В большинстве миссионеры были францисканцами, поэтому терпимость чехов в отношении католиков не относилась к этому ордену. В 1460 г. Юрий Подебрад позволил францисканцам вернуться в Прагу, но из-за их фанатизма и нетерпимости они были изгнаны в 1468 г. Во время царствования Владислава они были еще раз возвращены в 1482 г.; но во время беспорядков следующего года они должны были спасаться бегством. Монастырь их срыли, и он был восстановлен только в 1629 г. Время от времени основывали францисканские общины в Градце, Глаце и в Ниссе, но они всегда существовали недолго и скоро падали жертвой народного гнева. Утраквисты упорно не переходили в католичество. Лев X (1513-1521) поручил своему легату сделать попытку воссоединения Чехии. Мирянам была предоставлена чаша согласно с условиями, выработанными на Базельском соборе, но она была запрещена для детей и умалишенных из боязни святотатства: право проповеди было оставлено за духовенством; секуляризованные церковные имущества могли остаться за чехами, если они согласятся доставлять епископам и священникам необходимые средства к жизни и если пошлют в крестовый поход против турок от пяти до десяти тысяч человек сроком до одного года. Но надо было, чтобы чехи признали за Церковью право приобретать и передавать недвижимые имущества. Относительно других спорных пунктов нельзя было сделать никаких уступок. Это была первая со стороны Рима попытка соглашения; но утраквисты упорно настаивали на Compactata как хартии своей религиозной независимости. В 1526 г. новый король Фердинанд Австрийский, добрый католик, все же обязался сохранять Compactata.

С вырождением утраквизма учения Уиклифа и Гуса не были полностью забыты. Истинными наследниками этих двух реформаторов были табориты. Твердо отстаивая свою духовную независимость, они не были нетерпимы, и среди них допускалось самое широкое различие во мнениях. Они оставались верны своим убеждениям, несмотря на преследования, в течение долгих лет предпринимаемые против них

Рокицаной и Подебрадом. Было достаточно элементов для образования секты, основанной на учениях таборитов.

Впервые эта секта выступила правильно организованной в 1457 г. Горячие и смиренные христиане, они старались применять учение Христа и от таборитов отличались большим сходством с вальденцами; этим сходством они обязаны влиянию Петра Хельчицкого, который, хотя и не являлся членом их общины, был в известной степени их наставником. Подобно вальденцам, они запрещали присягу и убийства и восстановили вальденское непротавление злу. Они считали, что таинства в руках, оскверненных грехом, не имеют значения. Священники могут принимать исповедь и накладывать епитимьи, но не могут отпускать грехов; они могут сказать только, что Бог простит. Чистилище – миф, придуманный священниками. В отношении таинства евхаристии они принимали формулу Петра Хельчицкого, который утверждал, что верующий принимает тело и кровь Господню, не стараясь объяснить это и не смея спорить об этом. Таковы были принципы, на которых было основано это братство любви и кротости, полное самоотречения и смирения, бывшее, возможно, лучшим представлением христианского идеала за тринадцать столетий.

Простота их жизни не доводила аскетизма до преувеличения. Вечное блаженство достигается добросовестным исполнением обязанностей, наложенных на человека Создателем, покорностью Божьей воле, смиренной верой в Христа. Это было «Единение чешских или моравских Братьев», которые без борьбы и сопротивления выдержали жестокие превратности того переходного времени и сохранились до наших дней.

Вначале Братья пользовались расположением Рокицаны. Кроме того, они утверждали, что следуют его учению, а его племянник Григорий был одним из старейших их вождей вместе с Михаилом, священником из Замберга. Однако когда Братья отделились от утраквистов, то Рокицана не запрещал преследовать их: около 1461 г. Григорий тайно пробрался с несколькими товарищами в Прагу, их приняли за таборитов и подвергли пытке. Немного позднее Подебрад разрешил Братьям поселиться в Литиче.

Сохраняя все таинства, Братья верили в апостольское преемство и таинство посвящения. Но так как таинства теряли всю свою силу в руках недостойных, то сектанты подвергали сомнению священство

своих духовных отцов, так как оно исходило от римской курии. В 1467 г. в Лыготке состоялось собрание избранных депутатов – Братьев, решивших отделиться от римской Церкви. Одновременно были завязаны тесные контакты Братьев с вальденцами. Вскоре две тесно связанные секты слились в одно общество. Официальное название «Единение Братьев» продолжало существовать, но мало-помалу было принято старое название «вальденцы», которым стали пользоваться и сами сектанты.

Братья подвергались частым и жестоким преследованиям. Иногда им приходилось искать себе убежища в горах и лесах, отчего им дали имя ямницы, т.е. обитатели пещер; они насчитывали целый ряд мучеников, которые в темницах и на кострах засвидетельствовали твердость своих убеждений. Тем не менее маленькая община росла безостановочно. В 1500 г. она увеличила число своих епископов до четырех. В Чехии и Моравии насчитывали до четырехсот церквей с числом прихожан до двухсот тысяч. Было мало деревень и не существовало почти ни одного города, где не было бы сектантов. У них было много могущественных покровителей среди вельмож, которые во время порабощения крестьян в 1487 г. проявили свою независимость и встали на защиту преследуемых. Братья деятельно занимались образованием народа и печатанием книг; в каждом приходе имелась школа; кроме того, работали высшие учебные заведения, особенно в Литомышле и в Юнгбунцлау. Из шести чешских типографий им принадлежали три: одна – католикам и две утраквистам. Между 1500 и 1510 гг. в Чехии было напечатано шестьдесят томов, и пятьдесят из них типографией Братьев.

С этого времени до смерти Владислава в 1516 г. Братья подвергались перемежающемуся, но жестокому преследованию, особенно в Чехии. В своем духовном завещании Владислав давал наставления относительно их. Уничтожения «для спасения его души и из-за любви к истинной вере». Но во время малолетства его сына Людовика, благодаря возникшим волнениям и борьбе между католиками и утраквистами, Братьев оставили в покое; вернулись их изгнанные священники, открылись церкви, и восстановилось публичное богослужение.

В 1515 г. на Латеранском соборе Ян из Ласка, гнезненский архиепископ, делегат Сигизмунда от Польши, утверждал, что в Чехии,

Венгрии и Польше ересь настолько могущественна, что многие приходы остаются без католических священников; было невозможно избежать контактов с еретиками. Гуситизм распространился по Восточной Европе; эта ересь могла восторжествовать благодаря поднявшемуся повсюду недовольству против беспорядков и тирании римской курии. Папа Лев назначил комиссию кардиналов для расследования дела и принятия необходимых мер. Результатом этого расследования была булла, в которой ни словом не упоминается о преследовании; папа ограничивается только тем, что предлагает известные условия и разрешает обедню в присутствии еретиков и схизматиков.

Когда возникло лютеранство, чехи вступили в переговоры с немецкими протестантами. Они выдержали нападения контрреформации и сохранили до наших дней учения Петра Вальдо и Уиклифа. Моравская Церковь в 1885 г. насчитывала до трехсот девятнадцати миссионеров, рассеянных по самым отдаленным углам земного шара, а число обращенных туземцев определялось более чем в восемьдесят одну тысячу человек. Их апостольский труд свидетельствует, что не даром была пролита кровь Яна Гуса и Иеронима Пражского.